

ВАСИЛИЙ ПЕТРЕНКО

До и после Освенцима

Москва, 2000

*Узникам нацистских лагерей смерти
и воинам-освободителям посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	7
КОЧУБЕЕВКА	14
СЕМЬЯ	15
ВОДКА	16
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	18
«НАШИ» ЕВРЕИ	19
ШКОЛА	19
О РЕЛИГИИ	20
ЮНОСТЬ	21
АРМИЯ	22
КОНВОИР	24
ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД	26
ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ.	30
МОЙ ПЕРВЫЙ КОМАНДИРСКИЙ ОТПУСК.	31
285 СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК	34
ВСТРЕЧА С НАРКОМОМ	35
НАЧАЛО РЕПРЕССИЙ	36
СВАДЬБА	40
КАЗАНЬ	41
ВОЙНА	42
ЧЕКИСТЫ НА ФРОНТЕ	45
ПЕРВЫЙ БОЙ	47
БИТВА ЗА ДНЕПР	56
ЛЬВОВСКО — САНДОМИРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	69
ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	71
В ОСВЕНЦИМЕ	89
МИРНАЯ ЖИЗНЬ	94
ВОЗВРАЩЕНИЕ	97
АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	98
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО	101
ГЕРМАНИЯ	106
КОМЕНДАНТ МОСКВЫ?	109
ТУРКЕСТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ	111
«СТАРЫЙ ДРУГ»	115
АКАДЕМИЯ ИМ. М.В. ФРУНЗЕ	117

ОТ ОСВЕНЦИМА ДО САН-ПАУЛО	6
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	120
	126

ОТ РЕДАКТОРА

Высокий, стройный, сильный человек. Таким я увидел Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта в отставке Василия Яковлевича Петренко в апреле 1994г. Он пришел в Московский Дом ученых на первый в России официальный мемориальный вечер памяти евреев-жертв нацизма. Вместе с ним в президиуме сидели один из организаторов восстания в Варшавском гетто Марек Эдельман, чудом выжившие бывшие узники, известные политики и ученые. На вечере выступали Булат Окуджава, Инна Чурикова, Зиновий Гердт...

Когда ведущая вечера Алла Гербер предоставила генералу слово – «один из освободителей Освенцима» – зал замер. Неторопливо, четко выговаривая слова Василий Яковлевич сказал фразу, которая запомнилась мне навсегда:

— Я очень не люблю, когда меня представляют, особенно за рубежом – «освободитель Освенцима». В боях в районе лагеря смерти Аушвиц и его филиалов сражались четыре дивизии 60-й армии. Командиры трех из них – мои боевые товарищи – ушли из жизни совсем молодыми. Десятки наших солдат и офицеров сложили головы непосредственно в боях за Освенцим. Так получилось, что сегодня только я могу рассказать, как освобождала этот страшный концлагерь наша армия.

В конце выступления Василий Яковлевич извинился, что не сможет быть до конца вечера - дома осталась больная супруга. Когда он уходил, зал стоя проводил генерала аплодисментами.

Удивительно скромный человек, Василий Яковлевич долго не соглашался писать воспоминания. Еще в конце 60-х годов Воениздат дважды предлагал ему заключить договор. Генерал Петренко отказался, потому что писать так и о том, что он хотел, было еще рано. А писать или говорить неправду Василий Яковлевич не умел никогда.

Предлагаемые читателю воспоминания заметно отличаются от известных мемуаров советских военачальников. Прежде всего - поразительной скромностью и самоиронией. Начиная с детских лет, проведенных под Полтавой в небольшом селе с историческим названием Кочубеевка, и вплоть до окончания военной карьеры, Василий Яковлевич неоднократно попадал в ситуации, мягко говоря, непростые. Еще мальчишкой едва не отравился водкой и в результате на всю жизнь невзлюбил спиртное, что совсем нетипично для человека с военной карьерой. Первый неудачный

армейский опыт службы в конвойных войсках – отрубленное шашкой ухо пытавшегося бежать заключенного. Едва не взорвал своих боевых друзей сразу после окончания войны. Отказался отдать приказ возить сено на танках для овец в высокогорных пастбищах Таджикистана, тем самым напрочь испортив отношения с местным партийным начальством. Отказался от должности коменданта Кремля и четырехкомнатной квартиры, а затем долго не мог выбраться из коммуналки...

Читая эту книгу-исповедь, невольно думаешь о том, что судьба генерала Петренко – это история России XX века. Мальчишкой он видел сменяющие друг друга войска белых, красных, петлюровцев, махновцев...История его большой, работающей семьи — вполне типична для украинского крестьянства. Отец, всего добившийся своим трудом, в начале тридцатых годов лишается своего имущества и живет в землянке. Приехавший в свой первый отпуск молодой военный, бывший комсомольский активист, увидит и никогда не забудет голод и отчаяние людей — последствия непродуманной коллективизации. Он мечтает стать красным командиром, не думает о политике. Но его молодость омрачена арестами друзей и сослуживцев в годы сталинских чисток, а в конце 40-х он невольно становится свидетелем фарса в так называемом «ленинградском деле», когда Г. Маленков, один из руководителей страны, проводит в северной столице показательное изгнание из партии «врагов народа» прямо на пленуме ленинградской партийной организации.

В.Я. Петренко встретил войну майором, почти год не мог вырваться на фронт. Только неожиданная помощь знаменитого «красного маршала» Ворошилова, помогла сбыться его мечте. И вот, наконец, первый бой на подступах к Воронежу, едва не закончившийся для него расстрелом за невыполнение приказа... Немало страниц книги посвящены анализу этого боя и непрофессиональным действиям заместителя наркома обороны генерала Громадина, чьи непродуманные приказы он отказался выполнять. Этот генерал — один из тех, кто пришел на смену казненным военачальникам Красной Армии.

О своем боевом пути В.Я. Петренко пишет очень скупно. Помимо первого боя, он подробно анализирует лишь Висло-Одерскую операцию и бой за Днепр. Именно в ходе освобождения Киева осенью 1943г. Василий Яковлевич получил высшую награду Родину - звание Героя Советского Союза. Он участвовал в Курской битве, форсировал Днепр, Днестр, Вислу, воевал на Сандомирском плацдарме, освобождал Прагу, награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Суворова, орденами Красной Звезды и Отечественной войны, многими медалями. В 33 года Василий Яковлевич стал генералом, спустя три года с Золотой

медалью окончил Академию Генерального штаба.

Многое в этой книге воспоминаний осталось «за кадром». В том числе – и счастливо-трагичная личная жизнь генерала. Его красавица жена, Валентина Александровна, минуя все мыслимые и немыслимые преграды – под своей девичьей фамилией! – попадает к мужу на фронт и не расстается с ним до конца войны. Но их первая и, увы, единственная дочь Рита умирает от болезни...

Они удивительно дополняли друг друга. Суровый с виду генерал был удивительно заботливым мужем. Валентина Александровна последние годы жизни была практически прикована к постели, не выходила из дома. И Василий Яковлевич отказывался от многих поездок и выступлений, чтобы быть рядом. Когда мы работали над воспоминаниями, Валентина Александровна не раз помогала мужу вспомнить ту или иную дату или фамилию. Она ушла из жизни в ноябре 1999г. В том, что эта книга увидела свет - ее огромная заслуга.

Почти два года Василий Яковлевич работал над своими воспоминаниями. Писал и вновь переписывал отдельные главы, правил расшифровки диктофонных записей, скрупулезно отвечал на вопросы. Он и сейчас, когда пишутся эти строки, продолжает размышлять о главной теме своих научных и публицистических работ последних лет — нацистских лагерях смерти и их роли в системе чудовищного плана нацистов по истреблению народов Европы. Эти размышления – не только очевидца и участника событий, но и крупного военного историка, профессора, начальника кафедры оперативного искусства Военной академии имени Фрунзе, автора более шестидесяти научных работ, - представляются нам чрезвычайно ценными. Впервые в нашей литературе делается попытка ответить на вопрос: почему Сталин и возглавляемая им Ставка ни разу в ходе войны не поставили задачу освобождения именно узников нацистских лагерей смерти? Ни сам Петренко, ни его боевые соратники – командиры других дивизий, освобождавших самый страшный нацистский лагерь смерти, - не получали никаких сведений о существовании этого концлагеря вплоть до боев за город Освенцим. Анализ мемуаров советских военачальников и документов Центрального архива Министерства обороны позволил В. Я. Петренко сделать важный вывод о том, что даже командующий фронтом маршал Конев не получал от Сталина никаких сведений и задач по освобождению именно концлагеря и сохранению жизни его узников. Разумеется, автор никоим образом не умаляет заслуг наших воинов, спасших последние несколько тысяч уцелевших узников. Но справедливо и его замечание, что таких спасенных могло быть и значительно больше, если бы не только советское руководство, но и лидеры США и Англии ставили перед войсками союзников

аналогичные задачи. Эта тема книги, несомненно, одна из самых интересных, и, возможно (в части объяснения причин такого поведения Сталина), в чем-то спорных. Но это мнение и свидетельство очевидца должно принадлежать Истории.

С 1960г. В.Я. Петренко – неизменный участник юбилейных церемоний освобождения Освенцима. В Польше, США, Англии, Израиле (еще до восстановления дипломатических отношений между нашими странами) и даже в Бразилии. Страницы воспоминаний, посвященные этим встречам и их влияние на размышлениях генерала о судьбах еврейских жертв нацизма – одни из интереснейших в этой книге. Поразительно, но до 1995г. о годовщинах освобождения Красной Армией Освенцима не вспоминали лишь в Москве...

К сожалению, о преступлениях нацистов, в том числе о Холокосте – планомерном уничтожении евреев Европы – в России знают далеко недостаточно. Эта честная и искренняя книга, уверен, поможет многим людям еще раз задуматься об ужасах войны и человеконенавистнической сущности любого тоталитарного режима.

14 января 2000 года генералу Петренко исполнится 88 лет. Он живет на площади Победы, в небольшой двухкомнатной квартире у Триумфальной арки, вместе с удивительно забавной маленькой собачкой Бамой, которая громким лаем встречает гостей еще у лифта. В нескольких минутах езды от квартиры генерала расположен первый в России Музей Холокоста на Поклонной Горе.

Генерал убежден, что судьба его сложилась счастливо. Он честно исполнял свой долг.

* * *

Эта книга увидела свет благодаря помощи и поддержке многих людей и организаций. В ее подготовке приняли участие Елена Лукьянова, Надежда Козлова и Нона Сорокер. Наша особая признательность – председателю Попечительского совета Фонда «Холокост» Л. С. Макаронову и доктору военных и исторических наук Ф. Д. Свердлову.

Илья Альтман, 26 декабря 1999г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Создание и деятельность лагеря смерти Освенцим (Аушвиц) — один из самых страшных эпизодов Второй Мировой войны, получивших широкое освещение в кинофильмах, документальной и художественной литературе и ставшими известными во всем мире. На его примере ярко прослеживается суть нацистских концлагерей, ставших невиданными в истории «фабриками смерти». Не менее важен и другой аспект — история прекращения деятельности этих концлагерей, ликвидация их в ходе военных действий армий стран антигитлеровской коалиции против фашистской Германии.

Как справедливо отмечено в книге, изданной в 1975 г. Государственным музеем в Освенциме «Освенцим в глазах СС», научные исследования, раскрывающие суть гитлеровских концлагерей, а также подробности воплощения и преступную практику деятельности этих лагерей уничтожения, достаточно обширны. Составленная до настоящего времени библиография не способна отразить все книги, научные работы, воспоминания, посвященные этой трагической теме и изданные на многих языках в разных странах мира. Укажем, что за прошедшие годы эта литература значительно пополнилась. Продолжают появляться все новые и новые работы.

Между тем, об освобождении нацистских лагерей смерти сказано далеко не все. Вопрос о том, планировалось ли освобождение того или иного концлагеря и его узников, длительное время по разным причинам практически не рассматривался не только в советской, но и в зарубежной литературе.

Из десяти крупнейших гитлеровских концлагерей, справедливо названных фабриками смерти, союзные войска освободили пять: Заксенхаузен, Равенсбрюк, Дахау, Бухенвальд, Штутгоф. Но даже в обширном исследовании Стивенса Амброза «Эйзенхауэр, солдат и президент», повествующем о подробностях военных операций англо-американских войск, нет ни одного упоминания о планах освобождения хотя бы одного гитлеровского концлагеря.

В СССР вышло несколько книг, в которых с разной степенью подробности говорится об освобождении концлагеря Освенцим.

Недостаточная информация о том, как был освобожден этот лагерь смерти в ходе Висло-Одерской операции Советской Армией, явилась одной из причин

появления версий, искажающих эти события. Например, в мемуарах офицеров гитлеровской армии имеются высказывания, что будто бы никаких боевых действий за удержание города и концлагеря Освенцим немецкие полевые войска и даже полицейские подразделения не вели, а ушли из него еще до прихода советских войск.

Некоторые авторы, стремясь опорочить подвиги наших воинов при освобождении этого концлагеря, делают заявления, что будто бы советские войска перейдя в наступление с Сандомирского плацдарма, слишком медленно продвигались к Освенциму, чтобы дать гитлеровцам больше времени на уничтожение уников концлагеря и ликвидацию следов массового уничтожения людей.

Воины 60-й армии хорошо помнят, какими были эти 170 км, которые пришлось пройти за 12 суток под огнем врага от Сандомирского плацдарма до Освенцима. Им пришлось брать четыре немецких оборонительных рубежа, форсировать три реки, отразить два контрудара врага и, почти ежедневно, по две-три контратаки. Даже тогда, когда войска 60-й армии подошли к рубежу, от которого до Освенцима оставалось всего 18 км, им пришлось в течении трех суток вести кровопролитный бой. Это было в январе 1945 г., когда перепады температуры менялись от минус 5-7 до плюс 3-8 по С⁰. И не было ни одного дня отдыха. Каждый день, каждую ночь шли бои.

Приведем еще один пример искажения правды об освобождении Освенцима. Полковник Г.Д. Елисаветский в январе 1945г. занимал должность командира запасного полка 60-й армии. В 1988 году вышли в свет его воспоминания «Лица и судьбы». В этих мемуарах говорится, что Освенцим освобождал... запасной полк 60-й армии под командованием Елисаветского.

Напомним, что запасной полк — это специальная часть, которая по своему назначению и вооружения не была предназначена для ведения каких-либо боевых действий. Эти полки создавались только для содержания офицеров разных родов войск, поступивших из госпиталей или окончивших военные училища и курсы. Они должны были давать пополнение в боевые части вместо погибших и раненых офицеров. На вооружении полка находилось только личное оружие. В него входила также рота из 100 автоматчиков.

Запасной полк Елисаветского по приказу командующего 60-й армией П.А. Курочкина был введен в Освенцим для несения комендантской службы. Вошел он туда уже после того, как боевые части освободивших концлагерь дивизий, преследуя врага, ушли на запад. Несомненно, что этот запасной полк сделал много для узников лагеря,

но автор мемуаров счел возможным причислить себя и подчиненный ему полк к освободителям лагеря.

Для тех, кто отдал жизнь в боях за Освенцим, для оставшихся в живых, для всех воинов четырех дивизий, участвовавших в его освобождении, все эти фальсификации являются оскорблением.

Сегодня, когда во всем мире отмечается 55-летие освобождения концлагеря Освенцим, люди должны знать правду о тех, кто в самоотверженной борьбе положил конец этой нацистской фабрике смерти. Правдивое освещение событий, связанных с освобождением города Освенцим и концлагеря Освенцим - Бжезинка необходимо, прежде всего, для поколений, выросших после войны. Эта правда нужна во имя светлой памяти воинов, отдавших жизнь при штурме концлагеря.

Долгие годы меня, как непосредственного участника событий и военного историка, мучил вопрос: ставилась ли специально перед нашими войсками задача освобождения этого лагеря смерти? Я попытался решить его, рассматривая бои за город и лагерь смерти Освенцим на фоне анализа замысла, целей и задач Висло-Одерской операции Советской Армии.

Эта многолетняя работа не только заставила меня по-иному отнестись к некоторым фактам нашей истории, но и позволила задуматься о своей собственной судьбе. Почти 50 лет жизни я отдал армейской службе, прошел путь от курсанта до генерал-лейтенанта. Надеюсь, что рассказ о моей судьбе поможет читателю лучше понять некоторые события XX века.

КОЧУБЕЕВКА

Я родился 1 января 1912 года в украинском селе с историческим названием Кочубеевка. Это старинное село находится в Чутовском районе Полтавской области. В XVIII веке село было собственностью знаменитого князя Кочубея. Он вместе с Петром I воевал в наших краях против войск шведского короля Карла XII и украинского гетмана Мазепы. Князю Кочубею отрубили голову в 1709 году по приказу Мазепы. В Полтавском музее хранится его нижняя рубаха с пятнами крови. В ней Кочубей взошел на эшафот.

В нашем селе была необыкновенно красивая и очень крепкая церковь. В тридцатых годах ее пытались уничтожить, вызывали саперов, но так и не смогли подорвать. Зато разрушили стоявший рядом с церковью небольшой памятник царскому генерал-майору, фамилии которого я не помню, из черного мрамора. Тогда же обнаружили склеп, в котором оказалось пять гробов — останки полковника Искры, одного из сподвижников Кочубея, также служившего в армии Петра I, и близких родственников князя.

Мои далекие предки - запорожские казаки. В нашем селе им дали прозвище «Чумаки». Чумак - это тот человек, который свое село и окрестности снабжал солью. Он ездил в Крым на быках, обменивал разные товары у местных жителей на соль и привозил ее домой. Но в нужное время Чумак становился воином казачьего войска.

Рядом с улицей, где стоял наш дом, находилась площадь. Называлась она «выгон», там пастухи собирали деревенское стадо. Улицы и переулки в селе названий не имели, хотя их было несколько. Местные жители говорили: «Сходи «к Чумаку» или пойди к Гайдуку»!

В трех километрах от Кочубеевки находилось крупное предприятие, состоящее из двух сахарных заводов и одного завода, производившего спирт, а рядом — большое сельскохозяйственное имение. Все это принадлежало помещикам Дурново.

Ни дедушек, ни бабушек своих я никогда не видел. Они рано умерли. Немного слышал о деде, очень заботливом семьянине. Когда нужно было что-нибудь приобрести, (наше село находилось в пятидесяти верстах от губернского города Полтавы), он просто брал палку, мешок и пешком шел в город. На это путешествие затрачивалось не более трех суток.

Жили мы в хорошем деревянном доме, под железной крышей, состоящем из пяти комнат. Его построили очень давно. Таких домов в селе было процентов десять—пятнадцать, не больше. В основном строили мазанки, покрытые соломой. Всего в нашем селе было триста пятьдесят хат, около двух тысяч жителей.

СЕМЬЯ

Мои родители — потомственные крестьяне. Отец, Яков Александрович, родился в 1876 году. Перед Первой Мировой войной он имел пять десятин земли, на которой трудился с утра до вечера. Мне было три года, когда его взяли в армию. Отец воевал на германском фронте рядовым. Его отметили почетной солдатской наградой — Георгиевским крестом третьей степени. Это была первая боевая награда в нашей семье.

Я хорошо запомнил день, когда отец пришел с фронта. Лежал я на печке, меня с нее стащили, и говорят: «Это твой папка». Пришел он бритый наголо. А вообще волосы на голове у него держались до самой смерти. Был он высокий, около 190 сантиметров. Говорят, что я внешне очень похож на отца и ростом, и волосами.

Я помню, он угостил нас конской колбасой. Мне колбаса очень понравилась, только на второй день мы всей семьей ее доели...

Отец рассказывал, что их полк распустили, объявив: «Идите домой, все вы свободны». Добирались кто как мог. Он и муж моей тетки, дядя Федя, воевали вместе и вернулись вместе. Было это в феврале 1919 года, когда мне исполнилось восемь лет. Отец очень не любил вспоминать о войне, осуждал ее, даже оружие не привез. Думаю, что вряд ли он одобрил бы мое решение избрать профессию военного.

Мне кажется, он вложил в мое сознание самое главное — любовь к своей стране, привил мне порядочность, честность. Он сам был такой, и односельчане его уважали как человека, с которым можно было иметь любое дело. Еще отец приучил меня ценить хлеб. У нас в семье принято было собирать все крошки, которые падали на стол. На этом настаивал отец. Он даже грозился стукнуть ложкой по лбу за неуважение к хлебу.

Семья у нас была большая, шестеро детей: три сына и три дочери. Но все дети умерли, кроме меня и старшего брата Степана (он родился в 1907 году и погиб на фронте в 1943-м, в тридцати километрах от нашего села).

Маму звали Марфа Григорьевна. Она была моложе отца на четыре года и прожила, всего сорок два года. Умерла она, когда мне было десять лет. В том же году умерла и моя семнадцатилетняя сестра Анастасия.

Старшая сестра Евдокия умерла в двадцать три года, Анастасия – в возрасте 17 лет, а Катя — когда ей исполнилось шестнадцать лет. Самый младший в нашей семье брат Саша умер, когда ему пошел пятый год. Все они умирали от какой-то неизвестной наследственной болезни. Когда отец ушел на войну, наше хозяйство пришло в упадок. Старший брат Степан не хотел заниматься крестьянским трудом, он устроился работать на сахарный завод.

В хозяйстве было две лошади (их потом, в годы гражданской войны, забрали петлюровцы). Наших лошадей вернули уже при Советской власти, только дали других, худых. Отец их долго отхаживал, а потом поменял. Он считался середняком. Были люди богаче его. Например, сосед наш имел свой паровик и молотилку, несколько наемных рабочих.

Отец же всю работу делал сам. Проводил в поле с раннего утра и до захода солнца. Приезжал домой и здесь работал на соломорезке, поил лошадей. В хозяйстве были две коровы, четыре телки, свиньи, овцы, куры, утки, гуси. Всех их надо было обихаживать.

У нас в начале 20-х годов имелось все необходимое для ухода за землей и урожаем. Во дворе стоял очень хороший амбар, где хранилось зерно. Еще был отличный сад: вишни, груши, яблони. Отец умел солить на зиму арбузы. Он отбирал небольшого размера арбузы и засаливал, я ему помогал. В бочку надо было сначала положить слой песку, в этот песок вдавливали арбузы, накрывали опять песком и заливали пятипроцентным рассолом. Потом опять насыпали песку до самого верха. Когда зимой извлекали арбуз, он оказывался твердый, ядреный и очень вкусный.

Отец нас всех одевал. Себе делал шубу из овчины — никакой мороз не страшен. Шапки тоже делал из овчины. Шкуры он выдελывал сам. Сапоги тоже шил сам. У него были колодки: сядет при лампе ночью и шьет. В доме был и ткацкий станок. Отец ткал зимой полотно, потом это полотно отбеливали, красили и делали различную одежду.

Во время Великой Отечественной войны, когда немцы оккупировали село, отец скрывался в лесах: он боялся, что немцы ему будут мстить за то, что его сын находится в Красной Армии, да еще в чине командира полка. Умер он после войны.

ВОДКА

Еще до школы я научился читать и запоминать стихотворения. Мне было шесть с половиной лет. Учил меня брат Степан, который был старше на семь лет. Он очень

любил стихи Пушкина и Шевченко. Пушкина учил на русском, а Шевченко — на украинском. Когда брат читал вслух, я сидел и внимательно слушал. Так я запомнил почти полностью пушкинскую поэму "Братья разбойники".

Как я уже сказал, мой брат со своими сверстниками работал на сахарном заводе, в выходные дни они собирались у нас дома, ставили на стол водку, закуску и звали меня:

— Ну, Вася, давай "Братьев разбойников".

Я им наизусть читал эту поэму, а они мне наливали водки и я ее пил. И, видать, к этой водке пристрастился. Мне было семь лет, я только в школу пошел, отец на фронте... Они пили целыми стаканами, а мне наливали половину стакана. Я полстакана выпью и уже пьяный. Тогда они меня спать укладывали.

Однажды, только сели угощаться, как со стороны завода послышались тревожные гудки. Ребята бросили все и побежали на завод. Там начался пожар.

Вернувшись, как рассказывал брат, они нашли меня под столом еле живого. Наверное, когда все ушли, я напился водки. Степан схватил меня на руки и бегом побежал в заводскую больницу. Там меня еле спасли. И с этого момента до 1942 года, в течение более двадцати лет, я не пил не только водку, но и пива, и вообще кроме лимонада ничего не пил.

Когда на фронте, на командном пункте около Воронежа в июле 1942 года мне пришлось долго сидеть почти по колено в воде, у меня на шее пошли чирьи, началась головная боль. Полковой врач, Мовсесян сказал:

— Комполка, лечись или я тебя направлю в медсанбат дивизии.

— Ну, лечи.

Он мне принес флягу, налил в железную кружку какой-то жидкости и говорит:

— Вот, выпей.

Начал я пить, и пошли у меня перед глазами круги: зеленые, красные, оранжевые. Выпил я полкружки и минут через десять стоять уже не мог. Меня положили на доски, укрыли шинелью. Уснул сразу.

Это был спирт - сырец. Я после этого до конца войны только еще один раз выпил водки. Когда взяли Краков, меня вызвал командующий армией. Поблагодарил, поздравил с тем, что одному из полков, особенно отличившемуся в боях за Краков, присвоили наименование «Краковский». Так пришлось выпить еще раз. Я до сих пор больше, чем двадцать пять или пятьдесят граммов водки зараз не употребляю. На всю

жизнь тот случай в детстве отбил у меня охоту к выпивке.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

С фронта вернулся один красноармеец, по фамилии Дунаев, он стал у нас учителем. Он много рассказывал нам, что такое Советская власть. Но кое-что мы видели и своими глазами.

Наша село было в таком месте, где часто менялась власть. Один раз его захватил Щусь, помощник Махно. Я сам наблюдал страшную картину. Щусь приказал согнать всех жителей села на завод. Там на наших глазах он лично зарубил директора завода — коммуниста. Его вывели на крыльцо канцелярии вместе с женой. Женщина была полурядета, ее волосы были распущены и она все время, плакала. Когда мужа зарубили, ее начали стегать плеткой. Она страшно кричала.

Народ стал шуметь, и повернул от крыльца. Я тоже ушел...

Село несколько раз занимали белые — деникинцы и петлюровцы. Пять их солдат останавливались на постой и в нашей хате. Нас они не били, но с нами и не разговаривали. Как придут, так требуют самогонки, сала и другой закуски.

И красные у нас были, кавалерия Буденного. Это они выбили Щуся на второй день после той экзекуции. Красные, как и петлюровцы, забрали наших лошадей.

Я обычно вертелся возле военных: очень уж интересовала меня винтовка. Один раз спросил у петлюровца, как она стреляет. Так он прямо в хате выстрелил в потолок. Конечно, я испугался.

Отца уже не пытались мобилизовать в армию ни красные, ни белые. Он отпустил бороду, борода была с проседью, поэтому его считали стариком. Это он нарочно сделал, хотел показать, что не годен к военной службе.

Не помню, чтобы он кому-нибудь симпатизировал во время гражданской войны. В селе никаких газет не было. Все жили слухами: кто приедет из Полтавы или из Харькова, тот и рассказывает новости.

До 1923 года мы, собственно говоря, и не знали при какой власти живем, и какая власть будет завтра.

Очередная банда захватила завод и наше село. Согнали крестьян к сельсовету. И мы, дети, тут же крутились. Председателем сельсовета был крестьянин, из бедняков, Артюхов. Он был грамотный, воевал в Красной Армии. Ему приказали идти на выгон. Артюхов прошел шагов пятьдесят, и тут на глазах у толпы его убили выстрелами из

двух винтовок. Один из бандитов крикнул:

— Каждый, кто за Советы, получит то же, что и он.

Сели на лошадей и ускакали.

«НАШИ» ЕВРЕИ

В селе было два еврея. Один из них, одноногий инвалид, держал москательную лавку. Мы его называли "деревяшка". Его дочь вышла замуж в нашем селе. Вторым евреем работал ветеринаром, он пользовался большим авторитетом, потому что животных у крестьян было много. Я хорошо помню, что он лечил всех: и лошадей, и коров, и собак. У ветеринара был сын, старше нас, но ни активистом, ни комсомольцем он не был.

Еще один еврей работал теплотехником на заводе и возможно, одна из учительниц, преподававшая историю и географию в нашей школе, была еврейкой.

Одноногий Руднев всегда носил шляпу. Ничем другим в одежде евреи от нас не отличались. Не помню, чтобы кто-нибудь с ними ссорился или относился к ним враждебно. Слово «еврей» не употреблялось, говорили «жид», но только за глаза, а прямо это слово произносить не полагалось. Скажут: "сходи в лавку" или "сходи к ветеринару" — и все знали о ком речь.

Эти евреи прятались, когда в село приходили банды петлюровцев. Кто именно их прятал, я не знаю. Помню, как однажды, петлюровцы их долго искали. Они были в нашем селе две недели, потом их Красная армия выбила. Бандиты заскакивали частенько, из отрядов Махно и Григорьева. Но они искали богатых, а наши евреи были бедные.

Петлюровцы нам объясняли, что евреи вместе с поляками всегда угнетали украинцев. В село привезли много книг на эту тему. Их раздавали бесплатно. Были они и в нашей семье. Я тоже разделял общее мнение, что евреи вместе с поляками и татарами — это враги украинского народа.

Подобную литературу жители нашего села читали охотно, верили всему, что там писалось. Однако считали, что наших евреев это не касается. Их никто из жителей деревни не обижал.

ШКОЛА

В деревне имелось две школы. Одна старая, другая новая. Новое кирпичное здание было выстроено перед самой революцией. Школа первой ступени, так она тогда

называлась, неплохо работала, хотя учителя жили бедно. Я помню свою первую учительницу, Ефросинью Яковлевну Животкову, и ее сыновей, Леню и Виктора. Однажды, отец говорит:

— Сходи к Ефросинье Яковлевне, отнеси ей два десятка яиц и крупы. Скажи, что мы должны друг другу помогать. Пусть она не обижается.

Я отнес ей, она заплакала. Потом еще несколько раз я и другие ребята подкармливали учительницу. В школе было несколько учительниц, но к ней мы особенно хорошо относились. Она была уже пожилая женщина, но очень добрая и мы ее любили.

Каникул у нас особенно не придерживались, свои были порядки. Они не совпадали с общегосударственными, а устраивались по желанию крестьян и учителей. В классе было пятнадцать парт на каждой парте сидели по трое. Девочки отдельно и мальчики отдельно.

Учился я хорошо, по всем предметам я всегда имел отличные оценки.

О РЕЛИГИИ

Отец был по-своему религиозен. В бога он верил, но в церковь никогда не ходил. Говорил, что священники обманывают народ, наживаются на верующих. Мать в церковь ходила по всем праздникам, а иногда и просто в воскресенье, по инициативе матери меня крестили. Священник жил рядом с нашей хатой. У него было два сына. В гражданскую войну один служил у белых, другой был кавалеристом у Буденного. Когда они вернулись с гражданской войны, то все время ссорились. Доходило до того, что оба брались за оружие. Священник наш был мужчина сильный. В разгар драки он хватал обоих сыновей за шиворот и сталкивал их лбами. Драка тут же прекращалась.

Мама на Пасху ходила святить куличи, крашеные яйца, соблюдала пост. И отец соблюдал пост, но по другой причине. Он считал, что это полезно для здоровья. В пост не ели ни масла, ни сметаны.

В главной комнате дома, служившей столовой, в «красном углу» висел иконостас из пяти-шести икон. В центре – икона Божьей Матери. Перед ней была лампадка, которую мать, а потом и сестра зажигали в праздничные дни. В детстве я ходил в церковь. В школе до 1924 года изучали «Закон божий». Наш священник Алексей Головкин, которого мы называли «батюшкой», отличал меня как старательного ученика. Он заставлял меня развешивать картинки и рассказывать про святых. Поп мог

и по головке погладить, а мог и щелчка дать по лбу тому, кто не выучит урока: потом долго оставалось красное пятно. Из нашего четвертого класса поп выделил шесть-семь учеников, для церковного хора, и под руководством дьякона мы разучивали разные псалмы и исполняли их в церкви.

«Закон Божий» был запрещен в 1924 году. Его исключили из программы школьного обучения. При школе организовали комсомольскую ячейку, куда принимали с пятнадцати лет. До комсомольского возраста мы еще не доросли, но нас приняли в пионеры. Бюро комсомольской ячейки создало группу: ребята ходили по селу с подписными листами, агитирую за то, чтобы закрыть церковь. В этой группе был и я. Многие нас гнали, некоторые грозились стукнуть по затылку, но были и те, кто охотно расписывались. Церковь закрыли. Тогда же в склепе рядом с церковью нашли клад. В одном из гробов оказалось, пять пудов медных денег. Говорят, что это были пожертвования верующих, которые собирали священники. Деньги забрали сотрудники ГПУ и увезли в Чутово.

ЮНОСТЬ

Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец впервые отвел меня на завод. Было это в 1924 году. Отец договорился с теплотехником завода, чтобы он взял меня в ученики.

Моя задача была измерять температуру всего сахарного завода. В двадцати местах надо было термометром измерить температуру, записать и доложить.

В том же году умер Ленин. Половина села плакала. Помню, отец говорил, что умер великий человек, такой уже вряд ли когда-нибудь будет. В школе висели портреты Ленина, Троцкого, Зиновьева. Портретов было много, а вот портрета Сталина я не помню.

У нас был клуб. В клубе расположилась пионерская и комсомольская организации. Когда мне исполнилось семнадцать, меня из пионеров перевели в комсомол. В комсомольской ячейке изучали историю, работали разные кружки и секции, ставили спектакли, в которых я принимал участие. К нам часто приезжали лекторы из Полтавы и Чутово. Просвещение в то время было поставлено неплохо. Но разговоров и лекций о троцкистах, об оппозиции я не помню. До нас все это не доходило.

Почти до восемнадцати лет я работал на заводе и помогал отцу по хозяйству. На

заводе я получал девяносто рублей. По тем временам это были большие деньги. Я мог купить за пятнадцать рублей хромовые сапоги. Мне нравилось носить рубашку-косоворотку, сапоги и галифе.

АРМИЯ

Однажды, меня вызвали в райком комсомола. Спрашивают:

— Ты армию любишь?

Я говорю:

— Красную Армию? Конечно, люблю, это же наша армия!

— Ну, вот надо идти тебе в армию.

Это был двадцать девятый год, август, мне было семнадцать с половиной лет. В сентябре нас собрали в Полтаве и увезли в Баку. Набралось человек сорок или пятьдесят, целый вагон, и почти все — добровольцы.

Когда меня спросили, кем я хочу служить, я сказал: «Летчиком». Нас было три человека из Чутовского района, тех, кто желал стать летчиками. Полтавский областной военкомат командировал нас в Ленинград.

Приемная комиссия должна была определить нашу пригодность к летной службе. для того, чтобы быть летчиками. Были различные способы определения годности. Один из них — раскручивание на стуле. Меня сильно раскрутили, а потом я должен был при резкой остановке попасть пальцем в точку, что нарисована на листе бумаги.

А у меня, между прочим, слабый вестибулярный аппарат. И я даже не смог научиться самым элементарным танцам. Я из-за этого, конечно, много потерял в отношении девчат. Познакомлюсь с девушкой, начинаются танцы, я стою, а тут мою девушку и уводят.

И вот, когда меня раскрутили я, конечно, не смог в эту точку попасть даже всей пятерней. Мне сказали, что летчика из меня не получится. Но до этого было и другое испытание.

Мне сообщили, что за дверью, в кабинете, сидит начальник. Мол, иди смело прямо по ковру к нему и доложи, что «красноармеец Петренко прибыл по вашему приказанию». Я выучил, что и как надо говорить, открыл дверь, ступил на какой-то коврик и на втором шаге провалился в подвал глубиной метра два. У меня тут же начали щупать пульс, спрашивают:

— Ну как ты, напугался?

Я говорю:

— Чего напугался? Безобразие! Что же Вы не сказали, что там яма?

— Так положено. Ну, ничего, у тебя пульс нормальный, можешь быть летчиком.

А вот теперь на вестибулярном аппарате я провалился. Сказали мне, что не подхожу.

Двое моих земляков испытания тоже не прошли. Надо домой возвращаться. Что же делать? Домой ехать стыдно. Вдруг заходит человек, как сейчас говорят, кавказского типа. Португепя, сине-голубые петлицы, сабля на боку и ремень через плечо, синее галифе и на сапогах шпоры.

— Ну что, мальцы, срезались?

— Да. А вам что?

— Домой ехать хотите?

— Нет.

— А куда хотите?

— Не знаем.

— Я вас выручу. Вот смотрите, что на мне —наган, сабля. Хотите в конвойный батальон в Баку? Этот батальон сопровождает подследственных, или отправляет осужденных в тюрьму, или еще куда-нибудь по назначению.

— Когда ехать?

— Завтра. У вас есть что покушать?

Дал нам немного денег. И у меня было с собой девяносто рублей, заработанных на заводе.

И мы поехали из Ленинграда в Полтаву. Нас был целый вагон — и все из конвойного батальона. У нашего начальника было два «кубика», что значит заместитель командира роты или командир отдельного взвода. Доехали мы до Армавира. Ребята мне говорят:

— Васька, сбегай, купи бубликов побольше! Две—три связки! Деньги есть, ты купи, а мы потом тебе отдадим.

Я выскочил из вагона, побежал к ларькам. Вытащил из кошелька деньги, отсчитал, сколько нужно, заплатил, а кошелек обратно в карман сунул. Взял бублики, опустил руку в карман, а кошелька там уже нет. Сперли! Положил связку бубликов на прилавок и кинулся ловить вора. Поймал какого-то пацана. Спрашиваю:

— Ты украл?

— Нет, я не брал!

— Начал я его обыскивать, а у него три кошелька! Но моего как раз нет. Дал ему подзатыльник и побежал искать другого. Тем временем звонок. Один, другой, поезд вот-вот отойдет. Побежал к ларьку за бубликами, а бубликов нет.

— Где бублики?

— Какие бублики? Ходят тут всякая сволочь! А ну иди отсюда, а не то как задам тебе!

Плюнул я, и кинулся вдогонку за поездом.

КОНВОИР

Мы прибыли в Баку 9 сентября 1929 года. Казармы конвойного батальона располагались в самом центре, недалеко от моря. Нас хорошо встретили. Обмундировали, как и обещал командир. Только наганов не дали. Сказали, что когда научимся стрелять, тогда дадут. А сабли дали, чтобы тренировались, лозу и глиняные столбики рубали. Каждому прикрепили по лошади, и стали учить ездить. В ноябре мы уже саблей рубали, из нагана стреляли и нас начали приобщать к выполнению службы.

Был у меня такой случай. Нас было двое, я за старшего. Пошли мы в ГПУ, там нам дали одного заключенного, чтобы мы отвели его в суд. Пешком. По карте города нам определили маршрут — где вести, чтобы по центру не ходить. Надо было идти мимо вокзала. А в Баку у вокзала большая площадь и целая связка трамвайных путей.

Когда дошли мы до вокзала, стали перешагивать через трамвайные линии — они путанные — и тут заключенный вытащил тертый табак и сыпанул в глаза моему напарнику. Побежал — да не вперед, чтобы меня обогнать, а в бок. Я обернулся, хотел наган достать, но народ толпится около трамвайной остановки, вокзал рядом. Достал я саблю. Так как я левша, то у меня все наоборот: наган слева, а сабля справа. Погнался я за ним, он об рельсы споткнулся и упал. У нас был приказ: если заключенный убегает, то применять оружие нужно сообразно обстановке. Догнал я его и хотел рубануть. Хотел по голове ударить, но... попал ему по уху. Он дико заорал! Кругом люди собрались, милиционер прибежал, в свисток свистит, из уха у него кровь хлещет. Я стою, не знаю, что делать. Тут прибежали санитары с носилками, унесли его, а милиционер отвел нас обоих в отделение. Напарник мой глаза уже протер. Позвонил я по телефону в батальон дежурному, он приказал: «Оставайтесь на месте, скоро за вами»

приедут». Приехала машина, в нее посадили арестованного, который все стонал, мы тоже сели в машину и приехали в батальон. Ввели нас в кабинет командира батальона товарища Павлова. Он спрашивает меня:

— Вы старший конвоя?

Отвечаю:

— Так точно я.

Он говорит:

— Докладывайте, как все случилось? Почему рубили арестованного?

Я все рассказал, а он и спрашивает:

— Почему табак не отобрали?

Я отвечаю:

— У арестованного табака не было, были папиросы, но в инструкции ничего о папиросах не сказано.

Павлов выслушал меня и говорит:

— Ты совершил два серьезных проступка: во-первых, врешь про табак. Не важно, в папиросах он или россыпью. Во-вторых, ты не умеешь саблей действовать. Разве так тебя учили саблей владеть? Если уж решил употребить ее, то надо бы так рубануть, чтобы голова пополам! А ты ухо отрубил! Позор! За эти проступки арестовываю тебя на семь суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте. Потом сдашь зачет по умению рубить шашкой.

А рубить шашкой учили так: на плацу стоял ряд деревянных столбов, в них дырки, куда вставляли хворостины из лозы, а на иных — слепленные из глины столбики толщиной сантиметров пять-семь. Столбы стояли на расстоянии метров пять один от другого. Подавалась команда: «Вперед, бегом». Обучаемый обнажал саблю и, не останавливаясь, с размаху рубил то лозу, то глиняный столбик. Требовалось чисто срубить лозу, а глиняный, столбик перерубить так, чтобы сабля прошла через него, а столбик остался целым.

После этого случая я еще только один раз был в конвое, когда мы везли заключенных пароходом из Баку в Краснодарск. Там были мужчины, женщины, подростки. Начался шторм. Заключенные в трюме кричат. А нас, конвоиров, тошнит, ведь первый раз на пароходе. Доплыли, заключенных у нас приняли, а нас отправили обратно.

Разговаривать с теми, кого я вел, мне не доводилось. Это было запрещено.

Притом, все они были кавказцы. Ни одного русского я не видел — правда, мне не долго пришлось возить. Нам сказали, что даже если конвоируемый в уборную будет проситься — пусть лучше в штаны, но все равно не разрешать.

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

В конце ноября вызывает меня начальник штаба батальона и говорит:

— Вот что Петренко, командир батальона решил направить тебя в полковую школу, где ты изучишь военное дело и получишь звание младшего командира, а потом вернешься в батальон. Собирайся, завтра пойдешь во Вторую Степинскую стрелковую дивизию. Она находится на Сальянских высотах.

Я пришел туда с пакетом, в штабе его сдал. Сказали мне, что я буду учиться на младшего командира — командира отделения, помощника командира взвода, старшину. А у меня уже был один треугольничек пришит к петлицам, я был помощником командира отделения.

И вот я начал учиться в полковой школе. Проучился всю зиму и в мае 1930 года нас погрузили в эшелон, ехать в лагерь. Довезли до станции Худат, что в сто пятидесяти километрах от Баку, а потом тридцать пять километров мы шли пешком до местечка Кусары, где размещался наш лагерь. Когда мы добрались, был уже вечер. Устали очень, многие натерли ноги. Но я был крепкий и у меня были хорошо замотаны портянки. Из-за усталости не хотелось есть, но старшина всех заставил идти в столовую. После ужина мы разошлись по палаткам. В них лежали матрасы, набитые соломой и солдатские одеяла. Мы поскорее легли, очень хотелось спать. Вдруг слышим: труба, горнист играет сигнал тревоги. Дежурный по школе громко кричит:

— Школа, встать! Тревога!

Какая тревога — ведь мы еле живые! Но он все равно кричит:

— Выходи, стройся на первую линейку!

С трудом поднялись. В полковой школе нас было двести курсантов — три роты. Рядом выстроились и все другие подразделения Пятого кавказского стрелкового полка.

Перед строем в центре — трибуна. На ней, как я потом узнал, стояли командир полка Карманов, командир дивизии Тухарели, а также, заместитель командующего Закавказским военным округом Вазлиев. Он начал говорить:

— Товарищи красноармейцы, империализм продолжает покушаться на нашу страну! Английский империализм подготавливает на территории Персии и Турции

контрреволюционеров, бандитов, вооружает их. Они переходят через границу, убивают коммунистов, грабят народ и уходят опять за границу. Наше правительство неоднократно обращалось к персидскому правительству с требованием прекратить это безобразие. Но это не помогает. Поэтому наше правительство решило помочь персидскому правительству в борьбе с бандами. Вы едете в Нахичевань, потому что вам поручено уничтожить банды этих контрреволюционеров. После завтрака вы строем идете опять на станцию.

Тридцать пять километров! Ведь их только что прошли и тут опять. Хоть падай!

Сначала назначили запевал. Я не попал в запевалы. Построили оркестр, распределили запевал по взводам. Нам, конечно, не до пения было, в основном оркестр играл. Как сейчас помню, белорус у нас был, толстый такой. Ему тяжело было, идти он не мог, все падал, его поддерживали. На привалах ложились, ноги поднимали вверх. Воду из фляжки пили только с разрешения командиров взводов. И все-таки мы дошли до этой станции. Там уже стоял эшелон. Погрузили нас и дали команду: на такой-то остановке, к такому-то вагону по два человека с каждого вагона прийти за получением нового обмундирования. Обмундирование, которое на нас снять, сдать, а другое получить, начиная с белья и заканчивая верхней одеждой, вплоть до шинели, которую сделать в скатку.

У нас были старые винтовки, выше нашего роста, трехлинейки, со штыком. На следующей станции мы сдали винтовки и нам выдали карабины 1929 года выпуска и патроны. Каждый набил патронташ, и еще дали по два подсумка. В каждом подсумке по тридцать патронов в обоймах. Ну, понятно — ведь мы едем воевать. Доехали мы до станции "Третья Нахичеванская застава", что на берегу очень бурной реки Аракс.

На следующий день нас учили, как быть в боевом расчете. Каждому подразделению выдали гранатомет Яковлева. Штык снимается, одевается на ствол, патрон проходит через него и газы выпускают гранату. А потом объявили, что завтра будет переправа на противоположную сторону. 65-й и 64-й Кавалерийские полки переправляются своим ходом на лошадях. Забегая вперед, скажу: много лошадей потеряли при этой переправе. Такая скорость течения! Всадник раздевался до нижнего белья, брал лошадь за хвост или за стремя; лошадь плывет, а он гребет, помогает ей. Но лошади перевертывались и тонули. И люди иногда тоже тонули. Мы же переправлялись на резиновых лодках, от десяти до восемнадцати человек в каждой. Через реку были протянуты цепи, веревки, саперы тянули за эти веревки и

переправляли лодки.

У нас был приказ: «все живое, захватывать, бандитов уничтожать, если сопротивляются. Персидские заставы арестовывать и переправлять на нашу сторону. Кишлаки разрушать до основания. Арыки тоже разрушать, сады вырубать топором. Чтоб там была пустыня, чтобы бандитам негде было останавливаться.

Еще ночью разведотряд переправился через Аракс, на персидскую территорию, захватил пограничную заставу, переправил солдат на нашу сторону и держал их как интернированных

Переправившиеся через Аракс, наш Пятый стрелковый и кавалерийский полки имели задачу углубиться на персидскую территорию на двадцать километров, развернуться вправо и влево и в своих полосах прочесывать местность. С персидскими пограничниками мы вступали в переговоры, а потом через реку, отправляли на нашу территорию. Нам было известно, в каких кишлаках размещаются бандиты. Кишлаки, как я уже сказал, надо было разрушать и сжигать. Эти делом мы и занимались...

В июле мы переправились через реку обратно и в Нахичевани начали вылавливать банды уже на своей территории. У бандитов были пулеметы Стокса, английские, с раструбами, и станковые пулеметы немецкие. А у нас были свои станковые пулеметы с водяным охлаждением и ручные пулеметы английские с такой крышкой, толстым стволом, где кожух охлаждения.

Применялась и кавалерия. Два кавалерийских полка действовали во взаимодействии с нашим Пятым Кавказским стрелковым полком.

Между прочим, в кишлаках все сделано из глины и камня. А жителей не было, мы не встретили ни одного человека. Сжечь сакли, сделанные из камня, невозможно, внутри ничего практически нет деревянного. Очаги каменные, и спят люди на каменных кроватях. Постройки приказано было разрушать с помощью гранат. Свяжут штук пять противопехотных гранат и суют в эту саклю.

На третий день после переправы, возле одного из кишлаков завязалась перестрелка с бандой. Через час наш отряд вплотную приблизился к кишлаку, и бандиты начали отступать. В кишлаке они оставили четыре трупа. В одной сакле мы обнаружили семь раненных. С нашей стороны тоже было несколько убитых и раненных. Мне особенно было жалко командира нашего отделения Алексея Грубника. Командир взвода приказал мне принять командование отделением.

В один из дней был такой случай. Конный взвод разведки нашего полка

обнаружил, что в направлении Третьей Нахичеванской пограничной заставы движется батальон персидской армии. Командир полка Карманов послал навстречу ему двоих парламентаров с белым флагом. Командиру персидского батальона разъяснили, что Красная армия с Персией не воюет, а наоборот помогает ей ликвидировать группировки мусаватистов в пограничной зоне, откуда они совершают набеги на Советский Азербайджан. Персидскому отряду предлагается немедленно повернуть назад или мы вынуждены будем интернировать его и отправить его на советскую территорию, до окончания операции по уничтожению банд вдоль советско-персидской границы. Командир персидского батальона согласился, чтобы их интернировали. Оружие персы сдали под охрану советским пограничникам.

Экспедиция на персидской территории продолжалась до середины июня 1930 года. Переправившись на нашу сторону мы до середины июля прочесывали местность, где еще действовало немало бандитов. Пленных не брали. Захватывали и расстреливали на месте. Причем расстреливали не мы, люди не из нашей дивизии. Были чекисты, которые этим делом и занимались.

Однажды наш отряд остановился на суточный отдых в одном из крупных кишлаков Зангеланского района. Крестьянин-азербайджанец, на подворье которого отдыхала наша рота, решил угостить нас своим вином, которое, как он сказал, хранилось в кувшине, закопанном в саду тридцать лет тому назад, когда была свадьба его сына. Командир роты Мальков сначала возражал, но потом согласился при условии, что он сам вино из этого кувшина разделит между взводами роты. Каждому бойцу досталось по полной кружке. Я хотя и не хотел пить вина, но жажда вынудила, и я тоже опорожнил свою кружку. Через полчаса все стали жаловаться, что не могут стоять, ноги стали как ватные. Мальков принялся ругать крестьянина, хотел даже арестовать его. Но тот спокойно объяснил, что часа через два все пройдет. И действительно, через пару часов все как рукой сняло.

Когда экспедиция закончилась, наш полк возвратился в Баку, в Сальянские казармы. Здесь у каждого курсанта, участвовавшего в походе, была взята расписка, что в своих письмах родным и знакомым они не будут о нем даже упоминать. За разглашение государственной тайны нарушитель будет строго наказан. Ни в центральных, ни в местных газетах об экспедиции не упоминалось.

ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ.

В ноябре 1930 года закончилось обучение курсантов полковой школы. Состоялся торжественный выпускной вечер.

Утром меня вызвал в канцелярию начальник полковой школы Мотовилов и спрашивает:

— Петренко, командиром хочешь быть?

— Я и сейчас командир отделения.

— Этого мало! Настоящим командиром, выше. На учебу в военное училище хочешь?

— Поеду.

И вот оформили мне командировочные, и я отправился в город Ульяновск. Обрато с Кавказа в Россию, в Красногвардейское училище, (теперь Краснознаменную пехотную школу в Ульяновске).

Училище располагалось в центре города, занимало два крупных кирпичных здания. В парадном подъезде я увидел сидящего на стуле седого старика. Я подумал, что он какой-то большой начальник. Но это оказался привратник. Старик был на этой должности еще до революции. Как я потом узнал, ульяновское Красногвардейское училище находилось в здании, где до революции размещалось кадетский корпус.

В училище все командиры имели знаки отличия на ступень выше, чем в войсках; например, командир взвода курсантов имел на петлицах два или даже три «кубика», а начальник — два «ромба».

Зачислили меня во второй взвод, выдали обмундирование. Я был поражен, какое оно хорошее: брюки и мундир из защитного тонкого мериносового сукна. Сказали, что это все остатки формы кадетов, но пуговицы на мундире были новые, латунные, со звездочкой.

В январе, феврале и марте 1932 года в училище состоялись выпускные экзамены. Я учился хорошо, и мог рассчитывать на золотую медаль и выбор места службы по первой командирской должности. Но произошел случай, который угрожал свести все мои успехи на нет. Более того, он поставил под угрозу саму возможность службы в Красной Армии на командных должностях. А случилось следующее.

В начале марта экзамены проводились в лагере училища. На последнем занятии по марксистско-ленинскому учению, которое проводил старший преподаватель батальонный комиссар Гаврилов, всем нам был роздан отпечатанный в типографии

план занятий. Тема была хорошо знакома, мы заскучали. Стол, за которым я сидел, был рядом с большой железной печкой. Сосед мой, Алексей Сорвин, рисовал на обороте листка с планом разные фигуры. Очень хорошо у него получился рисунок голой женщины, где были особо искусно подчеркнуты все женские прелести. Он взял и подсунил мне этот рисунок. Я его изучил, внизу написал: «Отлично. Утверждаю!» и возвратил соседу. Он прочитал, улыбнулся и выбросил рисунок в печку. Сзади нас сидел курсант, который видел, чем мы занимались во время урока. Он бумажку вытащил из печки и передал ее преподавателю. После окончания занятий Гаврилов вызвал меня и Сорвина и спрашивает:

— Это ваша работа?

Сорвин признался, что он рисовал, я — то, что писал. Гаврилов объявил, что завтра он лично у нас примет зачет, и сказал:

— Вы порнографический рисунок нарисовали на задании. Это свидетельствует о вашем низком идеологическом и моральном уровне. Я о вашем поступке доложу дивизионному комиссару училища Тарабрину.

Наши извинения не помогли. Дело об «осквернении задания по марксизму-ленинизму» приобрело широкую огласку в училище.

Кончилось это все тем, что я и мой приятель отсидели трое суток на гауптвахте за «непристойное поведение на занятии». Сорвин получил выговор по партийной линии. В моем личном деле появилась запись о дисциплинарном взыскании.

Когда уехали последние выпускники училища, меня и Сорвина вызвали в строевую часть и вручили каждому по два документа: первый — выписка из приказа Народного комиссара обороны об окончании училища, присвоении звания командира взвода и направление в 285-й стрелковый полк города Златоуста. Второй — отпускное удостоверение и проездные документы в купированном железнодорожном вагоне. Так начался мой первый командирский отпуск.

МОЙ ПЕРВЫЙ КОМАНДИРСКИЙ ОТПУСК.

Из писем, которые я получал из Кочубеевки, я уже знал, что там происходило в 1931-1932 годах, но все же не терпелось увидеть все самому.

На второй день после приезда я сходил в Кочубеевский сельсовет, председателем которого был Григорий Черниченко. Он мне рассказал, как проходила в селе коллективизация.

Еще при мне в селе было организовано «Товарищество по совместной обработке земли», ТОЗ. В него записалось большинство крестьян села. В это товарищество не надо было отдавать ничего из крестьянского хозяйства. Все только учитывалось. Товарищество разбивалось на участки, составлялся график обработки земли каждого его члена.

В 1930 году власти распустили товарищество и стали организовывать колхоз. И началось: у всех, у кого есть лошади, — на колхозную конюшню, коровы, быки, телята — на скотный двор, все плуги, бороны, катки, сеялки — на колхозную базу. Отмечу, что для всего этого специально ничего построено не было, а были лишь места, огороженные забором. Складских помещений для хранения кормовых тоже не было. Брали то, что крестьяне заготовили, но расходовали неумело, корм разбрасывали вблизи изгороди, многое затаптывалось и пропадало. Вскоре корма закончились. Скот стал худеть идохнуть, инвентарь ржавел — ведь его никто не ремонтировал и не готовил к весне.

Вскоре у большинства крестьян не осталось продуктов. Тогда их начали забирать из погребов зажиточных хозяев: середняков и кулаков. Когда пришли переписывать наше хозяйство, отец выскочил с топором, закричал: "Зарублю, уходите". Отец был крепкий и кричал очень решительно, поэтому «переписчики» убежали. После этого случая, мой отец уехал в город и начал скрываться. Позднее, все равно все наше хозяйство передали в колхоз. В конце концов, не осталось ничего.

В селе протестовали по-разному. Был убит мой товарищ, коммунист Дунай: он считался самым модным парнем в нашем селе. У жены моего брата Степана родной брат ушел в банду.

Черниченко сказал мне, что был запрос на моего отца из милиции, уж и если я увижу его, то должен постараться уговорить его вернуться в деревню.

Слушая Черниченко, я вспомнил случай, который произошел в 1928 году. Был в нашем селе один бедный крестьянин, которого звали Евмен. Как - то раз он пришел к нам домой. Ни отца, ни брата дома не было, и Евмен стал просить у моей мачехи Федоры водки опохмелиться. Она сказала ему, чтобы шел в другой дом. Но он все упрашивал. Тогда Федора достала из буфета бутылку и налила полстакана. Он дрожащей рукой взял стакан и начал пить. А пил он оригинально: открывал во всю ширь рот и струей вливал прямо в горло содержимое стакана, не касаясь губами и не делая глотательных движений. Вдруг глаза у него полезли на лоб. Дело было зимой, он

выскочил во двор и начал судорожно запихивать себе в рот снег. Оказывается, Федора поднесла ему полстакана уксуса!

Вот такие люди и агитировали за создание колхоза. Евмен не имел ни кола, ни двора, жил в хате-развалюхе. Жена от него ушла, (он колотил ее все время), детей не было. Но именно его выбрали сначала в правление колхоза, а затем заместителем председателя, несмотря на то, что он все время пьянствовал. В тот момент кулаков еще не выселяли, просто отбирали все. Только одного Калюжного, имевшего молотилку, забрали, он исчез, так мы в селе и не узнали, где он. У меня были очень хорошие отношения с его дочерью, звали ее Галя.

12 февраля я приехал домой и мой брат Степан рассказал мне, как отобрали у нас все имущество, как приходилось все строить заново. Рассказывая, Степан все время прикладывался к бутылке и под конец совсем захмелел.

Утром мы поехали в Харьков, к отцу. Жил он при больнице. Я не сразу узнал его, был он худой, острижен «под ноль». Комната, где он жил была маленькая: железная койка, небольшой столик и стул. Встали мы вокруг стола, ведь сесть было негде, налили в стаканы, и после первого отец и рассказал мне свою историю.

— Денег на билет не было. Пришлось идти пешком до Харькова. А это девяносто километров. Вот иду я по шпалам и не слышу, что меня поезд догоняет, слух-то у меня плохой. Когда услышал свисток паровоза, бросился было в сторону, но вагон меня все же чем-то зацепил и отбросил с насыпи. Пришел я в себя, какие-то люди поднимают и несут куда-то. Оказалось, что это железнодорожники, проверяющие путь — ехали на дрезине и заметили меня. Доставили меня в железнодорожную больницу. Неделю лечили, а после я упросил начальника больницы взять меня на службу. Рассказал ему кто я, почему ушел из села. Он и взял меня сторожем. Я, если и вернусь в Кочубеевку, то в колхоз работать не пойду. Нам хватит и огорода.

Забегая вперед, скажу, что отец работал при больнице в Харькове до 1935 года. Вернувшись в Кочубеевку, жил там, как и обещал, за счет огорода. Когда на Украине начался сильный голод и даже куска хлеба нельзя было купить, ели в основном желуди, которые осенью собирали в лесу. Варили их или поджаривали, делали из них лепешки. Отец где-то доставал жмых. Достать его было очень трудно, его строго учитывали, выдавали только по разнарядке властей. А голод в деревне был страшный. Много семей вымерло полностью; хоронили людей в братских могилах.

Там творились ужасные дела! По деревне ездил фургон, запряженный двумя

лошадьми. Специально отряженные бригады заходили в дома, мертвых вытаскивали и грузили в фургон, а потом хоронили в общей могиле.

Степан решил уехать на лесоразработки, а меня просил помогать отцу, который оставался один. Я сказал, что, конечно, буду посылать деньги, но дойдут ли они, вот вопрос. Посылки же, конечно, было посылать бесполезно.

Должен признаться, что тогда я здорово разочаровался в колхозной политике властей и вернулся в училище очень мрачный и здорово обозленный. Стал рассказывать вслух говорить с друзьями о голоде на Украине. Меня несколько раз вызывал политрук той роты, в которой я был командиром взвода.

— Петренко, ты почему рассуждаешь, что правильно, а что неправильно и что голод. Какой голод? В газетах-то ничего не пишут.

В 1932 году состоялся наш выпуск. Во время выпускных экзаменов я, Сережа Андриющенко и Костя Савицкий опять вслух говорили о том, что творится в деревне и выражали свое недовольство. Комиссар Торабрин, в петлицах которого было три «ромба», вызвал нас и говорит:

— Что вы агитацию тут разводите!?! Сейчас выпуск идет, а я не знаю, выпускать ли вас командирами или обратно отправить?

Мы сказали, что никакой пропаганды не ведем и дело замяли.

285 СРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

3 марта 1932 года я прибыл в город Златоуст, сдал сопроводительные документы и представился командиру полка Григорию Федоровичу. Дубкову. Военный городок 285-го стрелкового полка находился в двух километрах от города, на склоне горы Таганай. Подавляющая часть командиров взводов и рот снимала квартиры у железнодорожников. Мы вместе с моим другом Сергеем Андриющенко тоже нашли квартиру.

Нужно отметить еще одну деталь взаимоотношений полка с местными властями. Речь идет о так называемом шефстве предприятий над воинскими подразделениями. По установившейся традиции наши шефы — завод в городе Сатка, выделял значительные денежные суммы. Оформлялись они самым примитивным образом. Помню, в 1934 году после сборов я привез в полк и вручил командиру полка портфель, набитый бумажными купюрами. На заводе, в кабинете директора, я просто расписался в какой-то ведомости, с пометкой «шефская помощь». А сколько было на самом деле рублей в этом портфеле закрытом на ключ и имевшем две сургучные печати, я не знаю.

Командир полка взял у меня портфель, проверил, целы ли печати и все.

В другой раз я был свидетелем того, как на торжественном собрании личного состава полка по случаю годовщины Красной Армии представитель шефов из города Миаса перед началом своего выступления положил на стол президиума небольшой чемодан. Командир полка Дубков встал, открыл чемодан и показал всему собранию, что он доверху наполнен деньгами. Зал аплодировал.

Но прошло еще немного времени и командир полка строго предупредил всех, чтобы ни под каким видом, не брали от шефов ни одного рубля. Причину этого он тогда нам не объяснил, но вскоре мы узнали, что есть на этот счет решение в ЦК партии и приказ Наркома обороны.

ВСРЕЧА С НАРКОМОМ

В феврале 1935 года стало известно, что полк посетит Климент Ефремович Ворошилов.

Вечером 18 февраля я был назначен дежурным. Всю ночь накануне встречи я не спал, волновался. Главный «ворошиловский стрелок» страны приехал утром и сразу приказал всем командирам явиться на стрельбище с пистолетами.

Сначала стрелял сам нарком, выбивший сорок очков из пятидесяти. Я тем временем продолжал свое дежурство. Вдруг прибегает посыльный и говорит:

— Товарищ старший лейтенант, Вас срочно вызывает командир полка на стрельбище.

Я спрашиваю:

— Зачем?

А тот свое:

— Срочно приказано быть на стрельбище.

Я быстро встал на лыжи и покатил на стрельбище. Примчался, а начальник штаба полка говорит:

— Петренко, приготовься, стрелять будешь Ворошилову.

На стенде повесили два чистых листа. Человек, который неплохо стреляет, должен выбить не менее тридцати пяти очков. Если меньше, — то иди записывай себе выговор от наркома. Если выполнишь норму или выбьешь больше, то иди и записывай себе благодарность и получай премию от наркома — пятьдесят рублей.

Я вообще-то здорово стрелял из пистолета, всегда был отличным стрелком. У

меня были значки "Ворошиловский стрелок" 1-й и 2-й степеней.

Протер я свой наган, а наган был у меня старый, 1912 года выпуска, я его хранил в валенке на квартире, не сдавал, да и никто и не требовал. И хотя я ночь не спал от волнения перед встречей с Климент Ефремовичем, но тут собрался, успокоился, стал стрелять и выбил сорок три очка. Больше меня не выбил никто. Все выстроились, каждый стоял рядом со своей мишенью.

Ворошилов и командир полка идут и смотрят мишени каждого. Ворошилов говорит мне:

— Молодец, иди запиши себе от меня благодарность и премию сто рублей.

— Служу Советскому Союзу, товарищ народный комиссар!

Он мне поджал руку:

Когда я подошел к исходному положению для стрельбы, то увидел два щита, на которых прикреплены листы ватманской бумаги. На одном щите, на нитке висит красный карандаш, а на другом — черный. Не знаю, Ворошилов ли так приказал или это была «политработа» комиссара Кожевникова, но я обратил внимание, что записей красным карандашом было значительно больше чем черным. Я с удовольствием вписал свое имя и должность красным карандашом, а также «благодарность» и премию «100 рублей».

НАЧАЛО РЕПРЕССИЙ

Прошло еще более двух лет моей службы в 285-м стрелковом полку в Златоусте. Но если в течение этого времени в моей рутинной деятельности командира низшего звена особых событий не произошло, то в стране и в армии совершались такие события, которые вскоре начали отражаться и на моей службе и в жизни в целом.

На общем собрании командир полка зачитал приказ № 082 наркома обороны Ворошилова и наркома внутренних дел Ежова «Об освобождении от ответственности военнослужащих — участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем ими совершенном и своих сообщниках».

Среди командного состава полка приказ вызвал двойственные чувства и разные суждения. Все возмущались предательством Тухачевского и его соратников. Но многие удивлялись, по каким причинам эти военачальники, заслужившие громкую славу в период гражданской войны и большой авторитет как руководители военных округов,

армий и корпусов Красной Армии вдруг стали немецкими шпионами. Неужели они продались врагам за деньги? Все, конечно, высказывали уверенность, что в нашем полку не найдется ни одного, кто был бы врагом народа, шпионом и вредителем. Но вместе с тем все соглашались, что необходимо быть бдительными, врагов у нашей страны много, и правильно учит товарищ Сталин, что пока существует капиталистическое окружение, враг будет не только засылать к нам своих диверсантов, но и искать среди нас предателей.

На территории военного городка был лишь один дом, в котором квартиры занимало командование полка, а также командиры батальонов. Весь остальной комсостав, как я уже сказал, жил на частных квартирах в железнодорожном поселке.

Когда утром 26 июня проживавшие в поселке командиры прибыли на службу, они узнали, что ночью в полк на двух автомобилях и автобусе приехали пять или шесть военных без воинских знаков различия, в форме пограничников. Они приказали дежурному вызвать в штаб командира и комиссара полка, а также ряд других командиров и начальников. В три часа ночи в штаб прибыл весь старший комсостав. Обыска не было. Командир полка и его подчиненные уехали с приехавшими военными. Нам сказали, что все они отбыли в Челябинск в штаб дивизии на совещание и скоро вернуться. Вскоре все семьи увезенных командиров были выселены из военного городка. Пришло известие, что в Челябинске арестовано все командование нашей дивизии во главе с комдивом Дзенимом. А потом арестовали начальника полковой школы Кима, корейца по национальности. Полковым врачом был высокий, чуть сутулый еврей. Арестовали и его.

Дня два или три мы даже не знали, кто командует полком. Заместитель начальника штаба по разведке, капитан, остался самым старшим в полку по званию. А потом командование принял один из заместителей начальника штаба полка, также капитан. Он недавно был прислан в полк, мы его мало знали.

А происходили аресты так. Сидели мы в Саратове на собрании. Его вел начальник училища Колесников, рядом с ним располагались приехавшие в Саратов командир корпуса Примаков и комиссар, не помню его фамилию. Вдруг к крыльцу подъехал закрытый черный автомобиль. Я как раз сидел возле окна и видел, как из машины вышли двое и направились к нам. Заходят.

— Разрешите?

— Вам кого?

— На одну минутку товарища Примакова и товарища комиссара. Прошу на минутку пройти сюда.

Примаков подошел. Комиссара тоже направился к двери. Двери закрыли. Мы смотрим в окно — они в машину садятся. Нас в зале было человек сорок, все преподаватели. Начальник наших курсов приказал всем идти по домам. Всем все стало понятно...

В нашем полку самыми старшими по должности оказались заместитель начальника полковой школы и заместитель начальника штаба полка. Нам никто ничего не объяснял. Только комиссар Кожевников сказал, что они все были враги народа. А потом и Кожевникова арестовали.

В тот страшный год мысли о том, что и меня могут взять, у меня не было, потому что я был небольшой начальник. По современному званию старший лейтенант.

Подробности о судьбе арестованных сослуживцев я узнал уже после начала войны. Особенно запомнился мне рассказ бывшего командира полка полковника Шкадуновича. Мы познакомились с ним в татищевских лагерях под Саратовом. Потом он служил на Дальнем Востоке в Отдельной Краснознаменной Армии (ОКА), который командовал Блюхер. Когда Берия лично расстрелял Блюхера в своем кабинете, Шкадунович был заместителем начальника штаба оперативного отдела ОКА, носил уже три «шпалы». И вот его арестовали:

Он рассказывал потом, как его пытали: под ногти загоняли иголки, били, требовали, чтобы он признался, что тоже японский шпион, как и Блюхер. В конце концов, отправили его в концлагерь на лесоповал.

После начала войны Шкадуновича освободили и назначали начальником учебного отдела Куйбышевского пехотного училища. Там я замещал его.

Навсегда запомнил нашу встречу, когда он пришел в училище. Сажу я в кабинете, вдруг открывается дверь, заходит мужчина, небритый, в старой шинели, подпоясанной ремнем, в буденовке. Смотрит на меня, я на него смотрю. Он говорит:

— Петренко, узнаешь?

— Шкадунович!!!

Он подошел, мы обнялись. Прошло какое-то время, и он начал мне было рассказывать о себе. Я его остановил:

— Постой, не рассказывай. Я сейчас отдам некоторые распоряжения.

Вызвал по телефону начальника вещевого склада Костина. Костин пришел:

— Вот что, Костин, неси выпускное обмундирование курсантов.

Он записал размеры Шкадуновича и принес все, что надо. Тот тут же у меня в кабинете и переоделся. От теперь стал моим начальником.

Кроме Шкадуновича, мне довелось встретиться еще с двумя репрессированными командирами. Командира Дубкова так обработали на следствии, что он стал инвалидом. Я его тоже встретил перед войной. Он вышел из госпиталя и узнал, что я командую полком. Вскоре он умер.

А после войны я встретил одного из репрессированных комбатов. Я уже был в Москве, в генеральской должности. Вижу, идет мне навстречу около магазина "Военторг" этот командир. Он тоже мне рассказал как было дело, как сидел в лагерях, как потом выпустили, но успели обломать его здорово. Всех их на допросах нещадно били...

В 1937 году состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР. У нас сначала в депутаты был выдвинут Михаил Кольцов, через некоторое время Кольцова взяли, назначили другого, его тоже вскоре арестовали. Наконец выдвинули депутатом начальника НКВД города Саратова. Но вскоре произошел взрыв на крытом рынке, и в организации взрыва обвинили этого самого чекиста. Забрали его и расстреляли.

Один раз мне показалось, что и меня могут схватить. Я шел пешком в штаб полка из железнодорожного поселка, где жил на частной квартире. А до него надо было пройти километра полтора. Шел я по краю дороги, о чем-то рассуждал сам с собою, размахивал руками, вдруг автомобиль «эмка» проехал мимо и остановился. Вышел из него человек в форме пограничника.

— Кто такой?

— А вам что нужно?

— Когда спрашивают, так отвечайте, а не задавайте вопросов. Как фамилия?

Я назвал свою фамилию.

— Давно в этом полку?

— Да с 1932 года.

— И все время в таком звании?

— Да. А что? Хорошее звание. Когда сюда пришел, был один «кубик», а теперь у меня три.

— Вы, видать, острый на язык. Поменьше рассуждайте! Когда спрашивают, — отвечайте, а в остальное время молчите.

Чекистов мы боялись и обходили их стороной. В полку было два человека, которых мы побаивались. Один из них Шутов, секретарь партийной организации, был он в чине на одну ступень ниже комиссара.

Пришел приказ о том, что меня освобождают от занимаемой должности. Назначают старшим преподавателем курсов усовершенствования командного состава в Вольске. Звание повысили до капитана, и зарплату прибавили.

СВАДЬБА

С Валентиной Александровной мы познакомились в 1937 году. Девушка молодая, симпатичная, да и я тоже не старый. Из Златоуста меня перевели в Ульяновск в авиашколу пилотов, где назначили командиром учебного взвода. Потом мы шутили, что Валя пошла за меня замуж из-за очень красивой формы.

Из Ульяновска — в Саратов, преподавателем курсов усовершенствования командиров запаса, которых вызывали на сборы. Нам преподавателям очень хорошо платили, давали почасовую зарплату. В лучшем ресторане Саратова я имел «свой» столик, «своего» официанта. Пока я не приду обедать, он никого за этот столик не сажал. Стол стоял в уголочке, это было очень хорошее место. Я Валю и ее подруг туда водил, а они все удивлялись, как я шикаю. Мы еще не женаты были...

Вот прожили вместе уже более пятидесяти лет и ни разу не пожалели о своем выборе.

Свадьба была очень простая. Пошли в ЗАГС, заплатили три рубля и зарегистрировались. Я взял чемоданчик, положил в него вина, что-то еще, сели на трамвай и поехали к Вале домой, где нас ждали ее родители. Все выпили, я тоже немного выпил красного вина и захмелел. Мы еле доехали на трамвае до дома, такой я был хмельной.

Отец Вали, железнодорожный служащий, получал 140 рублей (в то время как я 1200 рублей получал). Вале мать в приданое дала чайник. Мы его потом лет двадцать с собой возили. Меняли разные города и места жительства, а чайник берегли.

Валя училась в индустриальном техникуме. А потом она забеременела, и не доучившись полгода, бросила учиться. Стеснялась.

Тут время «хорошей службы» закончилось. Меня сперва перевели в строевую часть в город Камышин командиром роты, потом заместителем начальника штаба батальона. Затем из Камышина отправили в Пензу, в штаб пехотной дивизии. В пехоте

я всю свою дальнейшую жизнь и прослужил.

Жили мы тогда в лагерях и меня вдруг отправляют в командировку. Прошу, чтобы не посылали, потому что жена должна вот-вот родить. Но все равно пришлось ехать. И в мое отсутствие начались роды.

Не было меня несколько суток. Приехал, а жена уже родила дочку.

Потом начались многочисленные путешествия с переменой мест службы — обычная воинская жизнь. Запомнился мне наш чемодан, который на ходу в самый ненужный момент расстегивался, вещи выпадали. А всего имущества было два чемодана.

На отца Вали кто-то написал донос. Якобы он скрыл, что его друг по фамилии Норкин, сын священника. Его арестовали. Отправили в Уфу, потом в один из лагерей. А когда война началась, сказали, что всех освобождают и отправили по домам. Добирался он с Пинских болот, что в Западной Белоруссии. Пришел больной и вскоре умер от воспаления легких.

На моей службе то, что отец жены репрессирован, не отразилось. Меня не допрашивали по этому вопросу ни разу. Но почему-то переводы на новое место службы были очень частыми.

Когда меня назначили в Куйбышев заместителем начальника учебного отдела, это было повышение. По существу я был повышен в должности на две ступени. Здесь и произошла описанная мною выше встреча со Шкадуновичем, с которым мы дружили семьями.

КАЗАНЬ

В начале 1941 года из Куйбышева меня перевели в Казань. В Казани находилось Арское поле и Красные казармы, где готовились немецкие танкисты. Эти немцы разъезжали по городу в своих небольших автомобилях. В Казани жил известный русский борец Иван Поддубный. Однажды немецкий офицер ехал на машине, а по шоссе не спеша шел уже немолодой экс-чемпион. Немец отчаянно сигналил Поддубному, но тот не уступал дорогу. И вот машина его слегка стучает сзади и останавливается. Поддубный от удара даже с места не сдвинулся. Немец выскочил из машины, что-то кричит, но Поддубный повернулся и молча ушел.

Много немецких танкистов было подготовлено в Казани, все потом уехали в Германию когда началась война, мы между собой говорили, что они теперь воюют

против нас, а готовили-то их наши.

Как-то я ехал в поезде и встретил немца. Он сначала говорил по-немецки, а потом вдруг заговорил по-русски:

— Товарищ командир, вы знаете, что делает Гитлер с нашими, с коммунистами?

— Читаю газеты, слышал об этом.

— Я один из тех, кто убежал оттуда. Хорошо, что Советский Союз принимает нас. Но я ведь уже третье место меняю, не знаю, куда меня еще переведут. Все по лагерям и по лагерям езжу. Хотите со мной переписку иметь?

— Я вас не знаю, вы меня не знаете. Желаю вам хорошо устроиться.

Он не понимает, твердит:

— Я коммунист! Я коммунист! Я против Гитлера воевать буду!

Мы пожали друг другу руки и расстались.

Мы не знали тогда, что немцы преследовали евреев. Было известно, что Гитлер уничтожает коммунистов, комсомольцев. Вот на это упирала наша пропаганда. А про евреев были отдельные сообщения в газетах: что их грабят и куда-то высылают. Но на том, что Гитлер преследует в основном евреев наша пропаганда внимания не заостряла.

ВОЙНА

Перед войной я был уже капитаном, командовал курсантским батальоном в Куйбышеве на Красной Глинке. Это была высокая должность, должность командира полка, при которой носили три «шпалы». Это был не просто батальон рядовых бойцов, а батальон курсантов пехотного военного училища. Начальник училища имел генеральское звание.

Мы все чувствовали, что война с Германией неизбежно вспыхнет. Немцы всячески ее провоцировали, захватывая Австрию и Чехословакию. Про пакт 1939 года мы знали мало. А когда Гитлер захватил Польшу, стало ясно, что скоро будет война.

Даже когда 22 июня 1941г. по радио объявили про войну, мы все равно с женой не поверили. Так внезапно? Ну не может же быть, ведь у нас такая разведка! Молотов объявил, что решением партии и правительства Вооруженным Силам отдан приказ отразить нападение и перейти в контрнаступление, разгромить противника на его территории. Мы думали: вот теперь им дадут! А потом началось наше отступление. Из головы не выходило: что творится с нашей армией, почему так происходит? Да потому, что уничтожили таких, как Тухачевский и Блюхер, остались одни бездари. Буденный и

Ворошилов умели только саблей махать...

Буденного вскоре сняли. Я услышал фамилию «Рокоссовский». Фамилия Жукова долго не появлялась в печати. Тухачевский, Уборевич, Якир их труды по военному искусству мы читали, изучали. После ареста этих людей книги у меня все остались. Собственно говоря, в книге Тухачевского дана разработка глубокой операции, которую немцы затем успешно применяли...

Сначала эта книга была в библиотеке полка, она была секретная; изъяли ли ее потом, я не знаю. Но по крайней мере, мы знали эти источники по стратегии и тактике. У нас был любимый педагог будущий маршал Василевский, он был тогда в чине командира корпуса. Хорошо помню его занятия: «Методика боевой подготовки младших командиров», «Подготовка бойца», «Подготовка батальона», «Подготовка роты».

Хорошо запомнил первый день войны. Сидим мы дома с женой, и вдруг слышим по радио: война!

— Ну что ж, — говорю, — надо собираться.

Но сразу попасть на фронт мне было не суждено. Командира моего полка Шкадуновича назначили командиром учебной бригады. Вызвал меня командующий округом и говорит:

— Вот что, мы тебя назначаем командиром полка.

Это подразделение называлось «лыжный запасной полк». Там формировали фронтовые батальоны, которые затем отправляли на фронт.

Приехал я в полк и пришел в ужас. Полк размещался на окраине Казани, в Красноармейской слободе. Семнадцать тысяч человек: кого там только не было! И пехотинцы, и артиллеристы, и моряки потопленных кораблей, и выздоравливающие, и мобилизованные, и те, кто был в отступлении, и те, кто из учебных лагерей. Вот таким полком мне предстояло командовать.

Наступил 1942 год, прошла битва за Москву, а я все еще оставался командиром полка. Несколько раз писал рапорт комбригу Шкадуновичу: "Прошу меня освободить от должности командира полка, послать меня на фронт. Я хочу идти на фронт. Я не могу больше находиться в тылу».

Я действительно очень хотел на фронт, хотел воевать. Но каждый раз на моих рапортах появлялась резолюция: "Оставить на занимаемой должности».

Однажды приезжал А.С. Щербаков, секретарь ЦК и начальник Совинформбюро.

Спрашивает меня:

— Как дела? Как готовите батальоны?

Докладываю ему:

— Нам приходится вооружать фронтовые батальоны учебным оружием. Винтовок нет. Приказали со всех частей, где только есть, свозить учебные винтовки. На учебных винтовках дырки провернуты, чтобы нельзя было из них стрелять. В мастерских на этих винтовках дырки запаивают, заглаживают, закрашивают. Учебные винтовки перекрашивают, потому что они черного цвета. Но и после отъезда Щербакова ничего не изменилось. Не раз докладывал я Шкадуновичу, что не могу людей отправлять на фронт с таким оружием. Командир бригады со вздохом отвечал:

— Я знаю об этом. Но они добудут оружие. На поле боя много брошенного. Ты не беспокойся, они в бой пойдут, там и добудут.

В мае 1942-го в бригаду приехал член Государственного Совета Оборона маршал Ворошилов. После ряда крупных неудач наших войск, он был смещен с важных постов. Шкадунович накануне предупредил:

— К тебе завтра приезжает Ворошилов, будет проверять подготовленность боевых батальонов.

Ворошилов приехал утром. Встретил я его в воротах, отдал рапорт. Маршал спросил:

— Где полк?

— На занятиях.

— Пойдем на занятия.

В Красноармейской слободе были поросшие бурьяном пустоши, где солдаты занимались штыковым боем, перебежками, самоокапыванием и другими подобными солдатскими делами. Маршал понаблюдал за занятиями и вдруг спрашивает:

— Почему ты не на фронте?

Говорю:

— Товарищ Маршал Советского Союза, я столько рапортов писал, просился на фронт! Вы спросите Шкадуновича, сколько раз он мне отказывал.

Ворошилов повернулся к Шкадуновичу:

— Почему не отправили его на фронт?

Шкадунович:

— Потому что он хорошо выполнял свои обязанности. Может я и ошибся, товарищ маршал...

Ворошилов нахмурился:

—Я недавно из Алатыря приехал. Это в Чувашии; там 141-я дивизия формируется. Я приехал в один из ее полков, а там командир — пьяница. Я его снял с должности. Собирайся, завтра поедешь в Алатырь принимать полк. И с ним уедешь на фронт.

Весной 1942 г. крупное наступление немецких войск на Курско-Воронежском направлении вынудило 38, 40 и 3 -ю резервные армии Брянского фронта отойти к Воронежу. Преследуя наши войска, гитлеровцы ворвались в Воронеж, и захватили часть города. Одновременно они вели подготовку к форсированию Дона и впадавшей в него реки Воронеж.

В этих условиях Ставка сформировала временную оперативную группу во главе с заместителем наркома войск ПВО генерал-полковником Михаилом Степановичем Громадиным. Оборона должна была вестись силами отходящих войск. Так начал формироваться Воронежский фронт.

В это самое время в городе Алатырь завершала боевую подготовку и 141-я стрелковая дивизия, в состав которой входил и мой 25-й запасной лыжный полк.

ЧЕКИСТЫ НА ФРОНТЕ

20 июня я был в штабе дивизии, где узнал о своем новом назначении командиром 796-го стрелкового полка. После доклада начальника штаба капитана Григория Михайловича Комарова я зашел в Клуб железнодорожников. Там только что закончился суд Военного трибунала над молодым начальником финансовой части (фамилию его сознательно не называю), обвинявшемся в крупном хищении. Лейтенант только что был приговорен к расстрелу и находится в шоковом состоянии. Я спросил председателя трибунала:

— Может быть лучше разжаловать этого воришку в рядовые и направить в штрафной батальон? Он кровью искупит свою вину.

Председатель трибунала ответил:

— Посоветуюсь с военным прокурором дивизии.

Как я позже узнал, смертный приговор был заменен штрафбатом. Я был этим очень доволен. И в других подобных случаях, когда «СМЕРШ¹» ловил дезертиров, я каждый раз просил направлять этих солдат в штрафбат, а не расстреливать. К сожалению, это не всегда удавалось. Расстреливать стали намного чаще после опубликования известного приказа № 227 «Ни шагу назад».

Был у меня еще один случай, когда я столкнулся со СМЕРШЕМ.

Мы стояли на окраине Воронежа, когда мне сообщили о том, что поймали дезертира из нашего полка.

Смершевец докладывает:

— После допроса мы его расстреляем.

— Так судить его надо.

— А чего его судить!? Есть приказ дезертиров расстреливать.

Недалеко в лесочке дезертира заставили вырыть яму и расстреляли.

А потом после войны была еще одна встреча со знакомым, служившим в СМЕРШЕ. У него было тяжелое ранение, перебита нога, ходил он с костылем. Пришел он ко мне с просьбой:

— Василий Яковлевич, подпиши бумагу, меня представляют к награждению орденом "Красного Знамени" и от тебя нужна характеристика.

И протягивает мне листок. В этой бумаге он написал, на мой взгляд, полную глупость. Дело было во время боя за плацдарм на правом берегу Дона. Мы захватили небольшой участок, окопались и немцы, которые сколько ни пытались, так и не сбросили наших солдат. Мой «смершевец» написал, что во время боя началась паника, рота хотела отступить, и в этот момент он схватил миномет и открыл сильный огонь, благодаря чему немцы начали отступать. Я говорю:

— Слушай, это не грамотно. Зачем же так писать? Где ты взял миномет? Где он валялся? Что за миномет? А потом какой - 82-х миллиметровый? Это такая труба, что тебе не поднять. Да и вообще, что один миномет мог сделать, зачем ты это пишешь? А потом, где я был? Почему ты пошел помогать роте, а я где был! Ты потом скажешь, что командир полка был дурак дураком. Роту его уничтожают, и он посылает туда контрразведчика с минометом.

Бумагу я, естественно, не подписал.

---

¹ СМЕРШ – «Смерть шпионам», военная контрразведка.

ПЕРВЫЙ БОЙ

В дивизию из штаба пришел приказ: наша стрелковая дивизия должна к 1 июля прибыть в Воронеж. В эшелоне, в котором мы ехали, двери были с двух сторон. Штабной вагон поддерживал постоянную телефонную связь с составом и машинистом. При подходе к крупной железнодорожной станции Лиски пост ПВО передал сигнал «воздух». Включились тормоза, стала слышна стрельба зенитных орудий. Я по телефону подал команду: «Всем выходить направо». Эшелон остановился, из вагонов посыпались солдаты и бегом устремились на пустырь, находящийся в 100 метрах от эшелона. В это время немецкие «Юнкерсы» начали пикировать на станцию. Бомбы попали и в два наших вагона. Через 20-25 минут налет немецкой авиации прекратился. Одна из авиабомб угодила в вагон, в котором находились лошади. Другая бомба попала в вагон с солдатами. Трое из них были убиты, пять ранено. Был ранен и лейтенант — командир взвода. Эшелон смог тронуться только через два часа. В братской могиле мы похоронили погибших; раненых поместили в больницу.

Я осмотрел станцию Лиски. Какой же удачной оказалась команда «Всем выходить направо!» Рядом с эшелонами был пустырь, перепаханный канавами, заросший бурьяном, усеянный железнодорожным мусором. Лучшего места для укрытия было не найти.

А если бы я командовал «всем выходить налево!»? Там стояли в несколько рядов грузовые и пассажирские эшелоны, разбитые немецкими бомбами, несколько эшелонов горело. Почему же все-таки я подал спасительную команду «Выходить направо»? Вспомнил, как еще до погрузки в эшелон с начальником штаба капитаном Комаровым я дотошно изучал по картам все станции, которые предстояло проезжать на пути. Возможно, еще тогда я заметил на карте станции Лиски свободное от строений пятно размером 1.5 - 2 квадратных километров. Это как-то отложилось в памяти. Но как бы то ни было, команда «всем выходить...» спасла не одну солдатскую жизнь, да и мою тоже.

1-го июля 1942 года 141-я стрелковая дивизия, подошла к Воронежу. Мы вошли в состав войск оперативной группы генерала Громадина. По его приказу дивизия заняла оборону по левому берегу реки Воронеж у поселка Придача. Вечером командир 141-й стрелковой полковник И.Г. Рассадников получил новый приказ Громадина: «В течение 3-4 июля ликвидировать захваченный немцами небольшой плацдарм на реке Дон юго-западнее Воронежа у деревни Гремяче. Одновременно один стрелковый полк в

полном составе к 12 часам утра 2 июля направить на станцию Отрожки в распоряжение генерала Громадина».

Для выполнения задачи моему полку предстояло совершить марш-бросок протяженностью не менее 15 километров. В небе -авиация противника, а у нас же не было даже зенитного прикрытия.

Я решил совершить марш тремя батальонными колоннами, двигающимися параллельно.

Несмотря на два налета немецких самолетов, полк прибыл на станцию Отрожки в установленное время. На станции стояло несколько железнодорожных эшелонов с продовольствием. Они и были основной целью немецких летчиков. Вагоны с продовольствием горели или были полностью разбиты. К ним подбегали солдаты и набивали свои сумки консервами и галетами. Я видел, как один красноармеец пальцем подбирал вытекающий из сумки мед. Другой вынес из разбитого вагона каску, доверху наполненную куриными яйцами. Когда самолет с воем пикировал на очередную цель, этот солдат прикрывал собой каску с яйцами, а сам в это время задира л голову к небу, пытаясь увидеть, не летит ли на него авиабомба.

После налета я поехал искать штаб Громадина. Найдя дом, где размещался штаб оперативной группы, я представился и доложил о состоянии и о составе 796-го стрелкового полка.

На меня внимательно смотрел мужчина средних лет с сединой на висках. Выслушав, он потребовал, чтобы я развернул карту и раскрыл записную книжку. Генерал приказал:

— Войска ведут бой в разных частях города. В составе войск противника две пехотные, танковая и одна дивизия войск СС «Мертвая голова». Гитлеровцы стремятся полностью овладеть городом и готовятся форсировать реки Дон и Воронеж. Ваш полк должен немедленно переправиться на правый берег реки по железнодорожному мосту у станции Отрожки. Соединившись с отдельным танковым батальоном майора Маковского, нужно прийти к восточной окраине города. Там соединитесь с подразделениями полка НКВД. Предупреждаю о недопустимости промедления. Необходимо совместными силами разгромить противника к 3 июля. В случае нарушения приказа, я применю к вам самые строгие меры. За вами будет следовать телефонная связь.

Я спросил генерала:

— Возможна ли артиллерийская поддержка?

Громадин ответил:

— В ответственные моменты боя полк будет поддержан огнем артиллерии.

Я быстро собрал командиров батальонов и спецподразделений, изложил им боевую задачу и верхом на лошади через железнодорожный мост направился на встречу с майором Николаем Федоровичем Маковским, Героем Советского Союза, получившем это звание еще в Финскую войну. В нашем распоряжении было 17 танков КВ («Клим Ворошилов»).

Вскоре начали прибывать подразделения моего полка. Вдруг меня позвнал к телефону сержант в форме пограничника. Он сообщил, что Громадин ждет доклада. Я ответил:

— Доложите, что еще не весь полк перешел на правый берег реки. Я прошу генерала дать мне два часа на организацию разведки и взаимодействия с танковым батальоном.

В ответ мне сказали, что за задержку с выполнением задачи генерал отстранит меня от должности, а в следующий раз - расстрелять.

В три часа дня начальник штаба полка доложил Громадину, что 796 стрелковый полк и танковый батальон начали движение к Воронежу. Вдоль железной дороги по обеим ее сторонам двигались 1-й и 2-й батальоны, за ними танковые роты. Я со штабом следовал первым эшелоном вдоль железной дороги. Общая длина колонн полка достигала трех километров.

Через час начальник штаба полка получил донесение от командира разведывательного взвода. В нем говорилось, что в километре от поселка Сельскохозяйственного института взвод был обстрелян, потерь нет. Кроме того мы были предупреждены, что этот поселок застроен кирпичными домами. Я приказал командиру саперной роты выслать разведку для поисков минных заграждений. Маковский доложил — бежавшие из Воронежа местные жители сообщали ему, что город занят немецкими войсками, идут грабежи и убийства, город горит. О пограничниках и солдатах НКВД данных у него не было.

Дорога, по которой проходил наш полк, сперва шла через холмы и небольшие рощи, но ближе к поселку места оказались совершенно открытыми. Войска вошли в пшеничное поле. Около пяти часов вечера гитлеровцы начали стрелять из автоматов. Внезапно в колоннах батальонов стали рваться снаряды. Началась паника. Солдаты в

поисках укрытия разбегались в разные стороны. Несколько снарядов разорвалось вблизи штаба полка.

Обстрел продолжался ровно 25 минут. Сразу после артобстрела над полком появилась восьмерка «юнкерсов». Самолеты сделали еще два захода и удалилась в сторону Воронежа. В расположении полка воцарилась тишина. Только стоны раненых и крики санитаров. Я чувствовал себя отвратительно. При разрыве одной из бомб, меня бросило на землю. Сильно болело правое плечо, кружилась и гудела голова, тошнило, язык плохо повиновался. Я понял, что контужен, но из строя не вышел.

Начальник штаба сообщил, что убит его заместитель и начальник химслужбы полка, тяжело ранен батальонный комиссар Федор Михайлович Афанасьев, в роте автоматчиков полка тоже есть потери, телефонная связь с Отрожками прервана. Мой заместитель по тылу майор Козаченко доложил, что уже развернут медицинский пункт, музыкантский взвод полка с носилками послан выносить тяжелораненых. Маковский сообщил, что сгорел танк и повреждено шесть, два из них, через два-три часа будут восстановлены. Я приказал ему все исправные танки выдвинуть ближе к 1-му и 2-му батальону, чтобы отразить удар противника из поселка Сельскохозяйственного института. Заместитель начальника штаба по разведке старший лейтенант Шаповалов сообщил как выглядит поселок и приложил его план. Разведчики захватили пленного. По его солдатской книжке стало ясно, что в поселке находится батальон СС «Мертвая голова». Обычно он составлял 350 человек, вооруженных пулеметами и автоматами, усиленный батареей противотанковых и зенитных орудий. С начальником штаба мы начали анализировать эти данные и прикидывать варианты, как взять поселок.

Наши размышления прервал Маковский: согласно приказу Громадина его танковый батальон переходит в 8-ю стрелковую дивизию генерала Зыкова. Меня это решение очень огорчило. Я рассчитывал, что его танки смогут разрушить кирпичные дома в поселке. В моем полку же имелось всего два 76-мм орудия и девять противотанковых пушек. Этого было явно недостаточно.

К шести часам вечера в штабе полка были собраны данные о потерях. Они оказались ужасными. Общее число погибших солдат и офицеров составило 197 человек, а раненых и контуженых — 472 человека. Выбыло три командира роты и девять командиров взводов. Некоторые подразделения нуждались в переформировании. Вникнув в эти данные, я впервые подумал, что виновник этих потерь — генерал Громадин: ведь именно по его приказу полк шел к Воронежу днем,

не было времени даже на разведку. Но я прогнал от себя эти мысли: у генерала, видимо, были какие-то свои расчеты, неизвестные мне. Итак, как же в сложившихся условиях выполнить поставленную задачу? Мой полк имел, вероятно, четырехкратное преимущество перед противником, засевшем в поселке. Преимущество гитлеровцев состояло в том, что они оборонялись в кирпичных домах. Танковый батальон от меня забрали, в полку осталась мало средств для разрушения зданий. Что ж придется создавать штурмовые группы с самодельными фугасами для подрыва домов и их задымления. Мои размышления были прерваны вызовом к телефону. Громадин потребовал доложить о потерях. После доклада генерал немного помолчал, затем сказал резким тоном:

— Видать, майор, ты хороший паникер; я уверен, что не менее, чем вдвое преувеличиваешь потери. Разве полк, когда начали взрываться снаряды и авиабомбы, стоял на месте и не окопался? Я не верю в твою сказку, что два артдивизиона противника, как ты утверждаешь, а также восемь самолетов могли нанести такие потери полку. Вздор все это. Видимо ты растерялся и не можешь управлять полком. Тебя надо срочно заменить, я потребую прислать более способного командира.

Я не ответил на упреки, а только сказал:

— Товарищ генерал-полковник, у меня есть данные о противнике в поселке СХИ¹, находящемся от моего полка в двух-трех километрах.

— Ну что там есть в этом поселке, докладывай быстрее?

— Разведчики захватили раненого немецкого солдата, в солдатской книжке у которого значится, что он из состава войск «Мертвая голова». Такой батальон может иметь в своем составе 350 человек.

— Стоп! Стоп! — крикнул генерал, — Какая там еще «мертвая голова»? За полтора года войны этих «голов» появлялось уже с десяток. Даже была одна танковая дивизия. Врал тебе эсесовец, а ты мне это вранье передаешь. Надо немедленно перепроверить и установить истинные данные о противнике. Атакуй его немедленно. Следуй к Воронежу. Оставь у поселка заслон, обойди этот поселок и следуй к Воронежу.

— Товарищ генерал, в таком заслоне должно быть не менее стрелкового батальона и роты танков. И даже в этом случае я не уверен, что он сдержит немцев и

---

¹ Сельскохозяйственного института

предотвратит их атаку ко мне в тыл. Поселок СХИ необходимо брать и только после этого можно следовать к Воронежу.

Генерал перебил:

— Ты, майор, слишком много рассуждаешь. Я высылаю к тебе моего офицера, покажи ему этот поселок и пусть он встретится с твоими комбатами. И если действительно надо выбить противника из этого поселка, то это надо сделать ночью, чтобы к утру полк был бы готов следовать к Воронежу. У меня все! Утром ожидаю донесения о начале движения полка.

Я передал свой разговор с генералом собравшимся на командном пункте командирам подразделений и сказал, что свое решение о том как действовать ночью, объявлю через час.

В 7 часов вечера я объявил комбатам свой план. Суть его состояла в следующем: примерно к половине десятого, когда совсем стемнеет, начать выдвижение батальонов на исходное для атаки положение; коротким огневым налетом и атакой уничтожить противостоящие боевое охранение противника и, ворвавшись в поселок начать под прикрытием всех огневых средств сближаться с немцами, засевшими в домах. Пятиэтажный кирпичный дом занимает центральное место в обороне противника, поэтому 2-му батальону необходимо создать для его атаки четыре штурмовые группы, в две из них включить оба наших орудия. Начало атаки назначено на 3 часа 15 минут.

После короткой, но интенсивной стрельбы по противнику, окопавшемуся на входах в поселок, 1 и 2-й батальон начали атаку и вскоре ворвались в него. 3-й стрелковый батальон атаковал немцев, занявших оборону в двух длинных строениях, как потом оказалось в гаражах. Противник вел огонь не только из пулеметов, но и из минометов.

К рассвету стрельба в СХИ начала утихать, а к шести утра слышались лишь редкие автоматные очереди и отдельные разрывы мин. Еще до наступления было решено с рассветом прекратить атаку и использовать любые укрытия от огня противника. К семи часам в поселке было подорвано и захвачено два кирпичных здания, два сельскохозяйственных склада и один гараж, где находились пять автомобилей, три бронетранспортера и одна санитарная машина. Было убито 22 гитлеровца, захвачено в плен 17 солдат и один офицер. Противник к этому времени еще удерживал кирпичный дом. Во время ночного боя у нас было убито 36 человек, 72 — ранено. Через сорок минут я уже разговаривал с генералом Громадиным по телефону:

— Майор, ты опять не выполнил мой приказ, потому что не можешь управлять полком. Не знаю, сколько еще так будет продолжаться. В последний раз ставлю тебе задачу. Если в этот раз она не будет выполнена, то я буду судить тебя по законам военного времени. Для того, чтобы быстрее выбить противника из поселка, выведи наши войска и всеми орудиями обстреляй немцев. После этого перейди в атаку. Не позже двух часов дня ты должен взять СХИ и подойти к Воронежу!

Я ответил:

— Товарищ генерал, мои солдаты находятся в поселке, они заняли разные укрытия, окопались. Если мы будем покидать СХИ днем, то это приведет к большим потерям. Мне необходимо 1-2 батареи зенитного артполка. Они бы прямой наводкой сделали больше, чем залп всего полка.

Генерал помолчал, затем произнес:

— Ты майор не фантазируй, на войне это недопустимо.

Но уже в половине десятого командир 409-го стрелкового противотанкового дивизиона майор Дроздов доложил, что его дивизион поступает в мое распоряжение. Я обрисовал обстановку и сказал, что наступление начнется ближе к ночи.

В половине третьего ночи началась атака. В этом бою совершил подвиг Геннадий Вавилов. Он, поднявшись во весь рост, метнул гранату в немецкую амбразуру. Пулемет умолк, рота лейтенанта Бавкуна сумела захватить кирпичный дом. После этого противник начал вести себя как-то странно. Он то открывал сильный огонь из всех своих орудий, то прекращал обстрел. Началась атака на последние оставшиеся у противника здание. Наша рота не встречала никакого сопротивления. Мы обнаруживали только трупы и раненых гитлеровцев. Где-то около четырех часов утра в районе, где действовал стрелковый батальон, началась сильная стрельба. Комбат доложил, что его атакуют немцы со стороны поселка. Только тогда я понял, это остатки эсесовцев пробиваются к Воронежу.

К пяти часам бой стих. Не было слышно ни одного выстрела. Я приказал собрать раненых. К шести часам мне уже докладывали результаты боя.

... Мы воевали уже десять суток. Подошли к Воронежу, где никакого полка НКВД, с которым нам надо было соединиться, не оказалось. Заняли несколько улиц. Я приказал перейти к обороне; сил наступать уже не было. Потеряли мы больше тысячи солдат и офицеров, при этом большинство убитых, а раненых было намного меньше.

Я доложил Громадину, что дошел до Воронежа, не обнаружил там никакого полка НКВД и перехожу к обороне. Он мне сказал:

— Я пришлю сейчас за вами. Я сам решу, что с вами сделать.

Я сказал:

— Присылайте. — и бросил трубку.

Действительно, вскоре пришли трое в форме пограничников. Один лейтенант и два солдата с ним:

— Товарищ майор, генерал Громадин приказал явиться к нему. Мы будем вас сопровождать.

Я этим «пограничикам» говорю:

— У меня потерь много, вы — мое пополнение. Доставайте оружие. Всех троих в девятую роту, там самые тяжелые потери.

Они мне:

— Мы не пойдем, нам приказано, сопровождать вас к генералу Громадину.

— Будете рассуждать, я вас действительно расстреляю за невыполнение боевого приказа. Здесь я за старшего. Трое автоматчиков погнали их на передовую.

Громадин позвонил еще раз:

— Почему не явились?

— Товарищ генерал, лучше вы сами сюда идите: посмотрим, кто кого расстреляет!

Он закричал. Ну, тут я ему и ответил...

Генерал бросил трубку и больше я его не слышал и не видел.

Чем я могу объяснить свое поведение в тот момент? Мне было так тяжело, так жалко солдат! Когда мы наступали на поселок, дни были жаркие. Я ходил по трупам, видел мертвых солдат — опухших, раздутых от жары. По три-четыре дня не убирали — не кому было...

Я приказал музыкантскому взводу бросить трубы, барабаны, взять карабины и заступить в роты. Вокруг лежат неубранные трупы, а Громадин все время по телефону грозит расстрелом. Во время боев я потерял всякое уважение к этому генерал-полковнику, пославшему на гибель целый полк.

У меня в глазах встала цифра «757», составлявшая потери полка за последние четыре дня. Но особенно горько стало, когда я подсчитал, что из этого числа более 80% были убиты во время массированного артиллерийского обстрела и авиационного

налета во время вынужденного дневного марша к поселку СХИ. И потери произошли именно в первую ночь, из-за отсутствия какой-либо артиллерийской поддержки.

Прошло более полувека. Все эти годы я обдумывал происшедшее и сейчас я готов пересмотреть свои некоторые прежние выводы о действиях генерал-полковника Громадина, приведших к гибели нескольких сотен солдат моего полка.

Еще в середине 50-х годов я пытался найти материалы, позволившие бы мне узнать биографию М. С. Громадина. Искал я и потому, что у меня возникло подозрение: Громадин — один из многих скороспелых выдвиженцев, сделавших карьеру в результате сталинских репрессий. Выяснилось, что в годы гражданской войны он командовал стрелковым взводом и ротой. В 1933 году после окончания Военной академии им. М. Фрунзе до 1940 года, в течение двадцатидвухлетней службы в армии, Громадин продвинулся по служебной лестнице лишь до должности начальника штаба зенитно-артиллерийского полка в звании майора. Однако в 1940 году он, прослужив три месяца в должности помощника, а затем начальника одного из отделов в штабе ПВО Московского военного округа, сразу, минуя должности командира полка, бригады и дивизии, получил пост командира 1-го корпуса войск ПВО страны и звание генерал-майора. В том же 1940 году назначается заместителем командующего войсками ПВО Московского военного округа. В ноябре 1941 года Громадин назначается заместителем наркома обороны по ПВО и одновременно командующим войсками ПВО страны, получает военное звание генерал-полковника.

Вчерашний майор, естественно, не мог устоять перед тем, чтобы не возгордиться таким взлетом своей военной карьеры. Он считал, что по праву и по заслугам вошел в состав самых крупных военачальников страны. Это убеждение, видимо, еще более возросло, когда в конце июня 1942 года Громадин, находясь на Брянском фронте, получил поручение от Ставки Верховного Главнокомандования возглавить спешно созданную оперативную группу для руководства обороны Воронежа силами частей, отходящих под ударами врага, а также подходящих резервов. Я не преследовал цель анализировать все действия генерала, связанные с руководством оперативной группой. Его действия под Воронежем говорят сами за себя.

Когда в конце июня 1942 года Громадин приступил к своей деятельности, то первоочередной задачей было использование, как я уже сказал, отходящих наших армий и резервных частей, прибывавших из глубины страны для обороны Воронежа. Надо было помешать захвату плацдармов противником. Но Громадин, получив в свое

распоряжение мой полк и отдельный танковый батальон, решил использовать их не для усиления обороны важных участков, а для наступления, с целью отбить у немцев центр города — вокзал и дом обкома. В условиях, когда фашисты уже заняли весь город и пытались захватить плацдармы на левом берегу рек Дон и Воронеж, чтобы развить свое наступление, невозможно понять и объяснить необходимость наступления наших войск. Вероятно, генерал руководствовался стремлением поднять свой престиж перед инстанциями, вознесшими его на такую высокую командную должность. Не исключено, что такая тактика пришла в голову генералу из-за плохого понимания сложившейся обстановки на этом участке фронта. Действия этого генерала — яркая иллюстрация того, как после сталинских репрессий вверх по служебной лестнице поднялись совершенно неподготовленные военачальники. За их просчеты солдаты расплачивались кровью. Любопытно, что специалисту по ПВО, была поручена задача, требовавшая от него не только знания тактики общевойскового боя, но и оперативного искусства, которые ему не могла дать даже академия им. М.В. Фрунзе. Именно это было причиной его безграмотных действий, которые привели к неоправданно большим потерям. Именно это, а не скверные черты его характера, как я ошибочно считал раньше.

БИТВА ЗА ДНЕПР

Моя фронтовая биография продолжилась на Курской битве, а затем в родной Украине. Самыми тяжкими и кровавыми были бои на Днестре, на Любегском плацдарме севернее Киева. Было нелегко, мы несли большие потери, но бесценный фронтовой опыт позволил решать новые боевые задачи.

23 сентября 1943 года, еще на подходе к Днестру, наша 226-я стрелковая дивизия получила от командира 24-го стрелкового корпуса генерала Н.И. Кирюхина боевой приказ. В нем предписывалось: занять 24 сентября исходное положение на восточному берегу Днестра и захватить деревни Толокунская Рудня и Толокун. Этот приказ мы выполняли двадцать дней.

Вечером 24 сентября дивизия вышла к Днестру. Началась подготовка к его форсированию; плоты строились из подручного материала. Для их изготовления шло все: деревья, доски от разобранных сараев, крепкие бочки, камыш. Везде вдоль берега собирали рыбацьи лодки. Было заготовлено достаточно средств для переправы двух стрелковых полков.

На участке наступления дивизии Днепр разделялся островками на две неравных протоки. До островов было 200-300 метров и река была неглубокой.

Разведка дивизии установила, что основные силы противника находятся на правом берегу протоки. Пленные гитлеровцы показали, что Толокунскую Рудню и Толокун обороняют части 454-й пехотной дивизии, в которой имеется 30 танков и до 50 бронетранспортеров, а также до 200 стволов артиллерии и минометов.

В ночь на 26 сентября 985-й и 987-й стрелковые полки и два дивизиона 730-го артполка переправились на острова, быстро очистили их от мелких групп противника. Но переправа была сорвана сильным огнем противника. Только утром 26 сентября мы продвинулись на 1-1,5 километров, готовясь к штурму главного опорного пункта гитлеровцев - Толокунской Рудни. Полки несли ощутимые потери. Открытые песчаные окопы даже при стрельбе лежа немедленно обрушивались.

День 27 сентября оказался для дивизии очень тяжелым. Утром, когда наши стрелковые полки готовились к атаке Толокунской Рудни, немецкие самолеты начали бомбить наши войска. В 10 часов утра два вражеских пехотных батальона с 20 танками перешли в контратаку против 987-го стрелкового полка. Удержать плацдарм не удалось, полк понес потери в людях, была утрачена большая часть тяжелого вооружения.

28 сентября я ввел в бой 989-й стрелковый полк, поставив ему задачу совместно с 985-м овладеть Толокунской Рудней.

Командир 24-го стрелкового корпуса генерал Кирюхин организовал авиационную поддержку дивизии. На мой командный пункт прибыли представители ~~от~~ одного из соединений 2-й воздушной армии генерала Красовского, скорректировавшие действия «троек» и «девяток» самолетов-штурмовиков. Это значительно облегчило взаимодействие с пехотой. После упорного сопротивления гитлеровцев и отражения двух их контратак мы овладели Толокунской Рудней и ~~«безымянной высотой»~~, располагавшейся юго-восточнее этой деревни. Артиллерией и авиацией было сожжено и подбито одиннадцать танков противника, уничтожено три артиллерийские батареи. ~~989-стрелковый полк отбил у врага все четыре орудия, оставленные 987-стрелковым полком при отходе 27 сентября.~~

Но уже 29 сентября противник, подтянув пехоту и танки, после удара авиации перешел в очередную контратаку и к середине дня вновь овладел Толокунской Рудней. В этом бою погиб командир 985 полка подполковник Иван Никитич Посадский. ~~Все~~

~~Через~~ семь дней в бою за эту же деревню пал смертью храбрых сменивший его начальник штаба полка капитан Петров.

К вечеру 28 сентября полки дивизии были отеснены на исходное положение. Не лучше было положение соседей справа и слева. Действующая правее дивизии 248-я стрелковая бригада и 1-я кавалерийская дивизия за эти дни не могли продвинуться далее, чем на километр от западного берега Днепра. 112-я дивизия, действовавшая левее, вела безуспешный бой за Ясногородку.

Оценив обстановку, генерал Кирюхин принял решение, утвержденное командующим 60-й армии И.Д. Черняховским. ~~226-й Нашей~~ дивизии ~~должна была~~ следовало передать плацдарм у Толокунской Рудни 248-й стрелковой бригаде, а ~~самойзатем~~, объединив ~~свои~~ усилия с 112-й дивизией, овладеть ~~на~~ бы Ясногородкой. ~~ЗатемНоеле-этого~~ необходимо было расширить плацдарм в сторону Толокунской Рудни.

Уже на следующий день Ясногородка была очищена от гитлеровцев. ~~Приказ генерала Кирюхина был выполнен.~~

Через два дня пал Толокун — последний крупный опорный пункт в полосе действий ~~226-й стрелковой~~ дивизии. Медленно продвигаясь и закрепляя за собой отвоєванные участки плацдарма, дивизия 14 октября вышла к опушке леса, за которым находилось село Ровы — конечная цель операции по развитию плацдарма в глубину. ~~Овладение этого~~ Плацдарма открывало возможность для маневренных действий крупных масс войск в западном направлении. Разведкой дивизии было установлено, что Ровы превращены гитлеровцами в крупный опорный пункт своей обороны, центром которого является возвышающаяся на всей окрестности остроконечная высота, называемая жителями этой деревни «Лысойя горойя». Эта гора, напичканная различными огневыми средствами, окопами и блиндажами, представляла собой серьезное препятствие.

Я принял решение овладеть Ровами внезапно, без огневой подготовки. В течение ночи полки, используя лес, скрытно подошли к Ровам и на рассвете атаковали село их сразу с трех сторон. Противник оставил в Ровахдеревне и на Лысой Горе более ста убитых своих солдат и много боевой техники, ~~в том числе четыре оконанных танка и семь противотанковых орудий. 46 гитлеровцев было взято в плен.~~ 16 октября командир корпуса приказал мосей226 дивизии перейти к прочной обороне плацдарма. Но переход к обороне не принес ~~воинам дивизии~~ передышки в боевых действиях.

Противник, подтянув оперативные резервы с других направлений, ~~и 20 суток~~ не прекращал попыток ликвидировать Львовский плацдарм. Все это время 226 дивизия находилась в обороне, ей пришлось отразить восемь сильных контратак.

Запомнился один эпизод, связанный с боевой деятельностью моей супруги. Она служила в штабе писарем, отвечала за фронтовую почту. Фронтовики прекрасно помнят, что значили для их родных эти маленькие треугольники! Однажды от осколка бомбы загорелся автомобиль с письмами и они наверняка бы пропали, если бы не Валя. Она не растерялась и сумела вытащить эти письма прямо из огня, за что была награждена командующим 60-й армией генералом И. Д. Черняховским орденом Красной Звезды.

С 19 по 24 октября нам пришлось вести бой, находясь в окружении. Противник потеснил наши войска на пять километров и вышел на фланг и в тыл дивизии. Заняв круговую оборону, перебросив часть войск с других участков обороны, дивизия ослабила оборону в Ровах. Этим и воспользовался противник. 22 октября атакой пехоты и танков гитлеровцы заняли значительную часть села Ровы. С трудом была удержана Лысая Гора и юго-восточная часть деревни. В этом бою погиб третий командир 985-го стрелкового полка майор Иосиф Маркович Халецкий.

Истинное значение потерь я ощутил 24 октября, когда был вызван на командный пункт 60-ой армии. Там были собраны командиры корпусов и дивизий. Здесь ~~же~~ был и командующий войсками фронта генерал армии Н.Ф. Ватулин. ~~Во время докладов командиров о положении и состоянии войск генералы Черняховский и Ватулин задавали докладчикам вопросы.~~ Ватулин спросил меня о значении для нас села деревни Ровы и поинтересовался, насколько крепка его оборона. Когда ~~же~~ я доложил, что часть села Ровы занял противник, то он, строго посмотрев на Черняховского, приказал восстановить и укрепить наши войска именно в этом месте.

После совещания генерал Черняховский сообщил мне, что уже 25 октября завтра ночью в дивизию прибудет 150-я танковая бригада полковника Угрюмова, будут доставлены артиллерийские боеприпасы. Он приказал мне не позже 26 октября восстановить положение в Ровах.

26 октября дивизия не только полностью освободила Ровы, но захватила и ~~безымянную~~ высоту на западной окраине села. ~~Это значительно улучшило оборону.~~

Наконец пришло время, когда замысел командования по освобождению Киева и правобережной части Украины стал приобретать реальные черты.

Корпусные и армейские связисты строили новые линии связи, саперы прорубали лесные просеки, проводили дороги, сооружали блиндажи и укрытия. В штаб дивизии зачастили офицеры — представители армейской и фронтовой артиллерии, танковой армии генерала Рыбалко и воздушной армии Красовского. Они выбирали в полосе дивизии огневые позиции, намечали маршруты ~~и цели врага~~ для своих частей и соединений. В дивизию стали прибывать новые офицеры и солдаты. ~~Все это свидетельствовало, что скоро дивизия уйдет с Ясногородско-Толокунского плацдарма, отвоеванного кровью тысяч ее воинов.~~

3 ноября 1943 г. ода под гром тысяч орудий и разрывов авиабомб, вместе с другими дивизиями 1-го Украинского фФронта, 226-я перешла в наступление. Уже через трое суток город Киев был освобожден ~~от оккупантов~~. Верховный Главнокомандующий объявил благодарность войскам 1-го Украинского Фронта, а Москва салютовала в их честь ~~30-тридцатью~~ артиллерийскими залпами. Особую ~~рОсобую~~ радость мы испытывали от того, что среди особо отличившихся соединений фронта была названа и наша 226-я дивизия. Ей было присвоено наименование «Киевская». А на боевое знамя дивизии был прикреплен орден Красного Знамени — первая награда за ее боевые дела. Так славно закончилась для дивизии сорокосуточная битва на Днепре.

За форсирование реки Днепр 17 октября 1943 года я был удостоен высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза.

~~Пройдет время и рукотворное Киевское море скроет много из того, что было на Любежском плацдарме. Да и на уцелевших полях исчезнут окопы, траншеи и блиндажи. И останется от всего этого лишь нетленная ПАМЯТЬ.~~

~~3 ноября началась долгожданная Киевская наступательная операция 1-го Украинского Фронта. 226-стрелковая дивизия начала быстро продвигаться, встречая слабое сопротивление гитлеровцев.~~

~~4 ноября противник был выбит из важного немецкого опорного пункта деревни Катюжанка. Лишь на отдельных участках полосы наступления дивизии противник оказывал сопротивление, но мощный огонь 2-й бригады артиллерийской дивизии, действовавшей совместно с 226-й стрелковой дивизией, быстро пресекал эти контратаки.~~

6 ноября 1943 г. радио принесло радостную весть: Киев — свободен. В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина перечислялись соединения и их командиры, отличившиеся при освобождении Киева. Среди них — упоминалась и моя дивизия. Из указанного сообщения я узнал, что мне присвоено очередное воинское звание «Полковник». 11 ноября дивизия овладела крупным укрепленным пунктом врага Кухары, 13-го был взят город Малин.

~~14 ноября в нашей дивизии был день отдыха, и надо же было видеть, как хорошо пели и плясали солдаты вместе с жителями Малина.~~

~~15 ноября~~Но уже на следующий день дивизия подошла к городу Коростень. 16-го ~~ноября наши~~ части ~~дивизии~~ атаковали противника. Несмотря на яростное сопротивление ~~частей 291 пехотной дивизии~~ немцев, к исходу 17 ноября весь город был очищен от гитлеровцев. В ходе боя противник потерял около 200 убитыми, подбито семь танков, три танка захвачены, взято у врага семь артиллерийских орудий и одиннадцать минометов, много другого вооружения.

18 ноября Москва салютовала героям, освободившим Коростень. В приказе Верховного Главнокомандующего говорилось: «В боях за Коростень отличились войска генерала-лейтенанта Черняховского. Особо отличилась 226-я Глуховско-Киевская стрелковая дивизия полковника Петренко, 150 Киевская отдельная танковая бригада полковника Угрюмова...» За успешные действия при освобождении города Коростеня 226-я стрелковая дивизия была ~~Указом Президиума ВС СССР~~ награждена орденом «Красногое Знамения».

~~После этого мы должны были переходить к обороне. Но это была не просто передышка после пятнадцати суток непрерывного наступления. Это была вынужденная мера. Еще 13 ноября, когда были освобождены Фастов и Житомир, для командования стало ясно, что дальнейшее продвижение войск становится не только невыгодным, но и опасным. Враг уже подтянул на Киевское направление значительные силы. Мы могли их отразить лишь упорной обороной. Гитлеровское командование решило контрнаступлением восстановить оборону Днепра. Главный удар противник наносил в направлении Фастов-Житомир. 15 ноября под натиском превосходящих сил противника 38 армия вынуждена была отходить на север, Часть 60-ой армии попала в окружение в районе Житомира. Только 20 ноября войска 60-й армии вырвались из окружения, оставив Житомир. Ставка усилила 1 Украинский фронт стрелковым~~

~~корпусом. Были переброшены 40-я и часть 27-й армии. 25 ноября был нанесен сильный контрудар во фланг брусиловской группировке немецких войск и остановил ее продвижение в направлении Киева. До 20 декабря шли ожесточенные сражения. Противник, продвинувшись всего на 35-40 км, был измотан и обескровлен обороной и контрударами наших войск. 22 немцы перешли к обороне.~~

226-я в боях за Чаповичи.

Утром 18 декабря 1943 ~~года~~ я был вызван на командный пункт 60-й армии к командующему армией генералу И.Д. Черняховскому. Учитывая, что все дороги в это время были заняты передвигавшимися войсками, я поехал не на автомобиле, а на лошади — и это было правильно. Пришлось пробираться по проселочным дорогам и просто по полям. Прежде чем прийти к генералу Черняховскому, я зашел к начальнику штаба армии генералу Тер-Гаспарьяну.

Он сказал:

— Я прежде всего проинформирую об общей обстановке». Противник, подтянув резервы крупными силами, продолжает свое контрнаступление на житомирском направлении и отовится нанести удар и на коростеньском направлениях. Немцы стремятся вновь захватить Киев и ликвидировать наши плацдармы на правом берегу Днепра. Они сосредоточили крупные танковые силы.

Затем я направился к командующему армией. В просторной комнате украинской хаты генерал Черняховский стоял у стола склонившись над картой. Лицо его было бледно, вид у него был усталый. Привычным движением руки он откинул волосы со лба. Черняховский спросил меня:

— Петренко! Через сколько времени 226-я стрелковая дивизия может выступить с занимаемого района.

— Через три-четыре часа, после постановки задачи частям, — ответил я. Черняховский подумал, затем спросил:

— Обстановку в полосе армии знаешь?

— Знаю, меня информировал генерал Тер-Гаспарьян.

Черняховский, глядя на свою карту сказал:

— Противник рвется к Малину, он хочет разрезать наши войска на две части, главный удар танковыми соединениями он наносит на Чаповичи. Товарищ Петренко! Подними свою дивизию и форсированным маршем выведи ее в этот район. Там поступишь в состав 23-го стрелкового корпуса. Это очень важная задача, от ее выполнения во многом будет зависеть дальнейший ход событий. Я знаю, что дивизия имеет большие потери, что пополнение еще не освоено как следует, но обстановка требует смелых и решительных действий и я надеюсь, что твоя дивизия выполнит задачу.

Вечером того же дня в штабе дивизии было получено боевое распоряжение генерала командира 23-го стрелкового корпуса генерала Чувакова. В нем указывался маршрут и район сосредоточения моей дивизии. В пять часов вечера мы вышли по направлению к Чаповичам. Погода была скверная, шел мокрый снег и дул северный пронизывающий ветер, дороги разбиты. Оставив управлять частями дивизии на марше начальника штаба подполковника Наумовича, я с группой офицеров управления отправился в штаб чтобы представиться командиру корпуса и уточнить боевые задачи. Уже было темно, когда я подъехал к штабу, в избе где жил генерал Чуваков никого не было. Тогда я зашел в дом начальника штаба корпуса. За столом перед картой сидел молодой полковник, на груди блестела золотая звезда Героя Советского Союза. Я не мог поверить своим глазам. Передо мной был мой однокашник и самый близкий друг — Сережа Андрющенко. Через десять лет разлуки я опять вижу своего друга. Но он уже не лейтенант Сережа, а полковник, Герой Советского Союза, начальник штаба 23-го стрелкового корпуса Сергей Александрович Андрющенко. Он меня сразу узнал. Мы крепко обнялись и расцеловались. Минуты две мы хлопали друг друга по плечам и радостно смеялись. Но затем перешли к делу. Андрющенко подвел меня к карте и показал на ней:

— Вот здесь обороняется 147-я стрелковая дивизия, левее 8-я дивизия. Немцы сосредотачивают крупные силы на стыке наших войск. Между ними уже образовался значительный разрыв. Комкор решил вашу дивизию ввести в состав первого эшелона. Следовательно, тебе, Василий Яковлевич, поручается оборонять станцию там, где вероятнее всего немцы могут начать свое наступление. Комкор генерал Чуваков сейчас находится в 8-й дивизии, как только освободится, он приедет и лично уточнит задачу.

К утру 19 декабря части дивизии сосредоточились в роше юго-восточнее Чаповичей. На рассвете в штаб дивизии прибыл генерал Чуваков, но меня не застал. В это время я с командирами полков проводил рекогносцировку полосы обороны дивизии. Еще на рассвете в разрыв, образовавшиеся между дивизиями мною были высланы батальоны. 226-я дивизия занимала оборону в полосе шириною до шести километров. В центре этой полосы находилась станция Чаповичи, правее оборонялась 147-я дивизия, а левее части 8-1. Все соединения 23-го корпуса после двухмесячных наступательных боев имели большие потери. В ночь на 20 декабря части мы заняли участки обороны. Солдаты успели отрыть себе лишь одиночные окопы, противотанковых и противопехотных мин было поставлено очень мало. На рассвете два батальона противника, а также 18 танков «Тигр» и шесть самоходных орудий «Фердинанд» после сильной артиллерийской подготовки перешел в атаку с хуторов Липляны и Болярка. Ожесточенный бой продолжался весь день. Противник прилагал отчаянные усилия, чтобы занять станцию Чаповичи. Немецкие танки заняли высоту на западной окраине пристанционного поселка. Создалась явная угроза выхода противника в наш тыл. Вечером мне сообщили из штаба, что 985-й стрелковый полк возвращается в состав дивизии. Кроме того, к утру дивизия будет усилена двумя истребительными полками и 13-й танковой бригадой 4-го гвардейского танкового корпуса. Создалась реальная возможность остановить наступление противника, разгромить его и выбить из Чаповичей. Но для этого сегодня необходимо не только остановить врага, но и подготовить в течение ночи наступление.

Немцы все время наращивали свои силы. Разведка установила, что немецкий батальон мотопехоты с 12 бронетранспортерами и 6 танками продвигается с хутора .Болярка, еще батальон и 9 танков подходят от Липлян. Захваченные пленные показали что на Чаповичи наступает пехотный полк дивизии СС «Адольф Гитлер» с 26 танками «Тигр» и 12 «Фердинандами». Наша пехота из-за отсутствия времени не имела сплошных окопов, солдаты оборудовали себе окопы для стрельбы с колена. Но и эти окопы укрывали бойцов от танковых атак.

К вечеру немцы применили на участке обороны 2-го стрелкового батальона 989-го стрелкового полка огнемётные танки. Эти танки вслед за «Тиграми» подошли к нашей обороне и внезапно начали огнемётание. Длинные струи желтого пламени и огромные клубы черного дыма покрыли высоту, на которой оборонялись бойцы 2-го

батальона. Окопы не имели перекрытий и огненные струи накрывали наших бойцов. Взрывы снарядов и гранат, треск пулеметов и крики сгорающих людей — все это было в течение пятнадцати или двадцати минут. В ответ на это мы открыли ураганный огонь по немецким танкам. Вскоре несколько загорелось, а остальные начали отходить. В этом бою семнадцать бойцов 2-го батальона сгорели заживо, более двадцати солдат были сильно обожжены. Противник занял станцию Чаповичи и бои переместились на северо-западную окраину поселка.

К вечеру у командиров полков не осталось в резерве ни одной роты. В боевых порядках пехоты находилась вся противотанковая артиллерия и минометчики. Тыловые подразделения заняли оборону. В моем распоряжении оставалась отдельная рота автоматчиков и два взвода саперного батальона. Отдельный саперный батальон под командованием капитана Г.С. Полуляхова одновременно и минировал местность, и дрался с противником как стрелковая часть. Разведчики, связисты, бойцы роты химической защиты — все были брошены на окраины Чаповичей.

Мой наблюдательный пункт находился в разрушенном доме на окраине Чаповичей, а командный пункт — на южной окраине. С наступлением темноты бой начал затихать, лишь на западной окраине поселка и в центре раздавались сильные взрывы, орудийная и пулеметная стрельба, дома горели, разведчики вскоре доложили, что группа немецких «Тигров» прорвалась в центр Чаповичей. Но вскоре наступило затишье.

Весь день на моем наблюдательном пункте находился заместитель командира корпуса полковник С. Черный. Мы вместе решили выехать на командный пункт дивизии. Я ехал впереди на трофейном оппеле-амфибии, за мной на «виллисе» полковник Черный. Проезжать нужно было через центр поселка, там, в одном из домов, находился промежуточный пункт связи. Дорога грязная и узкая, машина шла с трудом. Вдруг впереди мы увидели танк. Он одной гусеницей стоял на середине дороги, а другой завяз в кювете. Я говорю шоферу:

— Поезжай тише и смотри, чтобы нас танк не раздавил, когда он начнет поворачиваться.

Когда мы подъехали совсем близко я увидел на его башне немецкий крест. Шофер дал сильный газ, наш оппель рванулся вперед. Но я сразу зашипел:

— Тише, не газуй, езжай тихо.

Танк никак не среагировал на появление нашей машины, но когда его объехал «виллис» полковника, немецкие танкисты смекнули, что мимо едут русские и тут же открыли по машине пулеметный огонь. Отъехав метров 500 — 600, я остановил машину и послал своего адъютанта старшего лейтенанта И.Ф. Перкова к «виллису», но там уже никого не было. Шофер и адъютант полковника Черного были ранены, они бросили машину и скрылись за домами. Немецкий танк развернулся и грозно урча двинулся вправо от дороги. Доехав до места, где находился мой промежуточный пункт связи, я увидел, что дома здесь все сгорели, оставались только дымящиеся развалины. Мы стояли и негромко разговаривали ожидая, что к нам подойдет полковник Черный, но вместо него из-за развалин соседнего дома вышел человек, поднял руку и спросил:

— Кто Вы? Чья это машина?

Подойдя к нему, я увидел, что он без фуражки, в руке пистолет, а на плечах шинели генеральские погоны. Я назвал свое воинское звание, фамилию и в свою очередь спросил:

— Вы кто?

Генерал быстро подойдя к моей машине сказал:

— Быстро садитесь и везите меня в свой штаб.

Позже оказалось, что это командир корпуса генерал Чуваков, его машину раздавили немецкие танки. Он спасся потому, что взрывом его отбросило в кювет и танк проехал над ним.

Война не раз сводила нас с Черным. Вот какой случай случился с нами во время освобождения лагеря военнопленных в Славуте.

Этот лагерь освобождали партизаны, а я в помощь послал батальон и артиллерийский дивизион. Они должны были связаться с партизанами. Замполит же сообщил члену Военного совета, что в Славуте находится батальон. Через три дня в газете «Красная звезда» появилось сообщение об освобождении города Славута и как наша авиация, артиллерия и танкисты героически сражались с врагом. Была и упомянута моя фамилия.

После этой статьи звонит мне командир:

— Ты что там расхвастался?

Ничего этого не было! Никаких бомбежек! Только три повешенных висят и партизаны пьянствуют.

Заместителю командира корпуса полковнику Черный я предложил поехать и все посмотреть.

Командир батальона нас встретил, посидели, выпили горилки. Я спрашиваю:

— Как тут с местными властями?

— Тут есть какой-то комитет. Но никак не могут согласовать свои действия с партизанами.

Поехали мы обратно, ни в чем разбираться не стали. А полковник Черный съездил еще раз за трофеями. Так его трофейный немецкий «виллис» обстреляли партизаны. Вместо трофеев он оставил свою бурку и папку с военной секретной картой. Черного после этого случая с должности сняли, а карту отобрали у партизан.

Наступила весна третьего года Великой Отечественной войны. На Украине она была необычно ранней, уже в январе растаял снег, пошли дожди, вышли из берегов реки. Дороги или ушли под вешние воды или раскисли так, что стали трудно проходимыми не только для гужевого и автотранспорта, но и для танков. Гитлеровцы рассчитывали, что распутица задержит наступление советских войск и даст им возможность перегруппировать силы. Но наши советские войска не дали немцам такой возможности. С 27 января по 11 февраля войска 1-го Украинского фронта провели наступательную операцию, в ходе которой освободили от гитлеровцев города Ровно, Луцк, Шепетовку и еще сотни других населенных пунктов Правобережной Украины. В приказе Сталина нашей дивизии была объявлена благодарность и присвоен орден Суворова II степени. С 4 марта по 17 апреля мы участвовали в Проскуровско-Черновицкой наступательной операции. Это была последняя операция, в которой я командовал 226-й дивизией. Мы нанесли главный удар из района Шепетовки в направлении города Чорткова и вышли к Днестру.

14 апреля я получил приказ прибыть в штаб фронта, который размещался в районе Подволочинска. Прибыв туда, я нашел дом, где размещался отдел кадров фронта, там узнал, что 15-го меня примет командующий. Когда я ехал сюда, я знал, что фронтом командует маршал Г.К. Жуков и недоумевал, зачем он меня вызывает. В

назначенное время я и начальник отдела кадров пришли в приемную маршала: сообщили, что у маршала находится зубной врач. Я встревожился, больные зубы не будут способствовать любезности. А разговор должен был пойти о моем новом назначении. Женщина-врач ушла, и мы зашли в комнату маршала, и здесь, признаюсь, я растерялся. Вместо Георгия Константиновича Жукова я увидел Ивана Степановича Конева. Забыв представиться, маршалу, я не отрываясь смотрел на его наполовину забинтованное лицо. Он сквозь зубы сказал: «Ну чего же застыл?» Я очнулся и отрапортовал. Маршал указал рукой на стул и, спросив меня: «Куришь?» и протянул пачку «Казбека». Конев сказал:

— Да, всего лишь двое суток прошло, как я здесь, а Георгий Константинович убыл в другое место. Ну ладно, скажи как дела в твоей 226?

Затем сразу же добавил:

— Не надо, я знаю. Вчера я подписал приказ о выводе 226-й дивизии в мой резерв на две недели для отдыха и пополнения частей и подразделений. А так как ты молодой и здоровый, то тебе отдых, по-моему, не нужен, поэтому тебе следует убыть в штаб 60-й армии и принять командование 107-й стрелковой дивизией. Задерживаться не следует, там у тебя много работы. По секрету скажу, 107-я вскоре будет участвовать в новой операции, но об этом позже. Если нет вопросов, то можешь идти.

Я поблагодарил маршала и сказал, что мне очень грустно расставаться с дивизией, с которой так много вместе пережито, повернулся «кругом» и вышел. Забыл упомянуть, что правая моя рука лежала на «косынке», которую я носил уже почти неделю после того, как ночью, я ехал верхом на лошади, меняя свой командный пункт, какая-то шальная пуля попала в предплечье. Врач медсанбата дивизии, сделав укол от столбняка, сообщил мне, что кость не повреждена и я остался в строю.

Приехав в дивизию, я созвал на командный пункт всех командиров частей дивизии и объявил о решении маршала И.С. Конева. Мне было тяжело расставаться с 226-й дивизией, которая за неполных девять месяцев 1943 - 1944 годов успешно выполняла боевые задачи в двух битвах стратегического значения, в одной оборонительной и трех фронтовых наступательных операциях. За храбрость и мужество своих воинов дивизия заслужила несколько благодарностей Верховного Главнокомандующего и четыре награды: два почетных наименования и два ордена на

свое боевое знамя. Из просто стрелковой дивизии она стала именоваться 226-й Глуховско-Киевской, Краснознаменной, ордена Суворова II степени Стрелковой дивизией. Тысячи ее воинов были награждены орденами и медалями, 20 самых отважных удостоены — звания Героя Советского Союза.

14 июня 1944 года я прибыл в село Раненюв, где размещался командный пункт 107-й стрелковой дивизии. История рождения этой дивизии и ее боевой путь во многом схож с 226-й. Сформированная в апреле 1942 года в районе Тамбова, 107-я дивизия в середине июля вошла в состав 60-й армии Воронежского (переименованного в 1-й Украинский) фронта. Участвовала в освобождении Воронежа, в боях на Курской дуге, затем в сражениях за Харьков и за мою родную Полтаву. За успешные действия при освобождении города Кременец 107-й стрелковой дивизии присвоено наименование «Кременецкая». В ходе Проскуровско-Черновицкой наступательной операции дивизия вела боевые действия в районе Тернополя, затем на внешнем кольце окружения Тернопольской группировки противника оборонялась на реке Серет.

ЛЬВОВСКО — САНДОМИРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

С 13 июля по 29 августа проводилась Львовско-Сандомирская наступательная операция 1-го Украинского фронта, в ходе которой была полностью освобождена от немецких войск Украина и военные действия перенесены на территорию Польши. 107-я стрелковая дивизия, которой я теперь командовал выполняла ряд важных боевых задач. Исходное положение для прорыва обороны гитлеровцев дивизия занимала на левом фланге 60-й армии, примыкая к правифланговым соединениям 38-й армии. 13 июля, за сутки до начала общего наступления 1-го Украинского фронта, соединения 38-й и 60-й армии проводили проверку наличия истинного переднего края обороны противника путем действий передовых батальонов от каждой дивизии. Каждый танковый батальон поддерживался огнем четырех-шести артиллерийских дивизионов ротой танков из состава 4-го танкового корпуса генерала Полубоярова. От нашей дивизии действовал батальон 522-го стрелкового полка. Перед самым началом действий передовых батальонов неожиданно для меня на мой наблюдательный пункт прибыли маршал И.С.Конеv и командующий 60-й армией генерал П.А.Курочкин. Пришлось мне потесниться, отправив из него часть офицеров моего штаба. После десятиминутного артналета передовые батальоны начали быстро продвигаться в глубину первой позиции обороны противника, но вдруг по нашему батальону и

батальонам соседних соединений противник открыл сильный минометный огонь и из района Зборова на нас начали двигаться пятьдесят танков. Они начали атаку передовых батальонов 38-ой армии. Через два-три часа немцы оттеснили передовые батальоны к исходному положению, завязался ожесточенный бой. Передовой батальон 522-го стрелкового полка развернулся фронтом влево, вел огневой бой с противником на окраине деревни Ярославце. Я слышал, как Конев по своей связи отдавал распоряжение командующему 2-й воздушной армии о нанесении по Зборовской группе немцев удара штурмовой авиацией.

14 июля в середине дня главные силы 38-й армии перешли в общее наступление и к вечеру продвинулись более чем на десять километров и овладели селом Ярославце. Здесь я получил приказ сдать позицию частям 38-й армии и с утра 15 июля, совершив марш по «Колтувскому коридору», войти в районе Золочева в состав 24-го стрелкового корпуса. «Колтувский коридор» - это долина шириной четыре-шесть километров, ее окружают поросшие лесом высоты. Долина была превращена в сплошное месиво, изрытое в разных направлениях глубокими колеями от гусениц более двух тысяч танков. С большим трудом пройдя «Колтувский коридор», 107-я дивизия 20 июля заняла полосу обороны на внешнем кольце окружения более восьми дивизий противника в районе Брод. Позиции дивизии проходили по окраинам Золочева и в деревнях Хильчице и Княжице. Мы должны были предотвратить прорыв гитлеровцев из окружения. 21 июля, ночью, я получил предупреждение о том, что кольцо окружения прорвано. Гитлеровцы устремились к Львову через Золочев. Еще на подступах к Золочеву колонны немцев были обстреляны нашей артиллерией. Вскоре я получил возможность наблюдать картину, которую не видел за все время войны. Обезумевшие фашистские вояки, многие без оружия, лезли на позиции советских войск, поливавших их огнем из пулеметов и автоматов, наши солдаты почти в упор расстреливали врага, танкисты давили их гусеницами танков. Через мой наблюдательный пункт пробежали, спасаясь от лавины огня более двухсот гитлеровцев.

К исходу дня стрельба в городе прекратилась. Страшная картина — везде лежали трупы фашистских солдат, кругом валялось разбросанное немецкое оружие, догорали автомобили и бронетранспортеры. На площади сидели и стояли тысячи сдавшихся в плен немцев.

Как выяснилось позже, из кольца бродской группировки вырвалась дивизия СС «Великая Галичина». В этой дивизии служили жители правобережных областей Украины. Она была полностью разгромлена. Но в частях дивизии не было ликования после такой победы. В разговорах между собой солдаты и офицеры обвиняли пропагандистскую работу бендеровцев, благодаря которой тысячи молодых жителей правобережной Украины перешли на сторону немцев.

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Висло-Одерская операция была проведена с 12 января по 3 февраля 1945 года. Она началась с захвата Сандомирского плацдарма на реке Висла и закончилась на плацдармах реки Одер. Войска 1-го Украинского фронта, перейдя в наступление, прорвали подготовленную оборону немецких войск. В ходе наступления наши войска продвинулись с боями на глубину до 600 километров. Расширив прорыв до 1000 километров, перенесли военные действия на территорию Германии. Войска 1-го Украинского фронта уничтожили или пленили значительную часть немецкой армии. 59-я армия овладела ключевой частью Домбровского угольного района — городом Катовице, а 60-я армия, в составе которой воевала и наша дивизия, разгромив противника по обеим берегам Вислы, заняла важные опорные пункты обороны немцев — Нейберун и Освенцим. Охватив с юго-востока группировку противника, обороняющую Верхне-Силезский промышленный район, войска 60-й армии начали угрожать немцам окружением.

Все перечисленные выше боевые задачи подтверждаются документами Центрального архива Министерства обороны России, а также свидетельствами участников операции, написавших и издавших книги своих воспоминаний. Примерно так излагают основное содержание операции «Военная энциклопедия», «История Второй Мировой войны» и «История Великой Отечественной войны».

Казалось, нет оснований для того, чтобы искать и найти что-либо существенно новое в истории Висло-Одерской операции, или хотя бы опровергнуть что-либо из уже известного и доказанного .

После войны в разных странах мира состоялись процессы над нацистскими военными преступниками, на которых были раскрыты их чудовищные преступления в концлагерях, превращенных в одно из основных способов уничтожения миллионов людей.

Но эти данные о гитлеровских концлагерях до 1981 года не повлияли на мое понимание истории Висло - Одерской операции. К этой операции я обращался лишь в связи с изучением военного опыта минувшей войны — вначале в качестве слушателя Высшей военной академии Генерального штаба, затем — в должности командира дивизии и армейского корпуса при обучении подчиненных офицеров. В течение ряда лет, когда я был начальником кафедры тактики и оперативного искусства, я обучал на ее материалах слушателей Военной академии имени М.В. Фрунзе. Среди моих коллег, преподавателей военных Академий и историков Второй мировой войны, ни разу не обсуждался вопрос об истории освобождения концлагеря Освенцим.

В 1960 году меня как единственного из оставшихся в живых командиров дивизий 60-й армии, принимавших участие в боях за освобождение этого концлагеря пригласили выступить с воспоминаниями о его освобождении. Затем такие приглашения стали поступать регулярно. Вначале это были выступления на манифестациях, проводимых польским правительством в Освенциме, а затем и в других странах, куда я ездил в составе делегаций Комитета ветеранов войны.

И вот однажды я принял участие в составе советской делегации в Международной конференции освободителей узников гитлеровских концлагерей. Ее организатором был Американский Совет поминовения жертв нацизма. Проводилась конференция в США, в Вашингтоне, в помещении Госдепартамента, 26 - 28 октября 1981 года. В конференции участвовали делегации тринадцати стран. Ее целью стало опровержение неонацистской пропаганды, о том что будто бы на оккупированных гитлеровской Германии территориях не было, не было и массового уничтожения евреев и людей других национальностей в гитлеровских концлагерях.

Для меня казалось важным, что на этой конференции можно будет опровергнуть и ложь неонацистов о том, что будто бы концлагерь Освенцим —Бжезинка гитлеровцы сдали без боя и ушли из него еще до подхода советских войск.

Госсекретарь США Хейг, открывая конференцию, сослался на У.Черчилля, который сказал, что «преступлениям нацизма нет имени».В обращении к участникам конференции писатель и журналист Эли Визель, бывший узник Освенцима и Бухенвальда, ставший в 1985 году лауреатом Нобелевской премии Мира, заявил: «Нас всех объединяет стремление не допустить предательства по отношению к павшим. Они были уничтожены нацистами один раз, они не должны быть снова убиты забвением».

Среди членов советской делегации один лишь я имел основание считать себя участником освобождения гитлеровского концлагеря Освенцим-Бжезинка, так как в качестве командира одной из дивизий 60-й армии принимал участие в разгроме немецких войск, оборонявших район этого концлагеря. Остальные члены делегации были включены в ее состав по другим соображениям. Руководителем делегации как старший среди нас по должности был назначен генерал-лейтенант И.Д. Гудзь, заместитель начальника Военной академии бронетанковых войск; в составе были генерал - майор Горлинский, участник встречи советских и американских войск на Эльбе, Герой Советского Союза полковник Г. Гофман, летчик-штурмовик, полковник юстиции Котляр, участник Нюрнбергского процесса.

Мое выступление, рассказ о том, как был освобожден концлагерь Освенцим, вызвал большой интерес участников конференции. Они буквально засыпали меня вопросами о подробностях этого события. Не на все из них у меня находились четкие ответы. Например, я затруднился ответить на, казалось бы, простые вопросы: как я и моя дивизия готовилась к освобождению концлагеря? Знал ли я и мои солдаты, что в концлагере уничтожено свыше миллиона евреев?

Один из вопросов запомнился особо. Сразу после моего доклада сотрудник Госдепартамента спросил:

— Скажите, господин генерал, правда ли, что советские войска, в составе которых были и вы, сознательно наступали медленно, чтобы дать нацистам больше времени на уничтожение узников концлагеря?

Скажу откровенно, вначале я просто растерялся, услышав этот вопрос. Затем, успокоившись, ответил примерно так:

— Не имею чести знать вашего имени и роли на этой конференции, но скажу, что только заклятый враг Советской Армии мог выдумать такой вопрос. Видимо, вы понятия не имеете в каких условиях наступали наши войска, в их числе и 60-я армия, в составе которой мои солдаты с боями, день и ночь без отдыха, продвигались, стремясь выполнить поставленные задачи.

Отвечая на этот вопрос, я особо подчеркивал, что с момента перехода в наступление с Сандомирского плацдарма и до начала боя с гитлеровцами, оборонявшими Освенцим, войска 60-й армии вынуждены были спешить, чтобы выполнить в срок поставленные задачи. Лично я с самого начала операции понуждал к этому подчиненные мне части, ибо имел приказ как можно быстрее продвинуться в

глубину обороны противника на 8 - 9 километров, чтобы создать условия для ввода в бой второго эшелона корпуса. Моя дивизия торопилась выйти на реку Нида, чтобы не дать немецким резервам занять подготовленный на ней рубеж обороны с его бетонными окопами, ходами сообщения, блиндажами и долговременными сооружениями для ведения огня орудиями, пулеметами и танками.

60-я армия стремилась вперед к Кракову, чтобы освободить его от гитлеровцев и спасти от разрушения. Согласно приказу командования 1-го Украинского фронта мы должны были как можно быстрее форсировать реку Пшемпша и овладеть важными опорными пунктами обороны противника и железнодорожными узлами Хшанув, Нейберун и Освенцим.

Именно это позволило не только охватить с юга Силезский промышленный район, но и спасти от уничтожения тысячи узников одного из самых страшных нацистских лагерей смерти, оставшихся в живых к моменту освобождения.

К сожалению, я не записал тогда ни заданного мне вопроса, ни ответа на него. Но точно помню — я не утверждал, что среди приведенных выше боевых задач, которые должна была выполнить 60-я армия стояла и задача освобождения именно концлагеря Освенцим. Она была решена попутно, в ходе овладения указанными выше опорными пунктами обороны противника и охвата с юга Силезского промышленного района.

После конференции, в течение долгого времени я неоднократно вспоминал этот вопрос и свой резкий ответ на него. Во всем ли я был прав? Я не сожалел о пафосе своих слов в защиту товарищей по оружию, отдавших жизнь в ходе этой операции. Убежден, что наша армия не заслужила упрека в том, что она «не спешила». Но стремились ли мы именно к лагерю смерти Освенцим?

Меня не покидала мысль, что, действительно, ни я, ни другие командиры не получали задачи освобождения именно данного концлагеря, а не просто городов Освенцим и Нейберун.

Тогда я решил еще раз, уже целенаправленно, просмотреть архивные документы 60-й армии периода подготовки к Висло-Одерской операции. Я решил перечитать воспоминания И.С. Конева и книгу С.И. Блинова с целью найти в них сведения о том, была ли вообще поставлена перед нашей армией задача освобождения концлагеря Освенцим?

Изучение указанных материалов вначале привело меня к предположению, а затем — и к твердому убеждению, что в истории освобождения войсками 1-го Украинского фронта концлагеря Освенцим содержится незамеченный исследователями факт, на который вся послевоенная литература, освещающая историю Висло-Одерской операции, не обратила внимания.

Суть состоит в том, что в перечне и содержании целей и боевых задач плана Висло-Одерской операции отсутствует цель по прекращению преступной деятельности гитлеровской Германии по массовому уничтожению людей в созданном ею концлагере Освенцим-Бжезинка.

Не было дано и особой задачи войскам фронта по освобождению узников. Более того, в подготовительных материалах и плане операции вообще нет упоминания об этом гитлеровском концлагере.

Маршал И.С. Конев в своих воспоминаниях не объяснил, почему в разработанном под его руководством плане операции отсутствуют задачи, касающиеся освобождения концлагеря. Зато маршал убедительно показал, что Ставка Верховного Главнокомандования и Государственный Комитет Обороны СССР во главе со Сталиным очень внимательно рассматривала план при его утверждении.

В своих воспоминаниях Конев пишет: «В ноябре 1944г. меня вызвали в Москву с планом Висло-Одерской операции, разработанном командованием фронта. Я доложил его в Ставке Верховного Главнокомандования И.В. Сталину в присутствии членов Государственного Комитета Обороны...

Я хорошо помню, как обстоятельно И.В. Сталин изучал этот план. Особенно внимательно он рассматривал на карте Силезский промышленный район... Даже на карте масштабы Силезского района и его мощь выглядели внушительно. Сталин, как я прекрасно понял, подчеркивая это обстоятельство, — показал пальцем на карту, обвел этот район и сказал: «Золото!» Сказано это было так, что в сущности, не требовало дальнейших комментариев... Однако не скрою, когда Сталин так веско, значительно сказал: «Золото!», я подумал, что следует еще более внимательно и глубоко изучить все возможности не только освобождения, но и спасения Домбровско-Силезского промышленного района».

Других замечаний по плану операции в ходе его обсуждения маршал Конев не приводит, но указывает, что после обсуждения у Сталина плана Висло-Одерской

операции «для меня как командующего фронтом уже и без того было ясно, что вопрос об освобождении Домбровско-Силезского промышленного района надо решать по-особому. Надлежало принять все меры к предельно возможному сохранению его промышленного потенциала».

Но представим себе, что Сталин, который (как мы увидим ниже) хорошо знал в то время, что собой представляет концлагерь Освенцим, в ходе обсуждения плана операции вдруг бы указал пальцем в малоприметный на карте город Освенцим, обвел вокруг этого города район размером в сорок квадратных километров и сказал бы только одно слово, например, «Ужас!».

Уверен, если бы Конев увидел бы такой жест Сталина, а также сказанное со значением единственное слово, стало бы ясно, что вопрос освобождения этого ужасного концлагеря также «надо решать по-особому»: надлежало бы принять различные меры к подготовке для этого войск и меры к быстрому разгрому гитлеровцев, обороняющих район концлагеря, чтобы по возможности сохранить жизнь его узников, во время боя за этот участок фронта.

Но ничего этого не произошло. Сталин не указал на Освенцимский концлагерь и нужного слова не произнес. В итоге, как это видно из архивных материалов, ни командование фронта, ни его 60-я армия в ходе всесторонней подготовки сил и средств к операции каких-либо мероприятий действий при освобождении Освенцима не намечали и не проводили, хотя по другим поставленным задачам такая подготовка тщательно осуществлялась.

О том, что Сталин не стремился к быстрейшему освобождению Освенцима в ходе Висло-Одерской операции и, наоборот, оттягивал его, косвенно свидетельствует и директива Ставки ВГК № 5614, полученная маршалом Коневым вечером 17 января 1945 года. Приведу два первых её пункта:

«Лично командующему 1-м Украинским фронтом.

Пункт №1. Главными силами войск фронта продолжать наступление в общем направлении на Велюнь - Бреслау с целью выйти не позднее 30 января 1945 года на реку Одер и захватить плацдарм на западном берегу этой реки.

Пункт № 2. Левому крылу фронта (59-я и 60-я армии) не позднее 20-22 января 1945 г. овладеть Краковым, после чего продолжать наступление на Домбровский угольный район (он же Верхне-Силезский промышленный район), обходя его с севера и частью сил с юга.

Об отданных распоряжениях донесите».

Об освобождении Освенцима в этой директиве не упоминается. В 1 час 45 минут 18 января маршал Конев подписал свою директиву войскам фронта, в которой продублировал приказ Ставки ВГК. В ней армиям правого крыла и центра фронта (в том числе и 3-й танковой армии) подтверждались ранее поставленные задачи: продолжать наступление в общем направлении Велюнь - Бреслау с целью форсировать Одер и овладеть плацдармом на его западном берегу. В пунктах 7 и 8 директивы конкретизировались задачи 59-й и 60-й армий:

«Пункт №7. Командующему 59-й армией. Ближайшая задача во взаимодействии с 60-й армией овладеть Краковым. В дальнейшем наступать на Сосновец-Гетвиц: основные усилия армия должна сосредоточивать на захвате северной частью Домбровского угольного района.

Пункт № 8. Командующему 60-й армией. Ближайшая задача - ударом с северо-востока во взаимодействии с 59-й армией овладеть Краковым. В дальнейшем наступать на Хшанув, Рыбник, Ратибор».

И в этой директиве 60-я армия не получила задачи освобождения концлагеря. Предполагаю, что Член Военного Совета фронта К.В. Крайнюков, член ЦК ВКП(б), опытный политработник, отвечающий прежде всего за морально-политическое состояние войск, ставя свою подпись под директивой войскам фронта 18 января, в которой нет не только задачи освобождения Освенцимского концлагеря, но даже упоминания о нём, или действительно, как и И.С. Конев, не знал о существовании этого концлагеря, или же имел сверху установку не торопить маршала с этой задачей. Анализ последующих событий свидетельствует, что, видимо, он действительно не знал, о существовании Освенцима.

А теперь представим себе, что все армии 1-го Украинского фронта выполнили поставленные им боевые задачи так, как они были изложены в директиве Ставки ВГК от 17 января и конкретизированы в директиве маршала И. Конева 18 января. Оперативная обстановка в полосе действий правого крыла и центра войск фронта бесспорно позволяла им не позже 30-го января выйти к Одере и начать его форсирование. И это произошло несмотря на то, что совместными усилиями трёх армий правого крыла и центра фронта не удалось предотвратить переправу отходящей группировки немецких войск на западный берег Одера. Форсирование реки, расширение и закрепление плацдарма на западном берегу Одера, потребовало бы еще

не менее трех-четырех дней. Следовательно, только после 30 января 1945 года противник, оборонявший Домбровский угольный район, был бы вынужден начать отвод части своих соединений с полосы действий 59-й и 60-й армий, что позволило бы этим армиям не раньше 2-го-3-го февраля овладеть промышленным районом и районом гитлеровского концлагеря.

И когда части 28-го стрелкового корпуса 60-й армии заняли бы район концлагеря Освенцим, то увидели бы там только груды развалин, огромное, уже остывшее, пепелище и ни одного живого узника.

Возможно, что Сталин, подписывая 17 января директиву Ставки 1-му Украинскому фронту, рассчитывал именно на такой финал. Но в действительности этого не произошло. И. С. Конев, как истинный полководец, основываясь на своих военных знаниях и военном опыте, не слепо, а творчески выполнил поставленные ему задачи.

Продублировав приказ Ставки, в своей директиве маршал не переставал анализировать складывающуюся обстановку и искал наилучший способ ее решения. В своей книге воспоминаний «Сорок пятый» он пишет: «Уже вечером 19 января, в день взятия Кракова, перед войсками фронта встала трудная триединая задача: разбить силезскую группировку противника без больших потерь с нашей стороны, сделать это в самые короткие сроки и по возможности сохранить неразрушенной промышленность Силезии». Далее он подчеркивает: «Оценивая перспективы боев в Силезском промышленном районе, мы поняли, что враг способен сосредоточить здесь крупную группировку войск: до десяти-двенадцати дивизий, не считая отдельных и специальных частей».

В свою очередь штаб 60-й армии предполагал, что перед ее фронтом обороняется пять пехотных дивизий, две боевые группы (каждая из которых была равна половине дивизии), три отдельных полка и шесть различных батальонов. В общей сложности это составляло почти восемь немецких дивизий против девяти стрелковых дивизий, имевшихся в нашей армии. Отметим, что в это же время в районе Освенцима начала сосредотачиваться 545-я пехотная дивизия. Следовательно соотношение сил в полосе 60-й армии состояло 1,2:1 в пользу противника. Необходимо также учитывать, что 38-я армия 4-го Украинского фронта, действуя в сложных условиях Карпат, все ещё не вышла на уровень частей 28-го стрелкового корпуса, поэтому его левый фланг оставался открытым. В этих условиях Конев принял инициативное, непредусмотренное ни планом операции, ни директивой Ставки решение «глубоко обходить Силезский

промышленный район танковыми соединениями, а затем во взаимодействии с общевойсковыми армиями, наступающими на Силезию с севера, востока и юга, заставить гитлеровцев под угрозой окружения выйти в открытое поле и там разгромить их».

С этой целью 20 января 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко получила от командования фронта задачу изменить направление своего наступления. Если до этого танковая армия была нацелена на форсирование Одера в районе Бреслау, то по решению Конева она разворачивается с севера на юг имея новую цель — наступать вдоль Одера и, выйдя на коммуникации силезской группировки противника, создать угрозу ее окружения. Это неизбежно вынудило бы ее оставить Силезский промышленный район и отойти на западный берег Одера.

Так и случилось. До 23 января 59-я и 60-я армии безуспешно стремились прорвать оборону противника на подступах к городу Хшанув. Но, когда 3-я гвардейская танковая армия 23 января начала выходить в тылы немецких войск, обороняющих Верхне-Силезский промышленный район, то немецкое командование начало спешно снимать дивизии, действовавшие против войск левого крыла 1-го Украинского фронта. Только с полосы наступления 60-й армии противник снял три пехотных дивизии и бросил их против 3-й гвардейской танковой армии. Воспользовавшись этим, командующий 60-й армии генерал П.А. Курочкин 24 января поставил войскам новые задачи: 15-му стрелковому корпусу овладеть Хшанувом, в дальнейшем наступать на Тыхы; 106-му стрелковому корпусу в составе 100-й, 148-й и 107-й стрелковых дивизий с рубежа Плаза и Янковице, как сказано в приказе, «овладеть важными узлами дорог и опорными пунктами немцев - городами Освенцим и Нейберун. В дальнейшем наступать в направлении Кобюр. 28-му стрелковому корпусу, прикрывая открытый левый фланг армии, одновременно одной дивизией содействовать 106-му стрелковому корпусу в овладении городом Освенцим».

Решение маршала Конева о повороте 3-й гвардейской танковой армии, вывод ее из состава Центра группировки войск фронта и передаче ей задачи овладения Домбровским угольным районом блестяще себя оправдало. Директива Ставки была полностью выполнена раньше намеченного срока. Войска правого крыла и центра фронта и без 3-й танковой армии успешно форсировали Одер и захватили плацдарм на его западном берегу. Но с помощью 3-й танковой армии войска левого крыла фронта овладели не разрушенным Домбровским угольным районом и освободили концлагерь

Освенцим-Бжезинка, сорвав дьявольский план гитлеровцев полностью уничтожить его вместе с узниками. Именно в этом заключается главная заслуга маршала Конева. Немалую роль в срыве плана гитлеровцев относительно судьбы концлагеря сыграл и командующий 60-й армии генерал П.А. Курочкин, который, своевременно перегруппировав свои войска, создал условия для его освобождения.

Маршал Конев, определяя необходимость и значение всесторонней подготовки войск к выполнению каждой из намеченных задач, писал в своей книге «Сорок пятый»: «Есть прямой смысл, не покладая рук, не жалея ни времени, ни труда, работать и работать над подготовкой к решению боевых задач. В конце концов, если брать моральную сторону дела, такая работа в условиях войны была специфическим выражением заботы о человеке в той максимальной мере, в какой вообще слова «забота о человеке» совместима со словом «война»

Лучше не скажешь. Эти слова вполне можно отнести и к задаче подготовки войск фронта к освобождению узников Освенцимского концлагеря. Но такой задачи в плане операции не было. Нет ее и в плане политического обеспечения, разработанного Политуправлением фронта, под руководством такого опытного политработника, как член ЦК ВКП(б) генерал К.В. Крайнюков.

Все, и прежде всего политработники, знали установку руководства Советского Союза, что «с перенесением военных действий в пределы Польши, Советской Армии предстояло выполнить свою историческую миссию по освобождению польского народа из-под ига немецкого фашизма и оказать ему помощь в установлении свободной, счастливой жизни. В связи с этим войска 1-го Украинского фронта ... должны были не только разгромить немецко-фашистские войска в Польше, но и позаботиться о сохранении огромных ценностей Верхне-Силезского промышленного района ..., чтобы поставить их на службу строительства новой демократической Польши, а также использовать ресурсы этого района в интересах полного разгрома фашистской Германии». Так писал С.И. Блинов в своей книге «От Вислы до Одера», вышедшей через семнадцать лет после окончания войны, когда уже были известны результаты пятилетней деятельности фашистской Германии в захваченной ею Польше по реализации людоедских планов Гитлера, объявленных им 22 августа 1939 года. В них говорилось: «Решение восточной проблемы требует уничтожения Польши; истребления ее живой силы; необходимо осуществить физическое уничтожение населения

польского происхождения, благодаря чему Германия получит жизненное пространство, которое ей необходимо».

Выполняя эти планы, части вермахта и подразделения СС с 1939 по 1945 годы, в результате политики массового террора лишили жизни 6 миллионов 28 тысяч польских граждан, из числа которых погибло вследствие непосредственно военных действий лишь 644 тысячи польских воинов. Эти данные приведены в книге Ч. Пилиховского «Давности не подлежит», изданной в Варшаве в 1980 году.

Располагало ли руководство Советского государства информацией о существовании и сути гитлеровских концлагерей, в том числе — о концлагере Освенцим-Бжезинка? Если Сталин и его окружение располагало такими данными, то почему они не были доведены до действующей Армии, в данном случае — до командования и войск 1-го Украинского фронта?

Отвечать на эти вопросы, видимо, надо с упоминания о том, что к моменту проведения Висло-Одерской операции было известно всему миру, и, бесспорно, было известно в Советском Союзе. Речь идет о нацистской идеологии и ее реализации в ходе Второй мировой войны, особенно после нападения Германии на Советский Союз. В арсенале этой идеологии, помимо антикоммунизма, главное место занимали шовинистические, расистские теории, объявленные «государственной доктриной». В них утверждалось, что «немецкая нордическая раса — это высшая раса, которая самой природой определена к господству над другими народами и вправе утверждать его любыми средствами и способами». Всем было известно, что целью гитлеровской политики в войне было завоевание «жизненного пространства», якобы необходимого для существования «немецкой высшей расы», а поскольку это пространство находится вне Германии, в странах на востоке от нее, и населено неполноценными людьми, «недочеловеками», то основная их масса должна быть уничтожена, а оставшаяся часть должна служить «немецкой высшей расе господ».

Ни с чем несравнимо преступление нацистской Германии, поставившей одной из своих главных целей в войне геноцид по расовому признаку целых народов, прежде всего - евреев.

После захвата Польши начинается создание на территории страны сети концлагерей. Создав 55 огромных базовых концлагерей и более тысячи их филиалов, гитлеровская Германия превратила их в один из основных средств и способов ведения войны, осуществляла на практике геноцид целых народов и наций. В концлагере

Освенцим (Аушвиц) было уничтожено около полутора миллионов человек, в том числе — один миллион сто тысяч евреев. Освенцим был эталоном, в нем отработывались и совершенствовались наиболее изощренные способы уничтожения людей. Он символизировал суть идеологии и политики фашистской Германии, преследуемой ее в войне. Не вызывает сомнения, что руководствуясь своей программой установления «нового порядка», гитлеровская Германия продолжала бы реализовывать свои расистские теории уничтожения людей «низшей расы», «неполноценных недочеловеков» для освобождения «жизненного пространства» для «немецкой нордической высшей расы».

Сталину и его окружению было конкретно известно и о нацистских концлагерях, их сути и преступной деятельности, в том числе и о Освенцимском концлагере. Но средства массовой информации СССР крайне редко доводили до народа и Красной Армии имевшиеся в Советском правительстве сведения о гитлеровских концлагерях, которыми располагало советское руководство. Отметим, что первое упоминание Освенцима в советской печати относится к апрелю 1943 года, когда газета «Правда» поместила краткую заметку ТАСС, перечисляющую ряд немецких концлагерей. Известный российский историк Л.А. Безыменский установил, что обмен нотами между английским и советским правительством в июле-сентябре 1944 года свидетельствует: руководство Советского Союза знало о гитлеровских концлагерях в целом, и об Освенциме в частности, об их функциях по уничтожению евреев. По линии партизанского движения данные о концлагере в Освенциме были получены в Москве органами НКВД. В августе 1944 года НКВД Украины представил обобщенный доклад о сведениях, добытых партизанами об Освенцимском концлагере; наконец, достоверные и полные данные о гитлеровских концлагерях были получены при освобождении от гитлеровцев 3 июля 1944 года войсками 2-ой Танковой армии 1-го Белорусского фронта второго по значению гитлеровского концлагеря Майданек, а также при освобождении таких концлагерей и пунктов уничтожения людей как Треблинка на Буге, Собибор около Люблина, Белжец около Львова. Захваченные в них документы и показания чинов администрации дали возможность советским органам иметь необходимые данные о немецких концлагерях, их сути, способах действий и применяемых средствах.

Л.А. Безыменский делает вывод: «В любом случае, войска 1-го Украинского фронта, как это вытекает из архивов штаба фронта и 60-й армии, перед началом Висло-

Одерской операции в январе 1945 года не имели сколько-нибудь определенных данных об Освенциме и получили их лишь в ходе боев».

Информационный бюллетень научно-просветительного центра «Холокост» опубликовал доклад 4-го Управления НКВД Украины руководству НКВД, в котором изложил подробные показания о концлагере Освенцим граждан СССР А.С. Пяцько и В.Я. Пегова, бежавших в ноябре 1943 года из концлагеря Освенцим.

Опираясь на этот документ, можно сделать вывод, что осенью 1944 года в Москве имели достаточно полные данные о гитлеровском лагере смерти.

Однако, ни при подготовке войск к Висло-Одерской операции, ни в ее ходе до дня освобождения концлагеря, не только общеармейская газета «Красная Звезда», но и фронтовые многотиражные газеты «За честь Родины» 1-го Украинского фронта, «Армейская правда» 60-й армии, «За Родину» 107-й стрелковой дивизии и другие, ничего не сообщали о гитлеровских концлагерях, в том числе и об Освенциме.

Таким образом, Стало быть командование 1-го Украинского фронта и 60-й армии скорее всего не знало существования концлагеря Освенцим. Именно поэтому, никаких мероприятий по подготовке его освобождения не намечалось и не проводилось. О том, что командование 1-го Украинского фронта не имело данных о концлагере Освенцим до момента его освобождения, косвенно свидетельствует в своих мемуарах: «К 27 января фронт добился новых успехов: 21-я и 59-я армии ведут бой за Катовице, а 60-я армия овладела Освенцимом... Первые сведения о том, что представлял этот лагерь смерти, мне уже были доложены».

Можно предположить, что, если бы маршал Конев, его штаб и командование 60-й армии знали, что Освенцим — не просто польский городок районного масштаба, не представляющий собой какого-либо военного или экономического значения, а база чудовищного гитлеровского концлагеря, то, как-то по-иному был бы составлен план Висло-Одерской операции. Возможно, сражения войск фронта велись бы по-иному, и 60-я армия несколько раньше освободила бы от гитлеровских войск Освенцим и весь район концлагеря. Тогда бы уцелели не несколько тысяч, а гораздо большее число узников.

Но это из области предположений. Реально же, советские воины, действуя в указанных выше условиях, в ходе кровопролитного боя успели спасти от гибели не более семи тысяч узников, буквально вырвав их из рук нацистских палачей.

Здесь возникает необходимость дать ответ на вопрос: по каким причинам Сталин и беспрекословно подчиненные ему руководители коммунистической партии и советского правительства, также как и высшее командование Красной Армии, скрывали сведения о гитлеровских концлагерях, даже тех, которые Германия создала на оккупированной ею территории и которые Советская Армия в ходе войны должна была освобождать?

По моему глубокому убеждению, таких причин у Сталина было две. Прежде всего - его зоологический антисемитизм. Поскольку в данных, поступающих к нему из разных источников, особенно от правительств Англии и США, подчеркивалось, что в гитлеровских концлагерях идет массовое уничтожение прежде всего евреев, то, видимо, это не трогало Сталина.

Не менее важно для Сталина было скрыть от советского народа и армии данные о массовом уничтожении советских военнопленных, попавших к гитлеровцам в самом начале Великой Отечественной войны, что произошло, прежде всего, по его собственной вине. После войны были вскрыты чудовищные подробности преступлений гитлеровской Германии в отношении советских военнопленных. По отношению к ним абсолютно не соблюдались постановления Женевской конвенции. Лагеря для советских военнопленных были фактически пунктами уничтожения. Истребление в них производилось голодом и холодом, рабским трудом, избиением и издевательствами. Среди советских пленников не соблюдалось деление на рядовых и офицеров.

В начале осени 1941 года в Освенцим начали прибывать транспорты с советскими пленными. Вот отрывок из сообщения бывшего узника концлагеря Казимежа Смолена: «В течение недели число их достигало 10 тысяч. Пленные прибывали в состоянии полного истощения. В каждом транспорте насчитывалось от 20 до 30 умерших во время пути. Пленных морили голодом...

5 декабря 1941 года шеф гестапо группенфюрер СС Г.Мюллер сообщил, что из отобранных в концлагере 22000 русских пленников, 16000 были ликвидированы». В концлагерях Заксенхаузен и Дахау было убито не менее 20000 советских военнопленных.. По несколько тысяч советских военнопленных убито в концлагерях Равенсбрюк, Нейенгамме, Дора-Нордхаузен, Флоссенбюрг, Гросс-Розен, Майданек. Только в концлагере Штутгоф погибло 32000 советских пленников.

3 сентября 1941 года в Освенциме было проведено первое испытание умерщвления газом «Циклон Б» шестисот советских военнопленных. Международный Военный

Трибунал в Нюрнберге заявил в своем приговоре, что «обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью». На территории Польши гитлеровцы создали 107 концлагерей и пунктов уничтожения советских военнопленных, в которых истребили не менее 800000 человек. Кроме того, создали 1998 рабочих команд из пленных военнослужащих, большинство которых погибло от нечеловеческих условий принудительных работ на немецких предприятиях.

И вина за то, что огромное количество советских воинов попало в начале войны в гитлеровский ад и мученически погибло в нем, никогда не будет снята с советского диктатора Сталина и его окружения.

Еще раз хочу подчеркнуть, что незнание командования 1-го Украинского фронта и 60-й армии о существовании концлагеря Освенцим и, как следствие этого, отсутствие необходимой подготовки войск к его освобождению было не виной, а бедой этих военачальников. Сталин скрыл от своего народа и армии имевшиеся у него данные о сути гитлеровских концлагерей, в которых осуществлялось массовое уничтожение людей, в том числе и советских солдат и офицеров, попавших в плен. Он сознательно не поставил особой целью Висло-Одерской операции прекращение преступной деятельности фашистской Германии в концлагере Освенцим-Бжезинка, также, как не ставил такой цели в операциях, проводившихся другими объединениями Советской Армии, в полосах действий которых находились гитлеровские лагеря смерти Трешлинка и Майданек.

Данные, добытые 2-й танковой армией 1-го Белорусского фронта при освобождении гитлеровского концлагеря Майданек Сталин скрыл от командования 1-го Украинского фронта при подготовке и в ходе Висло-Одерской операции. Сталин скрывал имеющиеся у него сведения и о самом Майданеке от командования 1-го Белорусского фронта, при подготовке и в ходе операции, подготовленной и проведенной в июле-августе 1944 года, известной под кодовым названием «Багратион». Приведём два примера.

К началу этой операции Политическое управление Красной Армии и Совинформбюро разработали для воинов фронтов, участвующих в операции «Багратион», документ «Три года Отечественной войны Советского Союза», в котором значительное место отведено «кошмарным злодеяниям оккупантов на оккупированной территории СССР, особенно в Белоруссии». Однако, при перечислении злодеяний гитлеровцев, в документе даже не упоминается о концлагерях и уничтожении в них

евреев и советских военнопленных. Не было в нем и призывов быстрее освободить узников концлагеря Майданек.

В ходе операции Ставка ВГК в директиве от 21 июля, подписанной Сталиным, потребовала от командующего 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовского и представителя Ставки Г.К. Жукова «не позднее 26 июля освободить польский город Люблин, используя для этого 2-ю танковую армию». В директиве подчеркивалось, что «этого настоятельно требуют политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши». Как известно, сразу после освобождения Люблина был обнародован меморандум о создании и начале деятельности первого народного польского правительства в противовес эмигрантскому, обосновавшемуся в Лондоне.

Известно, что 2-я танковая армия 22 июля 1944 года освободила Майданек попутно, в ходе боя при освобождении города Люблина, то есть также, как спустя шесть месяцев 60-я армия освобождала Освенцим.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, связанное с гитлеровскими концлагерями и относящееся к истории Второй мировой войны. Собственно, до сих пор не выяснены все аспекты отношения к немецким концлагерям не только Сталина, но и руководителей Англии и США. В публикации в лондонской газеты «Таймс» президент влиятельной еврейской организации «Ложа Б'Най Б'рит» Артур Браунер спрашивал: «Знала ли о беспрецедентном геноциде на Востоке британская королевская семья, игравшая огромную роль в формировании общественной атмосферы не только на Альбионе? И если да, то каким образом она реагировала на столь кошмарную, по сути, информацию? Кроме того, почему не поделился «истиной во всем объеме» с соотечественниками да и с зарубежной аудиторией, премьер-министр Уинстон Черчилль, который стопроцентно знал об «особом характере» той войны? И почему бы, спрашивается, не обнародовать хотя бы сегодня протоколы Черчиллевских секретных консультаций с президентом США Франклином Рузвельтом по этому же вопросу?». И далее: «Если англо-американская бомбардировочная авиация дальнего радиуса действия могла наносить мощные удары по железнодорожным магистралям, ведущим к Трешлинке, Майданеку и Освенциму задолго до конца Второй мировой, то на каком основании этого не было сделано? Такие усилия союзников, — считает Браунер, — помогли бы снизить обороты концлагерного молоха и переплавку золотых зубов невинных жертв в подвалах Рейхсбанка».

Доказательством того, что Великобритания и Соединенные Штаты знали о газовых камерах в начале декабря 1942 года, стал 20-страничный документ, обнаруженный недавно британской аспиранткой Барбарой Роджерс в архиве министерства иностранных дел ее страны.

На встрече в Белом доме, состоявшейся 8 декабря 1942 года, еврейские лидеры вручили меморандум с этой информацией американскому президенту Франклину Рузвельту. Тогда же меморандум был передан правительству Великобритании.

Документ начинался с сообщения о том, что два миллиона евреев уже убиты и далее: «Пять миллионов евреев, которые еще могут оставаться на оккупированной нацистами территории, находятся под угрозой полного уничтожения — согласно официальному приказу Гитлера полностью истребить евреев Европы к 31 декабря 1942 года».

В документе сообщалось, что в разных частях Восточной Европы созданы центры массового убийства евреев. Очевидцы, польские рабочие-христиане, подтвердили строительство газовых камер, в которых нацисты убивали тысячи евреев. «Уничтожение евреев, взрослых и детей, целыми железнодорожными составами в огромных крематориях в Освенциме, вблизи Кракова, подтверждают очевидцы в сообщениях, недавно достигших Иерусалима».

Конечно, и раньше было известно, что союзники знали об «окончательном решении» и даже о газовых камерах, но впервые появилось доказательство того, что еще в 1942 году они располагали данными о существовании крематория в Освенциме, уничтожении там около полутора миллионов человек, 90% которых составляли евреи.

Автором этой находки предложено несколько объяснений того, почему Великобритания скрывала сведения о геноциде евреев. Обнародование этой информации могло бы поставить под удар успехи дешифровщиков, перехватывавших германские сообщения. Кроме того, возникла бы опасность массовой эмиграции европейских евреев в Палестину, что было нежелательно для англичан. Наконец, не исключалась возможность недовольства англичан участием в «еврейской войне».

Полагаю, что вопрос этот заслуживает дальнейшего изучения, как и причины отказа от использования авиации для разрушения крематориев и подъездных путей к лагерям смерти. Эти вопросы звучали бы более весомо, если поставить их шире: как союзники (в том числе и СССР) вели (и вели ли?) организованную и целенаправленную борьбу с системой гитлеровских концлагерей? Ведь после захвата Польши и нападения

на Советский Союз создание этих страшных фабрик смерти в полной мере показало суть гитлеровской политики по отношению к неугодным «неполноценным народам, нациям, расам».

Союзные страны, особенно Советский Союз и Великобритания, располагали, кроме бомбардировочной авиации, и другими средствами, способными «снизить обороты концлагерного молоха». Речь идет прежде всего о мощном партизанском движении, а также о руководимых из Лондона эмигрантскими правительствами партизанами и группам сопротивления, действовавшими в Польше и в других европейских странах, оккупированных Германией.

В трудах по истории Второй мировой войны и истории Великой Отечественной войны не найти примера такой борьбы. Между тем, уже к концу 1941 года на оккупированной территории СССР в тылу врага действовало более 2-х тысяч партизанских отрядов и подпольных групп сопротивления, численностью до 90 тысяч человек, а всего в годы войны — более 6200 отрядов численностью свыше одного миллиона человек. Деятельностью партизан руководил созданный в мае 1942 года Центральный штаб Партизанского движения, возглавляющий и направляющий борьбу партизан не только на советской территории, оккупированной врагом, но и за ее пределами. Например, в Польше действовало семь советских партизанских соединений (бригад) и 26 крупных отрядов, в Чехословакии — 20 таких отрядов.

За годы войны советские партизаны осуществили 20 тысяч крушений железнодорожных эшелонов с немецкими войсками, военной техникой и другим имуществом, подорвали 58 бронепоездов и 110 тысяч вагонов, разрушили 12 тысяч мостов на железных и шоссейных дорогах, уничтожали более 50 тысяч немецких автомашин. Партизаны нападали на штабы и гарнизоны немецких войск, уничтожили немецкую администрацию в населенных пунктах, срывали вывоз населения в Германию на принудительный труд, вели разведку в интересах советских войск и т.д. и т.п.

Но в этом впечатляющем перечне итогов действий советских партизан нет ни одного примера уничтожения или попытки нападения на какой либо гитлеровский концлагерь или пункт уничтожения людей. Это относится не только к действиям партизан на оккупированной советской территории, но и за ее пределами. Следует отметить, что в источниках, из которых взяты данные о действиях советских партизан, нет даже упоминания о гитлеровских концлагерях и пунктах уничтожения. Причины

этого пробела в истории партизанского движения не анализировались и не были раскрыты в послевоенной советской печати, в том числе и в трудах по истории Великой Отечественной войны.

Конечно, прошлого не вернуть, но вопрос о гитлеровских концлагерях и раскрытии всей правды о преступной деятельности в них фашистской Германии является актуальным и сегодня, когда неонацисты и фашисты всех мастей отвергают чудовищные преступления своих предшественников.

В ОСВЕНЦИМЕ

Мои коллеги – командиры соседних дивизий также узнали о существовании концлагеря Освенцим буквально накануне его освобождения. В Центральном архиве Министерства обороны хранятся докладные записки начальника политотдела 60-й армии генерал-майор Гришаева начальнику политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Ящечкину. Они написаны с 26 по 28 января 1945 года.

«На станции Лебионж юго-западнее Хшанува нами обнаружен филиал концлагеря Освенцим со случайно уцелевшими узниками. Среди них — 30 евреев, остальные — венгры, французы, чехи, поляки и русские — все, кто успел укрыться на угольных шахтах, где работали узники. Остальные были немцами умерщвлены. Всего в этом лагере на станции Лебионж было 920 заключенных.

Один из них, еврей Левер, рассказал что до Лебионжа находился в Освенциме. Там одновременно было от 25 до 30 тысяч евреев из многих стран Европы. Они свозились сюда непрерывно в течение четырех лет. Все, кто не мог работать — женщины, старики, дети, больные — отделялись от здоровых мужчин и уничтожались сразу. Они направлялись в отдельные бараки в южной части лагеря, там их раздевали, потом в специальных камерах убивали газами, а трупы сжигали в крематориях. Всего было для этого оборудовано 12 печей, действующих частично на электричестве, частично на угле. Левер считает, что число жертв-евреев составило примерно 400.000 человек. В последние два года были уничтожены и узники-мужчины. Кормили узников очень плохо: один раз в день водянистая похлебка и 150-200 грамм хлеба. От непосильного труда и голода люди обессиливали и умирали. Три раза в неделю врач осматривал заключенных и неспособных к труду отправлял в газовые камеры.

С октября 1944 года лагерь Освенцим эвакуировался в Германию, и печи крематория работали особенно напряженно круглые сутки. В декабре 1944 года печи были немцами взорваны».

«Утром 27 января 1945 года наши войска освободили Освенцим и Бжезинку — два крупнейших концлагеря. Немцы сбежали. В момент освобождения в лагерях было до 10 тысяч заключенных.

Лагерь смерти Освенцим, по показаниям местных жителей, был основан весной 1940 года. Заключенных сжигали в пяти крематориях. Многих вешали на виселицах. Лагерь окружен несколькими рядами проволоки с током высокого напряжения. Усиленно охранялся солдатами СС. Комендант — капитан СС Гесс. В период большого поступления узников их истребляли по 10-15 тысяч человек в неделю в газовых камерах и сжигали в крематориях. Когда в лагерь въезжали машины с евреями, то по обе стороны от них становились немецкие солдаты, нагайками и шомполами избивали каждого, многих насмерть. Заключенные массами умирали от голода и жажды. В 1942 году из лагеря бежало 6 поляков. В отместку немцы расстреляли тысячи заключенных. Каждое утро сотни раздетых заключенных гнали к газовым камерам. Немцы наслаждались смертными муками несчастных через специально сделанные окошки. Дым от печей и смрад шли на десяток километров.

К началу 1945 года все евреи в лагере были уничтожены. Немцы, всячески заматывая следы преступлений, взорвали лагерь, очевидцев расстреляли».

«Концентрационный лагерь Освенцим, по-немецки Аушвиц, фактически состоит из 5 лагерей и тюрьмы. Сейчас в них осталось несколько тысяч узников из всех стран Европы. Много заключенных на прилегающих дорогах. Все крайне истощены, плачут, благодарят Красную Армию. Люди говорят, что все они были бы уничтожены.

Каждый лагерь — огромная площадь за колючей проволокой в несколько рядов под током. В каждом — множество бараков, в них — два ряда двухъярусных нар. Картина страшная по своей трагичности.

«В радиусе 20-30 километров на территории Домбровского угольного района имеется 18 филиалов концлагеря. Каждый — до 10 квадратных километров. В лагере — до 80 бараков. Барак — на 200 - 300 узников. Главное назначение лагерей — массовое истребление людей, в первую очередь евреев, свозимых со всей Европы. Узники — даровая рабочая сила на шахтах и заводах синтетического горючего. Бывали дни, когда

прибывало 8-10 эшелонов с заключенными. 5-10% здоровых, годных для тяжелых работ, оставляли, остальных — уничтожали. 4 крематория имели по 10 камер для удушения людей газом и 30 печей для сжигания трупов. Каждая камера вмещала до 600 человек. Крематории не справлялись с сжиганием трупов и часть их сжигали в ямах 40х40 метров, обливая горючим.

Одновременно в лагере было 25-30 тысяч человек. Режим быстро приводил к истощению, обрекая узников на смерть. Работали по 12 и более часов. Избиения, пытки, издевательства, расстрел на каждом шагу. В лагере Освенцим освобождено 2 тысячи узников, в Бжезинке — 2,5 тысячи, в других по 500-800 человек. Евреи уничтожены полностью. 40% так истощены, что не могут двигаться. Их совсем не кормили уже несколько дней».

Читая эти документы, я вспоминал то, что я сам увидел в Освенциме.

Впервые об этом концлагере я, командир 107-й стрелковой дивизии, узнал ночью по телефону 26 января, руководя боем за Нейберун. Мне позвонил командир 106-го стрелкового корпуса генерал П.Ф. Ильиных, сообщивший, что 100-я и 322-я дивизии, ведя бой за Моновицы и Зарац, установили, что это — объекты большого гитлеровского концлагеря, центр которого находится в Освенциме. Комкор предупредил меня, что надо быстрее не только взять Нейберун, но и сделать все, чтобы не допустить отхода противника к Освенциму. Он приказал, чтобы после взятия Нейберуна моя 107-я и соседняя 148-я стрелковые дивизии продолжали энергичное наступление вдоль левого берега Вислы, угрожая с тыла Освенцимскому гарнизону противника.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Наши потери убитыми составляли 180 человек. Город был полностью освобожден 28 января и наша дивизия готовилась переправиться через Вислу. До Освенцима, который находился на другом берегу этой реки, было примерно полтора километра. Мне позвонил генерал Ф.М. Красавин, командир 100-й дивизии, которая накануне взяла Освенцим и попросил приехать. Я предупредил своего заместителя и начальника штаба, что отлучусь на полтора-два часа, и выехал в Освенцим. В городе находился один из полков дивизии Красавина, его я тогда так и не увидел.

Меня провели на территорию лагеря. Шел мелкий снег, который тут же таял. Помню, что я шел в расстегнутом полушубке. Уже темнело, но наши солдаты нашли

какой-то аппарат и включили освещение. К нам подходили изможденные узники в полосатой одежде, что-то говорили на разных языках.

Меня, не раз видевшего своими глазами гибель людей на фронте, поразила такая невиданная жестокость нацистов к заключенным лагеря, превратившихся в живых скелетов.

Об отношении немцев к евреям я читал в листовках, но в них ничего не говорилось об уничтожении детей, женщин и стариков. О судьбе евреев Европы я узнал уже в Освенциме. Я приехал туда 29 января 1945 года.

Меня встретил начальник штаба полка полковник Дегтярёв. Он сказал, что вчера здесь похоронили семьдесят восемь убитых наших солдат и офицеров.

По территории лагеря ходили заключенные в полосатых робах. Двое из них остановились, начали улыбаться, хлопать в ладоши, глядя на мою Звезду Героя Советского Союза.

Я спросил:

— Ну как, рады что сейчас свобода? Куда вы идете? Кто вы такие?

Они, как оказалось, были из Бельгии. Я записал их фамилии. Помню еще двух женщин. Они подошли ко мне, обнимали, целовали. Это были люди, которые могли еще улыбаться. А были и такие, которые только могли молча стоять —не человек, а живой скелет.

В Освенциме мне показали барак. Барак для женщин, отдельный. На полу кровь, испражнения, лежат трупы, страшная картина. Там больше пяти минут находиться было невозможно, такой ужасный запах разлагающихся тел. Я постоял возле дверей, сказал:

— Да, тут долго не постоишь...

В год десятилетия освобождения Освенцима премьер-министр Польши мне рассказал, что и он был узником этого лагеря и показал место на нарах, на втором ярусе, где он тогда лежал:

— Чтобы могло уместиться больше народу, каждому выделялось на нарах не больше, чем пятьдесят сантиметров по ширине. Это невозможно, вы же видите какой я.

И действительно, он был высокий, здоровый. Рассказал как его заталкивали на нары, и стягивали с них.

В тот день, когда я приехал в Освенцим, там насчитали семь с половиной тысяч оставшихся в живых.

Нормальных людей я не видел. Немцы там оставили немощных, остальных угнали 18 января — всех, кто мог ходить. Больных, ослабевших оставили; как нам сказали — всего было более десяти тысяч. Немногие, те, что могли ходить, убежали, когда наша армия подошла к лагерю.

Наши переправили на территорию лагеря санитарные части 108-й, 322-й и моей 107-й дивизии, медсанбаты этих трех дивизий развернули помывочные: таков был приказ по армии. Питание организовали тоже эти дивизии. Туда направили походные кухни. На второй день пришел запасной армейский полк и наших стали освобождать.

Я заходил не только в бараки, потрясшие меня своим видом, мне показали также и помещение, где отравляли газом у входа в крематорий. Сам крематорий и газовая камера были взорваны.

Потом я увидел детей... Жуткая картина: вздутые от голода животы, блуждающие глаза; руки как плети, тоненькие ножки; голова огромная, а все остальное как бы не человеческое — как будто пришито. Ребятишки молчали и показывали только номера, вытатуированные на руке.

Слез у этих людей уже не было. Я видел, они пытаются утереть глаза, а глаза оставались сухими...

* * *

В связи с 50-летием освобождения гитлеровского концлагеря Освенцим (Аушвиц-Биркенау) лауреаты Нобелевской премии Мира и президент Польши выступили с предложением к главам государств и правительств, граждане которых были узниками этого концлагеря, собраться в городе Освенцим, чтобы в этом страшном месте было принято Послание к народам планеты о мире и терпимости.

В приглашении, направленном мне тогдашним президентом Польши Лехом Валенсой, сказано: «Трагический ход истории привёл к тому, что на польских землях — но ведь не польскими руками — была воздвигнута фабрика смерти, символ зла — концентрационный лагерь Аушвиц. Это воплощение самых тёмных сторон человеческой природы. Пятидесятая годовщина освобождения концлагеря, полвека с момента, когда перестали дымить трубы крематориев, — подходящий повод напомнить об этом, чтобы это никогда не повторилось в будущем.

Я хотел бы, чтобы эта годовщина стала также поводом отдать дань памяти замученных на этом месте казни, преклонить голову перед всеми жертвами тоталитарного режима, чтобы эта годовщина напоминала и предостерегала мир, о том, к чему может привести одержимая идеология фашизма.

Вы, господин генерал, и Ваши солдаты открыли ворота концлагерей. Вы были для узников носителями самого прекрасного момента веры в жизнь, вестниками свободы. Я не представляю себе торжеств без Вашего присутствия и Вашего слова.... В связи с этим я хочу пригласить Вас принять участие в Почётном комитете торжеств. Я уверен, что в таком важном мероприятии Вы сможете оказать помощь и поделиться своими советами».

Глубоко убеждён, что такое послание прежде всего получил бы не я, а Маршал Советского Союза И.С. Конев или генералы П.А. Курочкин и П.С. Рыбалко, а затем командир 100-й стрелковой дивизий генерал Ф.М. Красавин или командир 322-й стрелковой дивизии генерал П.И. Зубов. Но всех этих военачальников, внесших решающий вклад в освобождение гитлеровского концлагеря и спасение его узников, к этому времени уже не было в живых. Не было в живых и командовавших тогда стрелковыми 106-м и 28-м корпусами генералов П.Ф. Ильиных и М.И. Озиминых.

Не имея возможности прибыть в Освенцим, я послал Леху Валенсе свой доклад об освобождении Освенцимского концлагеря Красной Армией в ходе Висло-Одерской операции, а также просьбу «довести до глав государств предложение установить Международный День памяти мучеников гитлеровских концлагерей. Это необходимо, считал я, для мобилизации на борьбу с возрождением идеологии фашизма, сущность которого — расизм, антисемитизм, стремление к порабощению народов, попрание права людей на жизнь, учитывая, что эта звериная идеология вновь проявляется в разных странах. Я и сегодня глубоко убежден в необходимости установления такого Дня.

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

15 мая 1945 года в штаб дивизии прибыл командующий 60-й армией, генерал-полковник Павел Александрович Курочкин, чтобы поздравить меня с присвоением нового воинского звания «генерал-майор». Моей жене, Валентине Александровне, он шутливо сказал:

— Вы самая молодая генеральша, и теперь надо зорче следить за своим генералом, чтобы он не испортился и не свихнулся...

Мы посидели, закусили, а потом Курочкин говорит:

— Получено распоряжение о подборе участников парада Победы в Москве. Ты, Василий Яковлевич, конечно, подходишь по всем статьям для участия в этом параде. Но я вот подумал, что ты и так уже сполна вознагражден. Ты стал генералом, Героем Советского Союза, у тебя вся грудь в орденах и медалях, с тобой не расставалась твоя жена Валя. Не каждому так повезло в жизни, как тебе. Ты хорошо знаешь Петра Ивановича Зубова, дивизия которого не раз сражалась рядом с твоей. Он тоже молодой генерал, но ему в жизни не так везло, как тебе. Его семья погибла от рук фашистов. Боевых подвигов он совершил во время войны не меньше, чем ты. Его еще в 1944 году представляли к званию Героя, но представление затерялось. Я отправил новое представление. Не знаю, получится ли... Вот я и решил послать Зубова на Парад Победы.

Я немного подумал и сказал:

— Мне приятно, что вы как командующий армией знаете все о своих подчиненных, заботитесь о них. Я это ощущал всегда и на себе, за что сердечно вас благодарю.

На следующий день начальник тыла дивизии организовал торжественный обед. Были там и горячие речи — вспоминали последние бои; были и мужские слезы — вспоминали погибших. Там же я огласил приказ о том, что наша дивизия до 25 мая подлежит расформированию, а ее личный состав, вооружение и боевая техника передается другим соединениям, входящих в состав группы войск, остающихся в Германии. Я вместе со своими заместителями составил наградной список офицеров.

В этом списке был мой замполит полковник Василий Устинович Ощепков, представленный к награждению орденом Боевого Красного Знамени. Он поблагодарил меня и сказал, что он гордился бы такой наградой, так как политработников его уровня таким орденом награждали нечасто.

18 мая, в одном из ресторанов вблизи Праги, командующий 4-м Украинским фронтом маршал А.И. Еременко организовал торжественный обед, посвященный окончанию войны и нашей Победе. Приглашенных было очень много. Главный зал ресторана был переполнен, к нему примыкал еще один небольшой зал, в котором обедал командующий состав армии и фронта. Широкие двери в этот зал были открыты.

Речи, произносившиеся в нем, хорошо были слышны и нам, сидевшим в главном зале. Когда прошла первая часть обеда и разговор в залах становился все более громким, прозвучала просьба о тишине. Слово для зачитания списка награжденных было предоставлено начальнику управления кадров фронта. Когда после многих фамилий и имен я и сидевший рядом Ощепков услышали, что он награжден орденом Красной Звезды, которых у него было уже два, он вдруг схватил бутылку с водкой и пошел в зал, где обедало командование фронтов. По пути Ощепков начал выкрикивать громко:

— Это ты Мехлис*, твою мать, всегда притеснял политработников... ты их расстреливал... а теперь и награды лишаешь... ты ответишь за все это.

На входе в малый зал Ощепкова схватили под руки два офицера и попытались отвести его на место, в наш зал. Он упирался и продолжал выкрикивать ругательства в адрес Мехлиса. Я тоже подошел к Ощепкову и начал его уговаривать. Но это не помогло, тогда мы вывели его во двор, с трудом запихнули в «виллис» и я поручил своему адъютанту отвезти Ощепкова в дивизию. На следующий день пришел приказ за подписью маршала Еременко — полковнику Ощепкову объявлялся строгий выговор и он немедленно откомандировывался в Москву, в распоряжение... Главного Политического Управления Советской Армии.

В тот же день я получил приказ о новом назначении — командиром 413-й стрелковой дивизии 65-й армии. Штаб армии находился в Ольденбурге. От командующего армией генерала П.И. Батова я узнал, что моя новая дивизия располагается в районе большого озера Отмахуа. Это озеро лежит на границе с Германией, Польшей и Чехословакией. Во время войны оно использовалось как аэродром для немецких гидропланов. Поэтому американцы сбросили в него несколько десятков огромных плавающих мин, каждая из которых содержала не менее 100 килограмм тротила. На поверхность воды было выведено с десятков взрывателей, в виде пятисантиметровых рожек. Одна из таких мин, слегка покачивалась на волне, на расстоянии 40-50 метров от берега.

На этом озере произошел такой случай. В один из дней, когда офицеры артиллерийского полка нашей дивизии угощались ухой на веранде ресторана у озера, сидевший среди них молодой генерал вдруг вышел из-за стола и пошел к воде. К нему присоединилась женщина, сидевшая вместе с несколькими официантками, и старший

---

* Л.З. Мехлис — генерал-полковник, начальник Главного Политического Управления Советской Армии

лейтенант, адъютант генерала. Подойдя к берегу, генерал вынул из кобуры пистолет и стал прицеливаться в мину. Расстреляв весь боекомплект (к счастью, ни одна из пуль не задела взрыватель), генерал постоял не двигаясь, затем повернулся и посмотрел на веранду, где находились офицеры. Они перестали есть и молча наблюдали за сценой на берегу озера. Повернувшись к своим спутникам, генерал что-то сказал им, спрятал пистолет в кобуру и пошел вместе с ними к своей трофейной «татре». При этом генерал ничего не сказал подбежавшему к нему командиру артиллерийского полка и даже не махнул рукой в сторону вставших за столом офицеров.

Мне даже сейчас, спустя более полувека, стыдно сказать, что этим человеком был я, а женщиной, стоявшей рядом со мной — моя жена Валентина Александровна. Много раз пытался я понять, почему четыре года не выходивший ни на один день из окопов, не раз со слезами на глазах провожавший в могилу своих погибших в бою с врагом товарищей, дважды раненый, ставший инвалидом, будучи совершенно трезвым я совершил это преступление. Ведь если бы хоть одна из пуль задела взрыватель, то не только я сам и стоящие рядом со мной люди, но и все офицеры, сидевшие на веранде ресторана, были бы превращены в бесформенные куски мяса. И до сих пор я не могу найти хоть какое-нибудь оправдание происшедшему. Скорее всего, у меня было временное помешательство, причину которого мог бы объяснить только специалист-психиатр.

После этого случая мне не раз доводилось посещать артиллерийский полк дивизии и каждый раз я боялся встречи с офицерами — свидетелями случая на озере Отмахау...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

5 января 1946 года я получил приказ передислоцировать свою дивизию на территорию Советского Союза в город Белгород, где она должна быть расформирована. Во время Курской битвы Белгород был разрушен полностью, сохранилось лишь несколько домов. Для дивизии городские власти выделили два полуразрушенных сарая и один подгоревший дом. Саперы начали их разминировать. Личный состав дивизии разместился в подвалах, на скорую руку сколоченных сараях и в двойных палатках, обогреваемых печками. Двадцать строительно-ремонтных отрядов дивизии совместно с городскими властями должны были приступить к восстановлению города. Остальные солдаты, не вошедшие в строительно-ремонтные бригады, были уволены из армии.

28 января я получил предписание возложить командование дивизии на своего заместителя, а самому прибыть в Москву и поступить в распоряжение начальника Высшей военной академии Генерального Штаба Маршала Советского Союза М.В. Захарова.

В Москву я приехал на выделенном мне, как и другим командирам соединений, трофейном автомобиле «опель-адмирал». Взял я и свой автомобиль, в котором было два спальных места. В этом автомобиле я с женой прожил до марта 1946 года. Потом мне дали комнату в пятиквартирном одноэтажном доме. Комната обогревалась камином.

Остальные слушатели академии первого послевоенного набора размещались со своими семьями в бывших казармах.

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Военная Академия Генерального штаба в 1946 году размещалась на Кропоткинской, затем ее перевели в здания, расположенные за Даниловским рынком. Там и прошли два года моего учения.

Начальниками кафедр и преподавателями ведущих предметов были многие из тех, кто был известен по своим сочинениям еще до войны, например, А.И. Готовцев, А.В. Кирпичников, В.К. Мордвинов, Е.А. Шкловский. Я с благодарностью вспоминаю всех, кто дал мне новые знания. И меня часто посещала мысль, что если бы во время войны я имел те знания, которые позже дала мне академия, то насколько меньше было бы потерь в вверенных мне частях. Обучение шло успешно. Я неизменно получал отличные оценки за решение учебных задач и за ответы на семинарских занятиях. Во время учебы особый интерес у слушателей вызывал анализ замысла, подготовки и осуществления операций и сражений, проводимых Западным, Юго-Западным и Северо-Западным фронтами в начале войны. Среди слушателей было немало тех, кто принимал непосредственное участие в этих боях. Главный интерес вызывали данные о действиях крупных военачальников, прославившихся в боевых делах. Слушатели первого послевоенного набора охотно использовали примеры умелых действий этих военачальников в своих разработках.

Но уже с середины 1947 года примеры успешных операций советских полководцев и военачальников стали упоминаться в лекциях и учебных материалах все реже. Имя же Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина упоминалось все чаще и назойливее. Замечено было и то, что в лекциях, в разрабатываемых и издаваемых в

академии военно-научных сборниках вместо понятий **советская** военная наука и **советское** военное искусство стали употребляться понятия **сталинская** военная наука и **сталинское** военное искусство. Кроме того подчеркивалось, что в разработке замыслов основных фронтовых операций, начиная с битвы за Москву и кончая Берлинской, главная роль принадлежала только Сталину.

К концу двухгодичного обучения нашего послевоенного набора слушателей ВАГШ полководческие заслуги Сталина полностью затмили деятельность известных всему миру советских военачальников. Если в ходе обучения еще и упоминали тех или иных маршалов, то их именовали не иначе как «сталинскими питомцами», или, в крайнем случае, «сталинскими полководцами».

Один из рьяных преподавателей-сталинистов, упирая на «внезапность гитлеровского нападения на Советский Союз» и «на общее значительное превосходство врага в силах и средствах», пытался объяснить сгладить трагические события первых недель войны, хаос в управлении войсками, их неорганизованное отступление вглубь страны. Этот преподаватель (фамилию которого я приводить не хочу) выдвинул совсем уж абсурдную мысль, что будто бы отступление советских войск от государственной границы до ближайших подступов к Москве было не следствием фактического срыва Сталиным боевой готовности советских войск, а его — Сталина — гениальным замыслом, заманить врага в глубь страны; именно это сделал Кутузов с наполеоновской армией. Отмечу только, что сия дикая мысль не была поддержана ни одним другим преподавателем или научным работником Академии. Кампания по возвеличению Сталина как военного гения, будто бы спасшего страну от гитлеровского нашествия, не могла не отразиться на слушателях, особенно на их подготовке к выпускным экзаменам. В этой подготовке главное место занимала дипломная работа на заданную тему, главным образом, по оперативному искусству, а затем ее защита перед Государственной комиссией, формируемой приказом Министра обороны. Преподаватели настойчиво внушали нам, что оценка комиссией наших дипломных работ во многом зависит от того, насколько в них будет отражена роль Верховного Главнокомандующего. Слушатели, разрабатывая свои дипломные темы, стремились как можно чаще, — не всегда заботясь, насколько это к месту — заполнять текст своей работы славословием в адрес «великого полководца И.В. Сталина».

Тема моей дипломной работы называлась «Уроки оборонительных действий Западного и Юго-Западного фронтов в начальный период Великой Отечественной

войны». Разрабатывая эту тему, я в качестве положительных примеров успешных и целенаправленных действий привел Юго-Западный фронт, которым командовал генерал-полковник П.М. Кирпонос. Я отмечал, что войска этого фронта упорной обороной, особенно киевских укрепительных районов, угрожали правому флангу гитлеровской группировки, действовавшей на московском направлении, оттягивая на себя значительную часть ее войск. Как отрицательный пример, я отметил опоздание с отводом армий с правого на левый берег Днестра, что привело к окружению и разгрому противником значительной части войск фронта.

Следует отметить, что командование Академии сделало очень много для помощи дипломникам. В главном учебном зале было достаточно добротных выполненных схем, отражавших положение войск сторон, не только в начальном периоде войны, но и в операциях, проводившихся позже. Но, конечно, эти схемы не давали ответа на вопрос, какая инструкция командования была повинна в тех или иных ошибках, совершавшихся советскими войсками. Например, в учебных материалах академии нигде не указывалось, что задержка с отходом главной группировки Юго-Западного фронта за Днепр произошла из-за категорического требования Сталина защищать Киев во что бы то ни стало. Об этом стало известно лишь после смерти Сталина. Поэтому в своей дипломной работе я просто указал, что виной всему была нерешительность командующего фронтом генерала М.П. Кирпоноса, который поплатился за это своей жизнью.

Как положительный пример успешных оборонительных действий я привел Западный фронт, которым после расстрела Д.Г. Павлова командовал маршал С.К. Тимошенко. Войска этого фронта, сдерживая наступление главной группировки гитлеровских войск, рвавшихся к Москве, даже после вынужденной сдачи врагу Смоленска продолжали еще в течении двух месяцев вести сражение с врагом, в том числе и силами тех его армий, которые фактически оказались в окружении. Это оборонительное сражение сыграло свою роль в создании условий для подготовки героической битвы за Москву.

Я отмечал, что кроме маршала Тимошенко в успехе Смоленского сражения сыграли крупную роль такие военачальники как Г.К. Жуков и работники Генерального Штаба.

Консультант, изучив вариант моей дипломной работы, сделал вывод, что я «слабо отразил в ней роль Верховного Главнокомандующего, великого полководца

товарища Сталина и одновременно преувеличил роль командующего фронтом Кирпоноса, который не выполнил требование И.В. Сталина во что бы то ни стало удержать Киев, опираясь на укрепительные районы».

После вторичного просмотра моей дипломной работы консультант опять указал на то, что я слабо отражаю роль Сталина в устранении ошибок, допущенных командованием фронтов. Пример успешных действий Резервного фронта в Ельнинской операции, которую осуществил Г.К. Жуков, консультант вообще порекомендовал убрать из дипломной работы, или же указать, что замысел операции сформулировал Сталин и дал подробные указания Г.К. Жукову, как ее провести.

Я избрал последнее и на этом посчитал, что моя дипломная работа готова. Я начал ее шлифовать для представления выпускной комиссии.

Государственная комиссия, возглавляемая маршалом Советского Союза Л.А. Говоровым, начала свою работу 20 января 1948 года. Она была разделена на несколько подкомиссий, состоящих из трех-четырёх членов, что позволяло принимать защиту дипломных работ от нескольких слушателей ежедневно. Это же давало возможность председателю Комиссии по его выбору посещать ту или иную подкомиссию.

Случилось так, что именно на мою защиту пришел маршал Говоров. Конечно, это немало смутило меня. В ходе моего сорокаминутного доклада у развешенных схем маршал сидел, уставившись на схемы, и не задал мне ни одного вопроса, что еще больше озадачило меня и посеяло сомнение в положительной оценке диплома. Поэтому, когда стало известно, что моя дипломная работа оценена подкомиссией и утверждена маршалом, я сразу не мог поверить. Ведь это означало, что я — в числе тех слушателей, которые окончили обучение в академии с оценкой «отлично» и буду отмечен золотыми буквами на мраморном щите, прикрепленном на стене актового зала: я получу золотую медаль и право выбора места службы при назначении на должность после окончания академии. Но все именно так и произошло.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО

28 января 1948 года я был вызван в штаб сухопутных войск, где командующий маршал И.С. Конев представил меня министру обороны А.И. Булганину. Его первыми словами было:

— Ну, говори, генерал, в какой республике Союза и в каком ее городе хочешь начать службу после академии?

Я предвидел этот вопрос, поэтому сразу ответил:

— Готов служить там, где вы прикажете.

Булганин улыбнулся:

— Ну вот и хорошо. Мы, учитывая, что ты окончил академию на «отлично», предлагаем тебе командование экспериментальной дивизией. Ты скажи мне, когда ты на войне командовал стрелковой дивизией, то сколько в ней было по штату танков?

Я ответил, что присутствующий здесь маршал Иван Степанович Конев подтвердит: в стрелковой дивизии не было ни одного танка, даже бронетранспортера. Тогда маршал Конев сказал:

— Ты верно ответил, но тебе министр обороны предлагает командовать дивизией, в которой по штату имеется 250 танков и самоходных орудий.

Булганин тут же добавил, что эта дивизия дислоцируется «в славном городе Ленинграде». И спросил:

— Ну как, доволен?

Я встал со стула и сказал:

— Товарищ министр обороны, я благодарю вас и маршала Конева за доверие командовать такой дивизией, да еще в городе Ленина.

Булганин пожал мне руку и говорит:

— Ну вот и хорошо, собирайся и поезжай в Ленинград, где тебя ждет 37-я гвардейская механизированная дивизия.

И.С. Конев тоже пожал мне руку и проводил до дверей.

2 февраля, я вместе с женой прибыл в Ленинград. На вокзале меня встретил офицер из 37-й гвардейской дивизии и на автомобиле привез в штаб. Там меня ждали мои заместители и командиры частей. Мы познакомились.

Я сразу же поехал в штаб Ленинградского военного округа (ЛВО). Там представился командующему генералу армии А.А. Лучинскому, который ознакомил меня с дислокацией войск округа и сказал, что в настоящее время главной задачей 37-й гвардейской дивизии является обустройство летнего лагеря на Карельском перешейке, а также улучшение помещений на зимних квартирах для военной техники. Командующий подчеркнул при этом, что все это необходимо осуществлять хозяйственным способом. Денег от округа дивизии выделяют мало. Но в Ленинграде много промышленных предприятий, у них всегда не хватает рабочей силы, зато много есть нужных материалов. «Вот и соображай!», — сказал Лучинский.

Затем я представился члену военного Совета округа генералу К.В. Крайнюкову, который сказал, что морально-политическое состояние в 37-й дивизии Военный Совет оценивает как удовлетворительное. Взаимоотношения командования дивизии и с местными партийными и советскими органами — нормальные. Затем он сказал, что по положению командир дивизии автоматически кооптируется в состав членов Ленинградского обкома, поэтому я вскоре буду приглашен в Смольный. Действительно, через два дня я был вызван в Смольный, где мне вручили билет члена обкома.

Как я потом убедился, кооптирование в состав этого партийного органа не накладывало какой либо конкретной обязанности, связанной с Ленинградской партийной организацией. Я должен был лишь принимать участие в пленумах обкома и иногда, если возникла такая необходимость, в заседаниях бюро обкома.

Раз в неделю в штаб дивизии приезжал из обкома фельдъегерь и вручал пакет, в котором находилась маленькая записка. Мне сообщалось время, место и повестка дня пленума обкома, а если он не предполагался, то в записке был прочерк.

Как члену обкома мне довелось принять участие в так называемом «Ленинградском деле», оставившим заметный след в истории страны.

11 февраля 1949 года фельдъегерь вручил мне пакет в котором содержалось сообщение, что 12 февраля в 9. 00 в Смольном дворце состоится пленум Ленинградского областного комитета ВКП(б). Тема повестки дня не указывалась.

Прибыв в Смольный к указанному времени, я узнал, что Пленум перенесен на завтра. На следующий день, придя за полчаса до начала, я увидел уже полный зал. Члены обкома громко разговаривали друг с другом о своих делах. Представители Ленинградского военного округа в составе пяти человек сидели почти на последнем ряду. Вдруг в зале заседания раздались и начали усиливаться аплодисменты, и все увидели, что впереди выходящих на сцену членов бюро обкома идет не первый секретарь Попков, а секретарь ЦК, член Политбюро Г.М. Маленков. Пока члены бюро обкома рассаживались за столом президиума, Маленков подошел к трибуне и заявил:

— По поручению Политбюро и лично товарища Сталина, считаю Пленум Ленинградского обкома открытым. На повестке дня один вопрос: обсуждение раскрытого антипартийного заговора, направленного против ЦК ВКП(б) и товарища Сталина. Как установлено, заговор возглавлял секретарь ЦК Кузнецов, а активными его участниками являлись руководители Ленинградской партийной организации.

Зал возбужденно загудел, послышались выкрики: «Позор»! Взоры всех в зале были устремлены на сидевших за столом президиума руководителей обкома. Лица их были бледны, сидели они, опустив головы.

Спокойно выждав, Маленков продолжал свое выступление. Он сообщил, что Кузнецов стремился оторвать Ленинградскую организацию от ЦК партии, делая это под видом «шефской помощи» руководству обкома, для чего часто встречался с первым секретарем обкома Попковым и первым секретарем Ленинградского горкома Капустиным, инструктировал их, как создавать и укреплять тайную антипартийную группу. Затем Маленков сообщил, что в январе этого года партийное руководство Ленинграда без ведома ЦК и правительства провело Всероссийскую оптовую ярмарку, что показало стремление отделиться от страны, сделать Ленинград столицей России, а самим стать ее правителями. Маленков обвинил руководителей обкома и горкома в стремлении к личному обогащению и сообщил, будто бы они присваивали себе ценную пушнину зверосовхозов: песцов, чернобурых лисиц и даже соболей.

Затем Маленков предоставил слово обвиняемым членам бюро Обкома. Все они категорически отрицали предъявленные им обвинения и клялись в верности Центральному Комитету и товарищу Сталину. После их выступлений Маленков сообщил, что в ходе начавшегося расследования возглавлявший заговор Кузнецов полностью признался в своих преступлениях и назвал всех, кто входил в заговор, а арестованный секретарь Ленинградского горкома Капустин сознался в том, что он еще является и английским шпионом.

После этого Маленков поставил на голосование предложение о выводе из числа членов обкома и исключения из партии всех заговорщиков. Я было решил, что воздержусь при голосовании. Но после фразы: «Кто за это предложение, прошу поднять руку», все быстро и дружно подняли руки. И я тоже присоединился к ним...

Сейчас, вспоминая все эти события, я думаю о том, что в то время я и все члены Ленинградского обкома были просто статистами в спектакле, который умело разыгрывал перед нами один из его режиссеров-постановщиков, близкий соратник Сталина по руководству партией и страной Г.М. Маленков. Затеянное Маленковым голосование по исключению из партии обвиняемых в заговоре руководителей Ленинградской партийной организации не имело для их дальнейшей судьбы никакого значения, ибо она была уже предрешена авторами указанного спектакля задолго до голосования. И если бы тогда какое-то число рядовых членов обкома проголосовали бы

против или воздержались, то к более чем двумстам уничтоженных партийцев Ленинграда прибавили бы и эти голосовавшие «против» или «воздержавшиеся».

В мае 1950 года вызвавший меня в штаб ЛВО командующий войсками округа генерал армии Лучинский ознакомил меня с двумя документами. Первый был подписан И.С. Коневым, второй — начальником Военной Академии маршалом М.В. Захаровым. В них предписывалось подготовить и провести опытное оперативно-тактическое учение на тему: «Прорыв подготовленной обороны противника, развитие его в глубину, отражение сильной контратаки резервов противника, стремительное развитие наступления и формирование крупной речной преграды сходу». Учения прошли блестяще. В ходе учения маршал Захаров производил разбор отдельных его этапов и поучительных эпизодов. После он подвел общие итоги и заявил, что штаб сухопутных войск, Генеральный штаб и Военная академия детально все проанализируют.

В отдельной беседе со мной Захаров сказал:

— Я весьма высоко ценю сделанную вами работу по подготовке и проведению учения. Поэтому подготовьте в надлежащем виде все документы, отражающие ваше личное участие в их разработке, а также составьте доклад с выводами и предложениями по итогам учения. Не позже 1 августа представьте их в Академию на мое имя. На Ученом совете этот материал будет рассмотрен в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата военных наук. Надеюсь, что Совет решит этот вопрос положительно.

Я поблагодарил маршала за высокую оценку моей работы и заверил его, что материалы будут предоставлены в срок. Однако я тогда не понял, что для моей дальнейшей работы в армии, необходимо иметь ученую степень, (это я осознал значительно позже) переоценил свои возможности в продвижении по командной линии. Проще говоря, по глупости я решил не посылать в Академию требуемые материалы, хотя они были полностью готовы.

Вместо этого я направил маршалу Захарову письмо, в котором сообщил, что я не буду добиваться присуждения ученой степени, так как не стремлюсь переходить на преподавательскую работу. Ответа я не получил. Пройдет время и я буду весьма сожалеть об этом неразумном поступке.

ГЕРМАНИЯ

Сдав командование 37-й гвардейской мотострелковой дивизией, я 8 августа 1951 года прибыл в штаб Группы Советских войск в Германии (ГСВГ) и представился командующему В.И. Чуйкову. Он сказал, что штаб размещается в городе Стендале. Одна из стрелковых дивизий расположена в этом же городе, другая — в Гардемгене на границе с Западной Германией. Там же в военном городке вблизи Магдебурга разместились корпусная артиллерийская бригада.

Все военные городки были закрыты для посторонних. Мне с женой была выделена трехкомнатная квартира в одном из благоустроенных домов. Поразили магазины, полные продуктов. Командир корпуса генерал-лейтенант И.Ф. Шульгин, служивший в армии последний год, относился ко мне весьма благожелательно. Начальник штаба корпуса полковник Ф.М. Перепечко и начальник политотдела корпуса Н.И. Семерых тоже были в годах и дослуживали до пенсии. Я быстро завязал дружеские отношения с заместителем начальника штаба полковником П.В. Мельниковым, дружба с которым сохранилась до сих пор. Он после ГСВГ перешел в Генеральный штаб, где за успешную работу получил генеральское звание. Командир корпуса, как я и ожидал, возложил на меня обязанности по организации боевой подготовки войск и штабов. Поэтому я редко находился дома, в Стендале. Больше всего времени я проводил на стрельбищах и на учебных полях соединений. Из командиров дивизий я больше всего дружил с генерал-майором Ф.Ф. Обушенко. Это был опытный военачальник. В один из дней я находился на стрельбище, где Обушенко руководил ротным тактическим учением. В конце дня у моего «виллиса» что-то испортилось и я поехал в Стендаль на автомобиле Обушенко. Подъезжая к находившейся на нашем пути деревне, он мне сказал:

— Вот подъедем на середину этой деревни и из одного двора выскочит гусь, бросится на наш автомобиль. Я давно решил его задавить и сегодня это сделаю, этот гусь мне надоел.

Я решил, что командир пошутил, но ошибся. Действительно, гусь, сидевший у забора дома, внезапно вскочил, раскрыл свои крылья, и, шипя, бросился к машине. Водитель автомобиля резко повернул руль и гусь оказался под задним колесом автомобиля. Из калитки выскочила хозяйка погибшего гуся и начала громко кричать. Обушенко вышел из машины, подошел к этой женщине и на смеси русского с немецким спросил:

— Фрау, сколько стоит ваш гусь?

Женщина, перестала кричать, подумала и ответила:

— Двадцать марок!

Обушенко вынул из бумажника деньги и отдал их. Но когда шофер взял из-под колеса задавленного гуся, фрау бросилась к нему и вырвала птицу из его рук. Она вытащила из кармана передника записную книжку и стала записывать номер автомобиля. Я посоветовал Обушенко помирится с хозяйкой, чтобы она порвала записи, но она ушла домой, громко выкрикивая ругательства. Как я и ожидал, жалоба на Обушенко вскоре поступила в штаб. Командующий армией генерал-полковник И.Г. Андреев объявил генералу выговор и предупредил, что в случае повторения подобного поступка он будет освобожден от должности...

Второй случай был просто комичен. В один из выходных дней была организована охота на диких кабанов (согласно купленной лицензии разрешалось отстрелить трех кабанов). Обушенко ранил одного, кабан с трудом передвигаясь, начал уходить в густой кустарник, Обушенко его догнал и, вынув охотничий нож, собрался довершить дело. Он сел на кабана верхом, но тот вдруг ожил, отбежал от упавшего генерала метров на пять, потом остановился и повернулся в его сторону. В этот момент майор Медведев метким выстрелом свалил кабана. И вновь этот случай нашел отражение в приказе командующего генерала-полковника Андреева. Там утверждалось, что генерал-майор Обушенко в нетрезвом состоянии долго катался верхом на раненом диком кабана, пока с него не свалился... После этого случая Обушенко подал рапорт с просьбой о переводе в другую армию. Но его просто откомандировали в Советский Союз.

Совсем другим человеком по своему характеру и устремлениям в службе был командир танковой дивизии генерал-майор В.Ф. Толубко. В начале тридцатых годов он был на комсомольской работе. Я часто вел с Толубко откровенные беседы о том, что меня волновало: о сталинских репрессиях перед войной и их катастрофических последствиях. Но однажды начальник политотдела генерал-майор Архипов, сказал мне, что у меня «язык плохо лежит за зубами» и начал мне выговаривать за мои разговоры: напомнил он мне и мои слова о ненужности такого большого количества политработников в армии. С тех пор я остерегался говорить с Толубко на политические темы. Я опять услышал о нем после партийной конференции ГСВГ, проводившейся в феврале 1953-го. На этой партийной конференции Толубко выступил с резкой критикой

главнокомандующего ГСВГ В.И. Чуйкова. Он обвинил Чуйкова не только в грубости с подчиненными, что действительно имело место, но также в недооценке партийной и политической работы в войсках, в преследовании политработников. В мае того же года Толубко был назначен начальником штаба танковой армии, а вскоре и заместителем главкома ГСВГ по боевой подготовке. Присвоили ему и очередное военное звание «генерал-лейтенант». А генерал армии Чуйков был отозван с должности Главкома ГСВГ.

Находясь в ГДР, советские офицеры не имели каких-либо контактов с местными властями. Они могли общаться только с людьми, занимавшимися хозяйственными и строительными вопросами. Я лично контролировал ход строительных работ по возведению военного городка для танкового полка. Вообще о состоянии общественной жизни в ГДР в войсках имели очень мало информации. Но все же к маю 1953 года среди офицеров штаба корпуса и его дивизий появились слухи о забастовках и демонстрациях в разных городах ГДР, где рабочие требовали повышения зарплаты и выдвигали другие требования. В мае стали распространяться слухи о каком-то «дне Икс»: будто бы население ГДР выступит с требованием воссоединения Германии в единое государство, этим воспользуются страны НАТО и окажут населению страны вооруженную помощь. В конце мая в штаб корпуса поступил приказ нового Главкома ГСВГ генерала армии А.А. Гречко, в котором выдвигалось требование о повышении бдительности и готовности к отпору врагам Советского Союза. Корпус получил задачу по «наблюдению за обстановкой в районе Магдебурга и прилегающих к нему населенных пунктов». Предусматривался в случае выступления населения против властей ГДР и Советской Армии ввод в бастующие районы войск 79-го стрелкового корпуса. Главная задача — прекращение демонстраций и забастовок. Предписывалось, если не будет выполняться требование разойтись по домам, предупредить демонстрантов о применении оружия. Говорилось и о возможной стрельбе холостыми патронами и зарядами из танковых орудий. В случае, если демонстранты применят бутылки с зажигательной смесью, можно будет применить боевое оружие и бронетехнику. Командир корпуса генерал Шульгин приказал мне безотлучно находиться в танковой дивизии, выведенной из военного городка и расположившейся вокруг Магдебурга.

17 июня все население Магдебурга было на улицах. Согласно докладу разведчиков, заранее направленных в город, на улицы вышло не менее пятидесяти

тысяч человек. Доложив об этом командиру корпуса, я через двадцать минут получил устный приказ ввести танковую дивизию в город, чтобы прекратить демонстрации. Письменный приказ об этом был выслан позднее. Танковая дивизия, разделившись по батальонам, начала выдвигаться к городу, чтобы занять улицы и площади. Я и генерал-майор П.П. Григорьев на бронетранспортерах выехали в Магдебург, пытаясь добраться до мэрии. Но уже при въезде в город мы столкнулись с большой толпой демонстрантов, которые, соорудив на грузовом автомобиле трибуну, слушали выступавших, время от времени выкрикивая лозунги. Чаще всего слышались выкрики: «Увеличить зарплату», «Германия едина».

Командиры полков докладывали, что они медленно продвигаются в назначенные им районы. К часу дня командир 73-го танкового полка доложил, что для разгона демонстрантов он использовал стрельбу холостыми зарядами. Два немца пытались встать перед танком и попали под его гусеницы. Демонстранты начали кидать палки и куски кирпича. По нападавшим было произведено два холостых выстрела из танка. Мужчина и женщина, находившиеся близко от танка, получили ранения. Остальные начали разбегаться. Еще о троих погибших доложил командир тяжелого танкового полка. К вечеру демонстрации в Магдебурге прекратились.

На другой день в Магдебурге, также как и в других городах, установилось спокойствие, и войска корпуса были выведены, но продолжали находиться в состоянии боевой готовности. Всего пострадало 18 немецких граждан, из которых девять мужчин и две женщины погибли.

КОМЕНДАНТ МОСКВЫ?

Вечером 18 ноября 1953 года начальник отдела кадров ГСВГ по телефону сообщил мне, что не позже 10 часов утра 20 ноября мне необходимо быть в Москве, в Главном Управлении кадров (ГУК) Министерства Обороны. Я спросил его, почему такая спешка и вернусь ли я обратно. Через час он сообщил, что надо забрать с собой и жену, поскольку в Стендаль я не возвращусь. Мы с женой быстро собрали свои вещи — их набралось три чемодана — и рано утром 19 ноября выехали машиной в Берлин. В аэропорту Вюнсдорф я обратился к военному коменданту за авиабилетом, но он сказал, что сегодня пассажирский военный самолет уже улетел и если мне нужно срочно лететь в Москву, то только на военно-транспортном самолете. Конечно, удобств там нет, но

можно все же сносно устроиться. Когда мы вошли в этот грузовой самолет, то оказалось, что сидеть придется на ящиках. Но все же мы долетели до Москвы в тот же день и ночевали уже у себя на Суворовском бульваре.

Заместитель Главного управления кадров Министерства обороны генерал-лейтенант Николаев сообщил, что есть предложение назначить меня комендантом Москвы. Я сразу же заявил:

— Я ни в чем не провинился, чтобы быть комендантом, пусть даже и нашей столицы. Добровольно я согласия не дам.

Николаев ответил:

— Должность военного коменданта выше заместителя командира стрелкового корпуса, денежный оклад — больше. Вам бы вскоре присвоили звание генерал-лейтенанта.

Я резко сказал:

— Зачем же меня без вступительных экзаменов зачислили слушателем Военной академии Генерального штаба? Чтобы назначать комендантом города? Я, как и прежде, хочу продолжать службу в армии и категорически не согласен быть военным комендантом.

Николаев отпустил меня и сказал, чтобы я завтра позвонил ему после 11 часов утра.

21 ноября я узнал от Николаева, что назначение на новую должность осталось открытым. Еще через пару дней он сообщил, чтобы я сегодня же пришел в экспериментальную мастерскую Министерства обороны, где мне снимут мерку для гражданского костюма. Выяснилось, что скоро я полечу в Пекин на должность советника командующего одной из общевойсковых китайских армий, воюющих с американцами в Южной Корее.

На эту должность моего согласия не требовалось. Дома я рассказал жене о моем новом назначении. Она, конечно, расстроилась и сказала, что завтра же пойдет работать на один из военных заводов. Я одобрил ее решение и стал ждать отъезда в Китай.

Прошла неделя и вместо отъезда пришло предложение осмотреть новую четырехкомнатную квартиру в Сокольниках. Моя Валя сразу же заявила, что одна в этой квартире жить не будет и останется лучше в нашей старой коммунальной квартире. Тогда нам предложили две комнаты на улице Грановского, рядом с

Кремлевской больницей. Жена сказала, что надо переезжать, там можно спокойно жить вместе с еще четырьмя семьями. Затруднения были лишь с кухней, где на газовой плите было всего четыре конфорки, а также проблемы с общим туалетом, куда далеко не всегда можно сразу попасть. Прошла еще неделя и Николаев сообщил, что мне предлагается поехать с женой ехать в Сочи, в санаторий имени Фабрициуса, где я обязан отдыхать до тех пор, пока не будет вызова из ГУКа. Мы с женой на второй же день впервые в нашей жизни выехали в Сочи для отдыха и лечения в шикарном военном санатории.

Это действительно был первоклассный санаторий, где отдыхали, в основном, только генералы и адмиралы.

Шел декабрь 1953- го, когда я узнал из газет, что Китай и Северная Корея заключили перемирие с США. Я понял, что вряд ли потребуюсь там и стал спокойно продолжать отдых.

ТУРКЕСТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

По возвращении в Москву мне сообщили, что я назначен заместителем командира стрелкового корпуса в Самарканде.

Приехал я туда 17 декабря 1953 года. Устроив жену в отведенной для нас квартире, я выехал автомобилем в Ташкент представиться командованию Туркестанского военного округа (ТуркВО). Я уже знал, что командующим этого округа является генерал армии А.А. Лучинский. В деловой и дружеской беседе с ним мы не раз вспоминали «Ленинградское дело», в котором приняли вынужденное участие. Лучинский доверительно сообщил мне, что он просил начальника ГУКа назначить меня на должность начальника Управления боевой и физической подготовки войск ТуркВО. Но случилось так, что 6 июня 1954 года приказом министерства обороны на указанную должность был назначен генерал-полковник танковых войск Г.И. Архипов, а я этим же приказом был назначен его заместителем. Лучинский в разговоре со мной сказал, что, видимо, у генерала Архипова есть более влиятельная поддержка, но он считает, что должность заместителя начальника Управления боевой подготовки округа тоже важная и посоветовал мне работать в полную силу.

Прошел год и я втянулся в работу, сдружился с генералом Архиповым. 8 августа 1955 года меня назначили на должность командира 30-го горнострелкового корпуса,

дислоцирующегося в столице Таджикистана г. Сталинабаде (ныне — Душанбе). 11 августа я прибыл в Сталинабад. Проезжая по улицам города, я видел немало солдат, подметавших тротуары. Меня встретил начальник штаба полковник И.Ф. Вольфман. Я попросил его проводить мою жену до нашей новой квартиры, а сам начал рассматривать карту дислокации соединений корпуса. После я спросил начальника штаба:

— На каком основании немало солдат работает на улицах города?

Он сослался на приказ, отданный еще прежним командиром корпуса генералом Чудесовым (скоропостижно скончавшимся), выделять два раза в неделю по 200 солдат для уборки улиц центральной части города. Такой порядок существует уже несколько лет и установлен он по просьбе городских властей. Я потребовал немедленно отменить этот приказ и запретить с завтрашнего дня выделение на эту работу хотя бы одного солдата. Это был мой первый приказ на новом месте, подписанный через три часа после вступления в должность. Он обострил мои взаимоотношения с местными властями на самом высоком республиканском уровне...

Для того, чтобы детально ознакомиться со всеми отдельными гарнизонами войск, входящих в состав моего корпуса, мне потребовалось две недели. Для посещения горностроительного полка в Хороге я решил использовать двухместный самолет, но убедился, что это не самый безопасный способ передвижения. Дело в том, что Сталинабадский военный аэропорт примыкал к городскому мясокомбинату, отходами которого питаются десятка два орлов-стервятников. Птицы не раз нападали на самолеты. Зафиксировано уже не менее пяти вынужденных посадок: самолеты явно проигрывали птицам.

Через месяц моих поездок в разные гарнизоны, я хорошо изучил расположение пограничных отрядов в полосе боевой ответственности корпуса. Немало времени у меня отнимало участие в различных мероприятиях местной партийной организации. Я был главным военачальником в республике, поэтому входил в состав ЦК компартии Таджикистана и обязан был посещать не только пленумы и конференции, но и отдельные заседания бюро ЦК.

Первый секретарь ЦК Карим Ульджабаев был весьма слабо подкован в армейских делах, поэтому от него не раз поступали требования, выполнить которые мы были не в состоянии. Так, однажды он приказал мне использовать танки для подвоза сенадохнувшим от бескормицы на плоскогорьях овцам. Как я понял, потребность в

подкормке овец на высокогорных пастбищах возникает ежегодно. От бескормицы в республике погибает до 100 тысяч овец. Я попытался объяснить абсурдность такой задачи: ведь танк может перевезти всего 50 - 70 килограмм сена. Но Ульджабаев настаивал на том, что только танки способны подняться на горные плато, находящиеся на высоте до 1,5 – 2-х километров. Не сумев его переубедить, я сказал что эту задачу выполнить не могу и посоветовал обратиться к командующему ТуркВО генералу Лучинскому. Ульджабаев стал упрекать меня в «непонимании национальной политики» и в «нежелании сотрудничать с местными партийными органами».

В одну из ночей меня разбудил телефонный звонок. Звонили по поручению Ульджабаева. Мне сообщили, что на реке Вахш поток, усилившийся после дождя, разрушил деревянный моста, и первый секретарь ЦК требует навести понтонный мост. При этом распоряжение звучало так: «Товарищ Петренко, хозяин приказал срочно выслать саперный полк на Вахш...» Услышав это, я, еще не совсем отошедший от сна, начал громко выговаривать порученцу:

— Что вы мелете чепуху, какой хозяин? Нет у меня никакого саперного полка, у меня саперный батальон. Ульджабаев должен знать, что на Вахше сильное течение не позволяет строить понтонный мост. Я пошлю командира саперного батальона на место, чтобы выяснить обстановку и принять правильное решение для восстановления переправы.

Через час новый звонок, но уже из штаба округа. Дежурный по штабу передал приказ Лучинского немедленно позвонить ему по ВЧ на квартиру. Состоялся неприятный разговор с командующим, но речь шла не столько о мосте, а сколько об отношениях с местными партийными властями. Лучинский настаивал, чтобы я извинился перед Ульджабаевым за грубый ответ. Я пытался сказать, что я беседовал не с Ульджабаевым, а с каким-то порученцем, но командующий повторил: надо извиниться именно перед Ульджабаевым. Днем я позвонил Ульджабаеву, и сообщил ему, что саперный батальон выехал к месту аварии и к утру следующего дня мост будет отремонтирован. Но и он начал выговаривать мне, что «я грубо отругав порученца, оскорбил лично его, и что он будет разговаривать о моем поведении с министром обороны товарищем Жуковым».

Еще до этого злосчастного моста на Вахше у меня были неприятности с домом, который занимал при жизни бывший командир корпуса генерал Чудесов. В этом доме продолжала жить его жена с сыном. Это был большой кирпичный пятикомнатный дом,

к нему примыкал огород и сад размером не менее полугектара, огороженный высоким забором. И вот этот дом приглянулся одному из секретарей ЦК КП Таджикистана. Он дважды обращался ко мне с просьбой об обмене этого дома на хорошую двух или даже трехкомнатную квартиру в центре города. Я поручил моему заместителю решить проблему с обменом, но мне доложили, что жена покойного генерала Чудесова не хочет никакого обмена. Она будет жаловаться министру обороны на притеснения, поскольку после смерти мужа снята охрана дома, многие фруктовые деревья поломаны ворами. Председатель Совета Министров Таджикистана Додхудоев настойчиво просил меня все же решить эту проблему.

Возникла еще одна проблема. Директивой командующего ТуркВо разрешалось по просьбе местных властей выделять солдат на уборку хлопка. Я распорядился выделять как можно больше человек, но Додхудоев считал, что я якобы резко ограничиваю количество солдат, отправленных на уборку и запрещаю офицерам принимать в ней участие. Ульджабаев требовал чтобы все офицеры, в том числе и полковники, собирали, как и солдаты, по 50 килограмм хлопка. Вместе с солдатами и офицерами должны были участвовать в сборе хлопка и их жены. Я убеждал Додхудоева, что точно выполняю директиву и добавил:

— Если Вы и товарищ Ульджабаев считаете, что на уборку необходимо посылать абсолютно весь личный состав без исключения, в том числе и девять полковников, занимающих должности командиров, начальников штабов и их заместителей, то вам следует обратиться к Лучинскому. Но вы должны иметь ввиду, что мой корпус — не рабочая команда.

Имели место и другие попытки со стороны руководящих лиц республики и города Душанбе вмешаться в дела 30-го горнострелкового корпуса, например, посылать солдат ремонтировать горные дороги, укреплять перевалы и плотины на реках. Мои возражения, что такие работы войска корпуса будут выполнять лишь при угрозе стихийного бедствия, не нашли отклика. Руководители республики считали, что они могут распоряжаться корпусом также, как всем остальным в республике. Они, видимо, послали не одну жалобу на меня в разные инстанции.

16 декабря 1956 года в корпус прибыла группа генералов и офицеров во главе с генерал-лейтенантом Савельевым, который предъявил предписание начальника Главпура А.С. Желтова о проверке политико-морального состояния войск 30-го корпуса, уровня партийно-политической работы в его частях и подразделениях.

Савельев сообщил, что в Главпур из ЦК КП Таджикистана поступило письмо, в котором изложены факты «нездоровых взаимоотношений с руководством республики командира корпуса генерал-майора В.Я. Петренко». Генерал сказал, что мы обязаны написать объяснительную записку.

При проведении итогов работы комиссии Савельев, кроме ряда замечаний по состоянию воинской дисциплины и уровню политической работы, много внимания уделил недостаткам во взаимоотношениях командиров частей корпуса, и «лично командира корпуса генерал-майора В.Я. Петренко» с местными властями, и особенно с партийными руководителями.

Через несколько дней после отъезда комиссии из Душанбе Лучинский пригласил меня к себе на ужин, во время которого сообщил о том, что доложила комиссия Главпура министру обороны маршалу Жукову.

— Я, — сказал Лучинский, — присоединился к выводам комиссии о целесообразности твоего перевода из Таджикистана в другое место. Кроме того,— подчеркнул он,— я высказал свое мнение, что ты способен устранить указанные в выводах комиссии недостатки. Так что скоро твоя служба в Таджикистане закончится.

Прошел январь нового 1957 года, но каких либо изменений в моей службе не произошло. Но вот февраль принес мне неожиданность. Из отдела кадров округа мне по телефону сообщили, что 27 февраля мне надо быть в Москве, в Военной академии Генерального штаба. Я зачислен слушателем двухмесячных Высших академических курсов.

По телефону я спросил Лучинского, на кого возложить командование корпусом. Он ответил:

— Курсы двухмесячные, поэтому ты от должности командира корпуса не освобождаешься. До твоего возвращения пусть командует начальник штаба Вольфман, он справится. Я подбираю генерала, который заменил бы тебя после курсов, потому что их слушатели, предназначены на выдвижение. Но ты все же учти, что Главпур не забывает тех, кого он проверял и какие выводы сделал из этой проверки.

«СТАРЫЙ ДРУГ»

Вскоре последовал приказ министра обороны Г.К. Жукова об освобождении меня от должности командира 30-го ГСК и о назначении первым заместителем командующего 14-ой армии Одесского Военного Округа, которая размещалась на территории Молдавии. Штаб армии находился в Кишиневе.

По положению эта должность была формально выше должности командира корпуса, но все же эта должность заместителя, а не единоначальника. Но я был доволен этим перемещением, так как мои взаимоотношения с руководителями Таджикистана не стали нормальными.

10 июня 1957 года я прибыл в Кишинев и представился командующему 14 армии, генерал-лейтенанту С.Ф. Афонину. Он сразу же неожиданно резко сказал: «Ну вот, товарищ Петренко, мы опять встретились, но, верно, в иной обстановке чем в 1944 году, на Днестре. Так расскажи мне, за что же тебя опять, также как и тогда сняли с 226 стрелковой дивизии, а теперь с 30-го корпуса?»

Я немного помолчал, а затем ответил: «Семен Федорович, откуда вы взяли, что меня в 1944, да и теперь сняли с должности? Ведь вы хорошо знаете, что маршал Конев разобрался с тем, что моя дивизия отходила не самовольно, под натиском противника, а по вашему приказу. Я Коневу представил свою рабочую карту, на которой вы собственной рукой наметили два рубежа, на которые следовало отвести части дивизии. Но вы в своем донесении об изменении линии фронта не указали. Насколько я помню, за это вы получили взыскание. Относительно того, что меня министр обороны будто бы снял с должности сейчас, то это гнусная ложь, которой вы, видимо охотно поверили. Если вы считаете, что нам будет трудно работать вместе, то я могу сегодня же уехать в Москву для доклада начальнику Главного Управления кадров или командующему сухопутными войсками маршалу Коневу, о Вашем нежелании иметь меня своим первым заместителем».

Афонин начал мне рассказывать, что у него имеется информация о результатах комиссии. А потом добавил, что он ничего не имеет против совместной работы, поскольку это не мое желание, а приказ министра обороны. Уходя из кабинета начальника, я «забыл» пожать ему руку.

Совсем другой разговор произошел с начальником штаба Петром Афанасьевичем Приваловым. Он поздравил меня с повышением, и спросил: «Не пострадал ли в Азии от скорпионов и тарантул?»

А скорпионов там было действительно много. По утрам я находил их даже под подушкой.

После этого, он сказал, что если предложенная мне квартира будет тесновата, то проблем с ее заменой не будет.

Устроившись на новом месте, я предложил жене перебраться в Кишинев. Но отъезд мы отложили, поскольку Валя должна была доработать на заводе. Я не стал торопить ее. Учитывая мою новую должность, я должен был значительное время проводить вне Кишинева, находясь то в одной, то в другой дивизии, принимая участие в полевых тактических занятиях, или на боевых стрельбах. Кроме того, я считал важным вместе с командирами дивизий организовывать и проводить занятия с командирами частей.

АКАДЕМИЯ ИМ. М.В. ФРУНЗЕ

В Кишиневе я пробыл недолго. В октябре 1958 года пришел приказ об освобождении меня от должности заместителя командующего 14 армии. Я переехал в Москву и начал работать заместителем начальника кафедры оперативно-тактической подготовки в Академии им. Фрунзе. Но для того, чтобы спокойно руководить кафедрой мне надо было в ближайшее время защитить диссертацию. Об этом мне постоянно напоминали мои начальники. Слушая их уже не просьбы, а приказы я вспомнил о том, какую глупость я совершил не послушав генерала Захарова, который советовал мне получить кандидатскую степень уже давно. Но что делать. Пришлось увеличить свой рабочий день, по ночам писать диссертацию, разрабатывать лекции по оперативному искусству. Нужно добавить, что на мне еще «висело» рецензирование статей. Трудно перечислить всю ту работу, которую должен выполнять начальник кафедры, в подчинении у которого семьдесят преподавателей, из которых семь генералов, а остальные — полковники. В 1961 года мне присвоили ученую степень кандидата военных наук; в 1964 я стал доцентом, а в 1970 – профессором.

За годы работы в Академии я опубликовал в «Трудах академии», в «Методическом бюллетене», а также в журналах Министерства обороны СССР «Военная мысль», «Военный вестник», «Военно-исторический журнал» и газете «Красная звезда» более ста статей. «Военное издательство» выпустило в свет две мои книги «Основы подготовки и ведения оборонительных операций общевойсковой

армии» и «Борьба с ядерным оружием противника».

В эти годы я познакомился с генералом Петром Григорьевичем Григоренко, который возглавлял научно-исследовательский отдел. Он был членом Ученого Совета академии. Человек чрезвычайно активный и деятельный, критиковавший диссертации, много публиковавшийся в научных трудах и бюллетенях академии. Мы достаточно часто спорили. Запомнился разговор о роли Жукова в войне. Григоренко, знавший Жукова еще по Халхин-Голу считал, что это был невыдержанный и грубый человек, отдававший свои приказы матом. Более того, он утверждал, что Жуков во время войны не жалел солдат, пытаясь взять высоту к круглой дате, часто отправлял солдат на военные авантюры. «Вот, — говорил Григоренко, — этим и объясняется такое огромное количество жертв во время боевых операций». Но эти разговоры велись в частных беседах. На всех официальных мероприятиях Григоренко ничем не отличался от других преподавателей Академии.

Не знаю сколько могло это продолжаться, но в начале сентября 1961 года состоялась XIII партийная конференция Киевского района. От академии им. Фрунзе было избрано девять кандидатов. Среди них я, маршал И.С. Конев, заместитель начальника Главпура Г.В. Середин и генерал Григоренко.

Перед началом конференции наша делегация была проинформирована о том, что от нас выступает генерал П.А. Курочкин. Слышал это и Петр Григорьевич.

Странности начались уже в самом начале. Все мы сели на третьем ряду. Григоренко же направился на балкон, где разместились гражданские лица. Видимо он боялся, что мы можем помешать ему выступить.

Каково же было наше удивление и замешательство, когда на второй день конференции мы услышали, как председательствующий объявил: «Слово для выступления предоставляется коммунисту Петру Григоренко». Он спускался вниз, в руках — коробка из-под папирос «Казбек». Очутившись на трибуне, раскрыв пачку «Казбека», где судя по всему был написан текст выступления, генерал начал говорить:

— Я лично считаю, что в проекте новой программы партии недостаточно четко изложен вопрос о причине появления культа личности и его последствиях. Я считаю, что не только Сталин виноват в тех ужасных репрессиях, которые изложены в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии, а виноваты Берия, Ягода и Ежов. Хрущев, не произведя никакого расследования, обвинил во всем Сталина.

После этих слов в зал зашумел, раздались редкие хлопки. Григоренко

продолжил:

— Я считаю, что в проекте новой программы партии недостаточно полно и четко изложены меры, исключающие появление нового культа личности, а мы видим, что уже начинает формироваться культ Хрущева, и он, как и Сталин, тоже вскоре станет над партией.

В зале нарастал шум, перемежавшийся аплодисментами. Сидевший в президиуме маршал С.С. Бирюзов прервал выступление Григоренко:

— Товарищи делегаты, я думаю, что дальше слушать разглагольствования этого оратора нет смысла, он мелет явную чепуху.

Но в зале послышались выкрики: «Пусть говорит, нельзя лишать его слова»!

Григоренко, заглянув в пачку из под «Казбека», опять повторил, что нельзя обвинять одного только Сталина в культе личности, закрыл коробку и спустился с трибуны.

После этого на трибуну поднимались Курочкин и Конев. Все они говорили о том, что на XIII партконференции Григоренко ни слова не сказал против постановления XX съезда, добавляли, что все коммунисты академии Фрунзе осудят это выступление; оно явно не продумано, и обвинения выдвинутые в нем явно недоказуемы.

Но и даже после этих выступлений Григоренко не отказался от своих слов.

После этого был объявлен перерыв, на котором делегация Академии им. Фрунзе решила лишить Григоренко мандата делегата XIII конференции «за антипартийное выступление, не отражающее мнение не только делегатов, но и всех коммунистов Академии».

Вопрос был поставлен на голосование и большинство делегатов проголосовали за это предложение...

Уже на следующий день в Академии была организована комиссия. На ней Григоренко объявили строгий выговор. Постановление, вынесенное на конференции было отменено. Тем не менее в письме из Главпура, пришедшее через два дня, было написано, что наше решение было «беззубым и несоответствующим тяжести антипартийной вылазки Григоренко». Комиссия Главпура исключила его из КПСС, а вскоре пришел приказ министра обороны об освобождении Григоренко от занимаемой должности и назначении его начальником оперативного отдела штаба 5-ой армии Забайкальского военного округа.

В дальнейшем генерал П.Г. Григоренко активно участвовал в диссидентском

движении, был принудительно помещен в психиатрическую клинику, но от своих убеждений не отказался.

В начале 60-х мы с Валентиной Александровной продолжали жить в коммунальной квартире на улице Грановского, в центре Москвы.

Однажды на один из праздников к нам заглянул мой старый фронтовой товарищ, начальник Академии, генерал Курочкин. Естественно, что после долгого застолья ему понадобился туалет. Однако, кто-то из соседей упорно не открывал дверь. Вернувшийся после долгого перерыва генерал хмуро сказал: «Теперь я понимаю, зачем ты меня звал в гости. Завтра же напиши рапорт на получение жилья». Вскоре мы получили нашу отдельную квартиру.

С Академией им. Фрунзе связаны одни из самых приятных воспоминаний моей армейской службы. Здесь я проработал почти двадцать лет, стал начальником кафедры оперативного искусства. В апреле 1967 года Постановлением Совета Министров СССР мне было присвоено звание генерал-лейтенанта. Среди научных работ нашей кафедр отмечу труд по основам общевойскового боя, за который нашему авторскому коллективу в 1967 г. приказом министра обороны была присуждена премия имени Фрунзе.

В 1977 г. я вышел в отставку и посвятил себя общественной работе в Советском комитете ветеранов войны.

ОТ ОСВЕНЦИМА ДО САН-ПАУЛО

Как я уже писал выше, с 1960г. Советский комитет ветеранов войны регулярно направлял меня на различные юбилейные мероприятия, связанные с освобождением Освенцима. В Польше, где мне довелось побывать трижды, особое внимание уделялось трагедии славянских народов как жертв нацизма, много говорилось о миллионах погибших польских граждан, но, вплоть до начала 90-х годов, никогда не делался акцент на еврейских жертвах.

В своих выступлениях я неизменно подчеркивал роль Красной Армии в освобождении узников нацистских концлагерей.

Тема Холокоста впервые остро встала на Международной конференции освободителей узников гитлеровских концлагерей в Вашингтоне, инициатором которой стал будущий лауреат Нобелевской премии мира, известный писатель и публицист Эли

Визель. 19 октября 1981г. он отправил мне персональное приглашение, в котором писал: «Как председатель Американского совета поминовения жертв нацизма, я выражаю свое удовлетворение тем, что Вы примите участие в исторической международной конференции освободителей, этой первой встрече мужественных и свободных людей, которые были первыми увидевшими мир ужасов нацизма и тех, кто непосредственно испытал эти ужасы на себе.

...С нетерпением жду встречи с вами на столь важной конференции».

Идея проведения такого форума была неразрывно связана с двумя важными событиями: подписанным в 1980г. президентом США Дж. Картером решением конгресса о создании в Вашингтоне Мемориального музея Холокоста и первыми открытыми выступлениями в печати так называемых «отрицателей Холокоста». Последние неоднократно заявляли, что никаких нацистских лагерей смерти с газовыми камерами и крематориями не существовало. Один из специализировавшихся на этих спекуляциях калифорнийский институт даже предлагал приз в 100 000 долларов тому, кто докажет существование нацистский лагерей смерти.

Напомню, особенно молодым читателям, что конец 1981г. – не самое безоблачное время в советско-американских отношениях. Ввод наших войск в Афганистан, ссылка академика Сахарова, отказ американцев приехать на московскую Олимпиаду 1980г., ежедневное осуждение советской прессой «израильских агрессоров»– вот неполный перечень исторического фона этой встречи. В моем архиве сохранились записи, газетные вырезки и фотографии этой поистине исторической конференции.

26 октября 1981г. американские радиостанции особо отмечали, что среди 13 стран-участниц находятся и советские представители. Впрочем, советская делегация имела свою особую точку зрения на главный вопрос повестки дня – необходимость увековечения памяти евреев-жертв нацизма. Пол Тэйлор так писал о ходе конференции в газете «Вашингтон пост» 28 октября: «Один за другим они выходили к трибуне: раввин из Бронкса, русский генерал, польский ученый, медсестра из Вирджинии и французский чиновник.

...В обращении к конференции председатель комитета Эли Визель, бывший узник Освенцима и Бухенвальда, заявил: «Нас всех объединяет стремление не допустить предательства по отношению к павшим. Они были уничтожены нацистами

один раз, они не должны быть снова убиты забвением».

...Визель организовал эту конференцию как часть кампании, направленной против попыток фальсификации истории преступлений нацизма. Он сказал, что за последнее десятилетие во многих странах появилось более 100 антисемитских публикаций, пытающихся доказать, что концентрационные лагеря и уничтожение 6 миллионов евреев было мифом.

... Хотя на конференции превалируют эмоциональные выступления, она не лишена дипломатической окраски. К удивлению многих участников, Советский Союз направил сюда делегацию из шести человек, возглавляемую генерал-лейтенантом Павлом Даниловичем Гудзь, заместителем Академии бронетанковых войск.

Во время официальных бесед генерал Гудзь и другие члены советской делегации говорили о громадных потерях советского народа во время второй мировой войны, но не упоминали специально об уничтожении Гитлером евреев».

Должен отметить, что выход на первый план «еврейской темы» немало насторожил руководство нашей делегации. Не скрою, что мне было досадно слышать слова раввина Гершеля Шактера, участвовавшего в освобождении Бухенвальда: «Мы не отрицаем их жертв, но почему они избегают упоминания о наших?»

В официальном отчете нашей делегации говорилось, что американцы неоднократно спрашивали о том, почему в СССР нет памятников еврейским жертвам, на что мы неизменно отвечали, что невозможно ставить памятник людям каждой национальности, которые гибли на советской земле. Я в тот момент искренне верил, что такой подход является правильным.

Но особой дискуссии по этому вопросу не возникло. Как отмечала та же «Вашингтон пост», «Визель заявил в интервью, что конференция способствовала установлению «добрых чувств» между СССР и США. Это же подтвердил и генерал-лейтенант Василий Яковлевич Петренко, освобождавший Освенцим». Документальным подтверждением этих слов является хранящаяся у меня фотография из американской газеты, где Э. Визель, его супруга и я что-то горячо обсуждаем, причем на лицах собеседников сияют «голливудские улыбки».

Отмечу, что наши отношения продолжались и в годы перестройки, когда Эли Визель, уже будучи Нобелевским лауреатом, приезжал в Москву как председатель Совета Мемориала Холокоста США. Вот что он писал мне 15 ноября 1986г.: « Мне доставило большое удовольствие встретить вас снова в Москве. У нас есть узы,

связывающие лишь некоторых людей, потому что мы знаем то, что знают немногие. Тем более я с глубочайшей признательностью приветствую Вас.

Спасибо, мой друг, что встретили нас в аэропорту и за участие в приеме в мою честь, который устроили Посол и г-жа Хартман».

Надеюсь, что наши встречи в Вашингтоне и Москве содействовали развитию советско-американских отношений. Кстати, на конференции в Вашингтоне произошла встреча нашей делегации с главой израильской делегации Гидеоном Хауспером, бывшим Генеральным прокурором Израиля, автором знаменитой речи «6 000 000 обвиняют» на процессе Адольфа Эйхмана. 29 октября 1981г. газета «Вашингтон пост» процитировала слова Хауспера:»встреча была проведена для того, чтобы выяснить – нельзя ли создать отношения между странами на основе страданий». Как известно, в эти годы советские военные академии готовили кадры для армий арабских стран, противостоящих Израилю. До восстановления дипломатических отношений оставалось почти 10 лет...

Тем более удивительно, что вскоре я получил предложение посетить Израиль. Шел 1982г. Пикантность ситуации заключалась в том, что делегацию Советского комитета ветеранов войны пригласила компартия Израиля. Перед выездом нас инструктировал кандидат в члены Политбюро академик Пономарев. Руководитель нашей делегации вез крупную сумму денег для израильских коммунистов...

Вскоре после приезда нас пригласил на аудиенцию премьер –министр страны Ицхак Рабин. Мне очень хотелось встретиться с этим незаурядным человеком, бывшим начальником Генерального штаба израильской армии. Но наш руководитель решительно отказался: «Я не пойду и Вам не советую. Нечего нам в это влезать. Мы сюда приехали с определенной задачей». О нашей несостоявшейся встрече с израильским лидером я вспоминал в день траурной церемонии в здании Посольства Израиля в Москве после его убийства еврейским фанатиком...

Мне довелось побывать в Израиле пять раз, участвовать в церемониях, посвященных дню памяти евреев-жертв нацизма в «Яд Вашем». Но особенно запомнилась первая поездка. Мы встречались с представителями как еврейских, так и арабских организаций. Были в Восточном Иерусалиме, проезжали мимо Голанских высот через еврейские поселения выходцев из Советского Союза...

До сих пор у меня много друзей в Израиле, прежде всего – руководители ветеранских организаций Авраам Коэн, Арье Пинчук, Яков Маниович и многие другие.

В апреле 1987г. я был вновь приглашен в США. В Лос-Анжелесе, по инициативе Центра имени Визенталя должна была состояться церемония зажжения вечного огня у памятника 6 000 000 евреев.

На памятнике также были выбиты названия нацистских лагерей смерти. Церемония прошла очень торжественно. Мне вручили большую свечу, которую затем зажгли. С этой горящей свечей в руке я сказал собравшимся: «Я солдат Второй мировой войны и поэтому имею моральное право выступать здесь от имени всех воинов Советской Армии – живых и павших, которые в жесточайшей из всех в истории человечества войн, вместе с воинами армий других государств антигитлеровской коалиции и бойцами Сопrotивления стран, попавших под фашистскую оккупацию, ценой огромных жертв разгромили гитлеровские орды, спасли цивилизацию и народы от нацистской тирании.

Среди многих миллионов таких жертв более десяти миллионов славян и шесть миллионов евреев, людей обоего пола и всех возрастов, от глубоких старцев до грудных младенцев. Евреев нацисты уничтожали только за то, что они евреи... Особую кровожадность нацисты питали к советским евреям, которых они уничтожали с невиданной жестокостью, сознательно и планомерно». Затем мне была оказана высокая честь зажечь вечный огонь на огромной черной мраморной плите. Стефен Браун писал в газете «Лос-Анжелес Таймс» 27 апреля: «Уцелевшие приветствовали генерала Петренко как долгожданного героя, пытаюсь сфотографироваться с ним, беря его автографы, показывая ему фото погибших родственников и друзей и пытаюсь дотронуться до него и пожать его руку». Из Калифорнии по приглашению председателя «Общества друзей Яд Вашем» я посетил Вашингтон и Нью-Йорк. В ходе этой поездки я познакомился с советским послом в США А. Ф. Добрыниным, который радушно показал мне советское консульство в Нью-Йорке. В городе Трентоне, штат Нью-Джерси, прошла церемония присвоения мне звания почетного жителя этого города.

Из других зарубежных поездок этого периода мне больше всего запомнились две – в Бразилию и Великобританию.

В апреле 1993г. весь мир отмечал 50-летие восстания в Варшавском гетто. По приглашению Ассоциации Шерит Хаплейта ду Бразил я прилетел в Сан-Пауло. Здесь, в одном из крупнейших Дворцов спорта города, в присутствии нескольких тысяч человек, прошла мемориальная церемония. После ее окончания мне была вручена первая из 10 золотых медалей, выпущенных еврейской общиной страны специально к

этой дате. Эту медаль вместе с другими своими реликвиями военных лет я передал российскому Фонду «Холокост».

25-31 января 1995 года Национальный благотворительный комитет «Яд Вашем» и правление еврейской общины Великобритании пригласили в Лондон нашу делегацию «Генералы и адмиралы за мир и разоружение». Эта поездка была приурочена к 50-летию освобождения Освенцима.

Поразил прежде всего интерес британских средств массовой информации к этому событию: я давал многочисленные интервью крупнейшим теле- и радиоккомпаниям Англии, газетам «Таймс», «Ивнинг стэндард» и другим. В числе моих интервьюеров был и корреспондент немецкого информационного агентства.

Кроме этого были многочисленные встречи с руководством «Яд Вашем», оставшимися в живых узниками Освенцима. Более всего мне запомнилась памятная церемония, посвященная 50-летию освобождения этого концлагеря. Она состоялась в зале Лондонского университета. Зал был рассчитан на 900 человек, однако в нем собралось по оценке организаторов не менее 1500 человек.

В своем выступлении я впервые изложил свою версию подготовки освобождения лагеря смерти Освенцим. Там же я предложил ежегодно отмечать 27 января как международный день памяти узников нацистских концлагерей и воинов, проливших свою кровь за освобождение этих фабрик смерти.

После окончания моей речи все встали и аплодировали несколько минут. Подошедший ко мне известный английский историк лорд Буллок сказал, что ему, вероятно, придется переосмыслить и дать новую оценку событий, связанных с освобождением нацистских концлагерей.

Эти поездки и встречи помогли мне многое понять в трагедии Холокоста. С середины 90-х годов я ежегодно принимаю участие в проводимых в Москве мемориальных вечерах, приуроченных к годовщине восстания в Варшавском гетто и освобождению Освенцима.

В сохранении памяти о жертвах нацизма и воинах-освободителях я вижу свой долг солдата и военного историка.

Я верю, что сохраняя память о прошлом, мы способствуем тому, чтобы ужасы нацизма никогда больше не повторились на нашей планете.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Я пишу эти строки в самом конце XX века. Он навсегда войдет в историю не только своими научными достижениями, но и самой страшной войной в истории человечества. Среди свыше 50 миллионов человеческих жизней, унесенных Второй мировой в особом ряду стоят жертвы нацистских концлагерей и лагерей смерти.

Моя фронтовая судьба дважды сводила меня с узниками за колючей проволокой. Никогда не забыть мне встречу в украинском городе Славута с освобожденными советскими военнопленными - больными, ранеными и голодными. Несомненно, что, несмотря на все заявления гитлеровского руководства, такие концлагеря выполняли одну функцию - физического уничтожения как можно большего количества людей.

Мне кажется, что истинная роль нацистских концлагерей до сих пор остается не до конца понятой современниками, несмотря на обилие книг, и мемуаров о страданиях людей и преступлениях палачей. Не только как очевидец, но, прежде всего как военный историк, я долгие годы анализировал причины того, что ни в советской, ни в зарубежной мемуарной литературе теме освобождения нацистских концлагерей не было отведено достаточно места. Маршалы Рокоссовский и Конев, чьи войска освободили соответственно Майданек и Освенцим, практически ничего не пишут об этом. Может быть совсем по иному относились к освобождению концлагерей войска союзников? Но в мемуарах американских военачальников почти нет упоминания о гитлеровских концлагерях. Почему? До сих пор нельзя дать однозначного ответа. Можно предположить, что страны антигитлеровской коалиции не планировали борьбы с гитлеровскими концлагерями. Если они планировали войну на море и на суше, то плана по пресечению уничтожения людей в гитлеровских лагерях отсутствовал. Почему? Вопрос остается открытым, несмотря на все мои поиски.

В своей книге я попытался проанализировать и дать оценку этим причинам, прежде всего позиции Сталина и советского руководства по отношению к проблеме лагерей смерти. Верно, что нередко советские воины в последний момент узнавали, что на их боевом пути - лагерь с еще живыми узниками. Но верно и другое. Думаю, что еще не до конца оценена заслуга тех командиров дивизий, в частности командира 322

дивизии генерала Зубова, которые лично отдали приказ не применять артиллерию и танки при освобождении Освенцима, чтобы сохранить жизнь его узникам.

История самого страшного лагеря смерти периода Второй мировой войны - Освенцима или Аушвица как его называют за рубежом - наглядно свидетельствует, что кроме тотальной войны на фронте и на оккупированных территориях, нацисты вели еще одну страшную войну. Это была война на полное физическое уничтожение не только реальных или потенциальных противников гитлеризма, но и мирных граждан всех стран оккупированной Европы. Не только газовые печи и крематории стали символами этой трагедии. Миллионы моих соотечественников были открыто, истреблены в бесчисленных ярах и рвах Украины, России и Белоруссии.

Такая политика нацистов полностью вытекала из теории расового превосходства и необходимости жизненного пространства для «истинных арийцев». Только победа стран антигитлеровской коалиции смогла остановить эти зловещие планы, особая роль, в которых отводилась славянским народам. Но один из своих планов - «окончательного решения еврейского вопроса» - нацистам, пусть и частично, удалось решить. Лауреат Нобелевской премии мира, американский писатель Эли Визель очень точно сказал: «Не все жертвы нацизма были евреями. Но все евреи были жертвы нацизма».

Шесть миллионов женщин и мужчин, детей и стариков были уничтожены только за то, что они были евреями. Почти половина из них была уничтожена на советской территории. Большая часть других жертв была удушена газом и сожжена в печах крематориев лагерей смерти.

Лишь героическая борьба стран антигитлеровской коалиции остановила народоубийство. Я горжусь тем, что мне довелось участвовать в освобождении лагеря смерти Освенцим. Среди полутора миллионов погибших там людей - один миллион сто тысяч еврейских жертв. Я никогда не забуду измученных истощенных людей в полосатых арестантских робах, которые благодарили своих освободителей. Я видел разрушенные печи крематориев и газовых камер, слышал рассказы людей...

Разве мог кто-либо из нас подумать тогда, что пройдет всего несколько десятков лет и «отрицатели Холокоста» будут заявлять, что ничего этого не было - ни лагерей смерти, ни газовых камер, ни еврейских жертв нацизма. На моем письменном столе сейчас лежит книга швейцарского учителя Юргена Графа «Миф о Холокосте». Она издана по-русски двумя изданиями и в газетном варианте, ее суммарный тираж - десятки тысяч экземпляров. А таких книг появляется все больше и больше. Увы, они

издаются в стране, граждане которой внесли наибольший вклад в том, чтобы остановить гитлеровскую чуму. Мне многое не нравится в сегодняшней России. Я стал коммунистом на фронте и никогда не изменял своим идеалам, за которые проливал кровь, за которые отдавали свои жизни мои боевые товарищи. То государство, которое мы защищали и которому я служил десятки лет перестало существовать. Отнюдь не все, как пишут сегодня, было в нем плохое. Я искренне верю, что идеи интернационализма, и дружбы между народами не могут быть идеологическими категориями. Эта норма жизни нормальных людей в цивилизованном обществе. Мне горько думать и писать о том, что лидеры нынешних коммунистов сегодня в одном строю с лжепатриотами, подчас и с генеральскими лампасами. Встреча с узниками Освенцима навсегда сделала меня противником любых проявлений антисемитизма. Ибо это - прямой путь к лагерям уничтожения ни в чем неповинных людей.

Наше поколение, увы, уходит из жизни. Поколение людей, которое отстояло не только свободу, но и право на правду о войне и ее жертвах. Случилось так, что умерли молодыми три моих боевых товарища - командиры других дивизий, освобождавших Освенцим. Сегодня я говорю не только от своего, но и от их имени. От имени тысяч советских солдат и офицеров, погибших при освобождении узников нацистских концлагерей и гетто. Злодеяния нацистов никогда не должны быть забыты или прощены. Те, кто отрицает Холокост, существование лагерей смерти и миллионы жертв их узников защищают прежде всего нацистскую идеологию и практику.

Именно об этом мне хочется еще раз напомнить новым поколениям людей во всем мире.

Я пишу эти строки накануне 55 годовщины освобождения Освенцима. И я верю, что этот день - 27 января - станет международным Днем памяти всех уничтоженных нацистами мирных граждан Европы.

Москва, декабрь 1999 г.